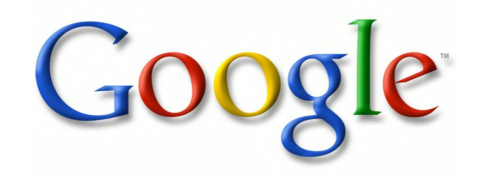
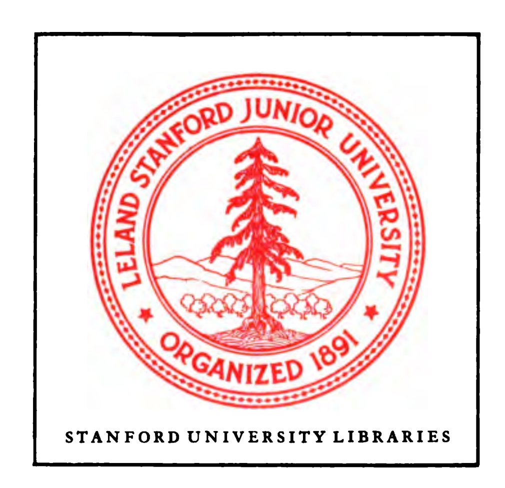



LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

ИЗОБРАЖЕНІЕ ПЕРЕВОРОТОВЪ

ВЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМѢ

ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ГОСУДАРСТВЪ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ПЕРЕВОРОТОВЪ

ВЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ

СИСТЕМѢ

ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ГОСУДАРСТВЪ,

съ исхода пятнадцатаго столѣтія.

СОЧИНЕНІЕ

Ф. Ансильона.

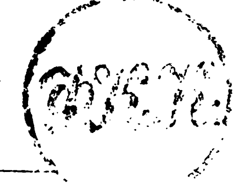
ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Per varios casus, per tot discrimina rerum Tendimus.

Виргилій.

Ponderibus librata suis.

Овидій.



ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Конрада Вингебера.
1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ 4 марта 1838.

Ценсоръ *А. Фрейганъ.*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ.

Необходимость внѣшняго залога для существованія и правъ государствъ. — Общее стремленіе Европейскихъ державъ къ созданію системы равновѣсія. — Планъ сочиненія.

Изъ Исторіи и разсказовъ путешественниковъ видно, что люди вездѣ живутъ обществами, болѣе или менѣе несовершенными, устроенными съ бо́льшею или меньшею мудростію и искусствомъ. Но первобытное состояніе общества можно представлять себѣ, какъ состояніе естественное; несправедливо только предполагать, чтобы это естественное состояніе было счастливѣйшимъ для человѣческаго рода: оно есть отвлеченность общества́, философическое предположеніе, романъ, предшествующій Исторіи.

Въ такомъ состояніи права и обязанности людей хотя и существуютъ, но они не опредѣлены и не защищаемыя физическою силою, — ничтожны. Сила и право суть идеи, другъ друга от-

талкивающія, и одна никогда не можетъ основать другое. Но сила есть естественный залогъ права; она овеществляетъ его, упрочиваетъ его существованіе; безъ нея оно шатко. Въ естественномъ состояніи нѣтъ другой силы, кромѣ силы каждаго члена отдѣльно; а эта сила разлита неодинаково: у одного человѣка она такъ велика, что можетъ угрожать правамъ его ближнихъ или нарушать ихъ; у другаго она недостаточна для защиты собственной самобытности.

Гоббесъ несправедливо утверждалъ, что въ первобытномъ состояніи общества не могло быть ни правъ, ни обязанностей, и что мѣра силъ долженствовала быть единственною законною мѣрою дѣйствій. Въ собственномъ нашемъ разумѣ существуетъ законъ всеобщій, непремѣнный, непоколебимое основаніе всѣхъ правъ и обязанностей. Этотъ законъ, ограничивающій дѣятельность одного человѣка дѣятельностію другихъ, и поставляющій между ними оплоты справедливаго, существуетъ всегда. Только при недостаткѣ внѣшняго залога и побуждающей силы, которая бы заставляла уважать сей законъ, на самомъ дѣлѣ онъ будетъ ничтоженъ, потому что безпрестанно будетъ нарушаемъ. Неравенство способовъ нападенія и защиты, одинаковость нуждъ

и желаній превратили бы такое состояніе, гдѣ люди ни отъ кого не зависятъ и постоянно боятся другъ друга, въ непрерывную войну. Въ этомъ отношеніи Гоббесъ справедливъ.

Человѣкъ созданъ для общества; безъ него онъ бы погибъ или по крайней мѣрѣ не развилъ бы силъ своихъ; онъ не владѣлъ бы ни чѣмъ, потому что всѣмъ владѣлъ бы неопредѣленно; онъ попеременно былъ бы похитителемъ чужой собственности или самъ терялъ ее: потому-то человѣкъ и долженъ стремиться къ созданію политическихъ обществъ, которыя одни представляютъ ему покровительство и безопасность; только въ ихъ нѣдрахъ существа, различныя по силамъ, соперники въ желаніяхъ и страстяхъ, но всѣ, имѣющіе потребность въ справедливости, могутъ жить вмѣстѣ.

Въ каждомъ обществѣ есть высшая воля, которой должны быть подчинены всѣ частныя воли; есть высшая сила, которая, какъ всегдашняя покровительница, удерживаетъ частныя силы въ справедливыхъ предѣлахъ. Верховная власть даетъ законы и опредѣляетъ права; и тогда законъ выходитъ изъ міра идей, чтобъ въ мірѣ вещественномъ облечь себя въ формы организованныя: тогда человѣкъ суще-

ствуетъ достойнымъ себя образомъ. Онъ уже не дикое животное, оспоривающее у другихъ клочекъ земли; онъ разумное существо, которое живетъ вмѣстѣ съ другими существами, не внушаетъ имъ опасенія, и самъ не боится ихъ.

И такъ сила есть необходимый залогъ права; безъ нея оно пустое слово. Общественное могущество ограждаетъ отъ злоупотребленія средствъ, которыми люди владѣютъ, и упрочиваетъ право. Нужды такъ настоятельны, страсти такъ пылки, выгоды такъ противоположны, царство разума такъ слабо, что высшая власть должна препятствовать людямъ прибѣгать къ силѣ мнимой дѣйствительности ихъ правъ.

Различныя государства, покрывающія поверхность земнаго шара, суть нравственныя лица, то есть разумныя существа, такъ какъ и недѣлимыя, ихъ составляющія. Верховная власть, въ каждомъ изъ нихъ, есть основное жизненное начало, связь общества, ключъ къ своду зданія, до котораго нельзя коснуться, неподвергая себя преступленію. Какъ душа политическаго тѣла, эта власть мыслитъ, желаетъ, дѣйствуетъ, имѣетъ права священныя. Пока государства не имѣли между собою сношеній,

существованіе каждаго изъ нихъ могло подвергаться опасности быть подавленнымъ другимъ. Отъ недостатка общаго залога сихъ государствъ, монархи взаимно соединились условіями — *трактатами;* стали уступать, пріобрѣтать, обмѣнивать свои права. Такіе трактаты составляютъ общественное или договорное право. Но и эти залоги также подвергались нарушенію, были причиною новыхъ насилій, жалобъ и оскорбленій.

Здѣсь и представляется вопросъ, любопытный для всѣхъ друзей человѣчества. Естественное состояніе противно благу и назначенію человѣка; въ немъ сила существуетъ для того только, что бы безнаказанно нарушать право, тогда какъ она должна защищать его и наказывать нарушителей. Такое состояніе есть источникъ всѣхъ бѣдствій, соединенныхъ въ одномъ бичѣ — войнѣ; оно всегда влечетъ за собою новыя опасности, или по крайней мѣрѣ питаетъ зависть, недовѣрчивость, безпрерывное опасеніе и побуждаетъ къ мѣрамъ предосторожности. Не должны ли послѣ этого общества стараться освободить себя отъ такого состоянія? И какія лучшія средства для достиженія этого?

Нельзя ли для этого, по мнѣнію нѣкоторыхъ

писателей, основать въ Европѣ всемірную монархію? Но это значило бы подписать смертный приговоръ политическимъ тѣламъ, изъ опасенія, чтобы онѣ не подвергались болѣзнямъ. Въ самомъ дѣлѣ средство было бы хуже самаго зла; да и какое политическое тѣло согласилось бы на эту мѣру? Независимое существованіе многихъ государствъ, различныхъ по учрежденіямъ и законамъ, есть главная основа развитія, образованности, труда и богатства Европы. Различіе администрацій произвело полезное соревнованіе, разнообразіе и обиліе мыслей, чувствъ, характеровъ: все это исчезло бы при единствѣ одной власти, замѣняющей всѣ видоизмѣненія правленій. Чувство гордости, довѣренность, патріотисмъ, народная физіогномія, всѣ отличительные признаки каждаго народа, уничтожились бы въ этой амальгамѣ разнородныхъ стихій. Наконецъ, если бы можно было привести въ исполненіе проектъ всемірной монархіи, если бы даже онъ не замедлялъ хода человѣческаго рода, то надобно еще найти средство упрочить его существованіе. Лучшій примѣръ представляетъ Римская имперія, повидимому осуществлявшая всемірную монархію: она тотчасъ же раздробилась. Продолжительныя

и кровопролитныя войны долженствовали рѣшить, кому достанутся различные члены сихъ великихъ тѣлъ; да и во время эфемернаго ихъ существованія, она болѣе прозябала, чѣмъ жила; часто смерть поражала ея внѣшность, а сердце еще билось.

Нельзя ли создать общаго союза всѣхъ державъ, которыхъ представители составляли бы высшее судилище, чтобы это судилище опредѣляло права каждаго государства, утверждало ихъ взаимныя отношенія и упрочивало ихъ развитіемъ великой побудительной силы? Такой планъ существовалъ въ головѣ Генриха IV; онъ былъ развитъ во всей обширности, съ бо̀льшею филантропіею, чѣмъ прочностію, добродѣтельнымъ аббатомъ Сенъ-Піерромъ. Знаменитый метафизикъ, лучше знавшій человѣка нежели людей, занимавшійся болѣе тѣмъ, чѣмъ должны быть люди, а не тѣмъ, что̀ они на самомъ дѣлѣ, воскресилъ этотъ проектъ вѣчнаго мира, какъ единственное средство замѣнить, такъ называемое, естественное состояніе состояніемъ общественнымъ. Достаточно простыхъ, но разительныхъ наблюденій, чтобы показать всю неудобоисполнимость такого предположенія.

Для утвержденія на законномъ основаніи этого порядка вещей, нужно согласіе всѣхъ верховныхъ властей; но противоположность ихъ выгодъ и видовъ уничтожаетъ надежду на такое согласіе, а слѣдственно и на самый проектъ. Этѣ власти не могутъ сами составить ареопага, потому что въ одно и то же время должны быть и судьями и подсудимыми. Трудно учредить это судилище такимъ образомъ, чтобы представители различныхъ государствъ, имѣя столько независимости и силы для исполненія высокихъ своихъ обязанностей, не стремились къ первенству. Понуждающая сила, въ которую надобно облечь этотъ родъ Амфиктіонова совѣта, должна быть выше силы каждаго государства отдѣльно, точно такъ, какъ въ государствѣ общественная сила выше силы недѣлимыхъ. Но между силою цѣлаго союзнаго тѣла и силою всякаго члена его никогда не можетъ быть такой несоразмѣрности, какая находится между общественнымъ могуществомъ и сопротивительными средствами частнаго лица. Слѣдовательно, государство можетъ надѣяться на сопротивленіе общей волѣ союза и на безнаказанное неповиновеніе; а когда можетъ, то развѣ невѣроятно, чтобы оно захотѣло этого

рано или поздно? Непокорный не отвлечетъ ли также отъ союза и другихъ членовъ? Допустимъ, что онъ не успѣетъ въ томъ: Исторія доказываетъ, что одна держава часто торжествовала надъ опаснѣйшими союзами; она съ успѣхомъ противопоставляла единство раздѣльности; постоянное направленіе своихъ способовъ измѣнчивымъ и противорѣчащимъ направленіямъ силъ противниковъ. Посмотрите на союзъ Камбрейскій, на войны соединенной противъ Людовика XIV Европы, и на побѣды Фридриха II.

Подобнаго судилища никогда не было. На Амфиктіоновъ судъ, въ Греціи, возложена была обязанность сохраненія Дельфійскаго храма, и нѣтъ доказательствъ, чтобы въ кровопролитныхъ войнахъ между Аѳинянами и Спартанцами онъ имѣлъ какое нибудь посредничество, или какую нибудь власть. Въ избирательныхъ республикахъ, конгрессы или генеральные штаты имѣли совершенно другое назначеніе: они служили связью союзамъ; ихъ дѣятельность и сила устремлены были противъ внѣшнихъ враговъ; имъ исключительно поручались одни только политическія сношенія. Императорская Германская камера можетъ назваться уменьшен-

нымъ ареопагомъ, какой хотѣли установить; а между тѣмъ рѣшеніе ея развѣ не встрѣчало сопротивленій; развѣ приговоры ея не были безсильны и медленны? Иногда сильные Германскіе владѣтели исполняли ея приговоры, относительно государствъ слабыхъ, неспособныхъ къ противодѣйствію; но камера всегда опасалась вооружать противъ себя первенствующихъ князей, чтобы не выказать, при ихъ неповиновеніи, своей слабости.

Чтобы замѣнить войну миромъ, не нужно ли, по мнѣнію нѣкоторыхъ, устроить всѣ правительства по формамъ представительнымъ? Исторія свидѣтельствуетъ противъ сего предположенія. Надежды и опасенія, страсти и расчеты, производящіе войны, всегда и вездѣ одинаковы; бо̀льшая или меньшая ихъ дѣятельность зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Такъ въ правленіи аристократическомъ, смѣшанномъ съ демократіею, сенатъ будетъ объявлять войну, чтобы занять народъ извнѣ, и такимъ образомъ вѣрнѣе достигнуть ни съ кѣмъ недѣлимой власти. Римскіе патриціи не знали иной политики. Тоже и въ демократическомъ правленіи: демагоги сдѣлаютъ свое; они тотчасъ станутъ толковать о мнимой опасности,

или преувеличивать опасность видимую; станутъ увѣрять народъ въ необходимости войны; будутъ льстить его корыстолюбію, или распалять народную гордость и ненависть къ врагамъ.

Наконецъ не успѣхи ли разума и нравственности производятъ этотъ залогъ для самобытности и независимости государствъ? Сила нравственная замѣнитъ ли когда нибудь силу физическую, удерживающую людей въ обществѣ? Мысли эти весьма утѣшительны; но онѣ никогда не могутъ управлять міромъ, потому что страсти, наклонности, нужды всегда болѣе или менѣе управляютъ человѣкомъ. Опасенія и недовѣрчивость, существующія между государствами, могутъ быть источникомъ войны, явной или тайной. Потому, когда народы замѣтили, что ихъ самобытность подвергается безпрестаннымъ и взаимнымъ опасностямъ, то всѣ свои старанія они устремили къ усиленію, распространенію и утвержденію мѣры національнаго могущества, какъ единственной мѣры внѣшней безопасности. Предупредить успѣхи могущества враговъ, вознести собственное могущество на высшую степень силы и прочности, при недостаткѣ внутреннихъ, органическихъ силъ, могущихъ противодѣйствовать опасной массѣ, за-

мѣнить этотъ недостатокъ силы искусно составленными союзами — вотъ главныя части плана внѣшней безопасности, котораго всегда придерживались различные народы.

Изобразить опасности, которымъ подвергалась національная самобытность государствъ; мѣры, употребленныя для ея сохраненія; показать средства, созданныя необходимостію самосохраненія и защиты — значитъ представить исторію могущества народовъ, которое одно служитъ залогомъ ихъ самобытности, свободы, правъ, и которое въ обществѣ народовъ имѣетъ ту же цѣль, какую верховная власть въ государствѣ, именно защиту слабыхъ, покровительство всѣхъ и каждаго.

Съ перваго взгляда можно опасаться, что въ сочиненіи, разсматривающемъ Исторію въ этомъ отношеній, будутъ представлены однѣ только войны, сношеній, договоры, заключаемые и нарушаемые; но при малѣйшемъ размышленін откроется, что для объясненія дѣйствія Европейскихъ народовъ на великомъ театрѣ Европы, для показанія ихъ возвышенія и паденія, удачнаго или неудачнаго употребленія, которое они дѣлали изъ своего могущества, должно будетъ говорить о свойствѣ и пе-

реворотахъ въ ихъ правленіи, о характерѣ и измѣненіи законовъ, о родѣ и количествѣ труда, о нравахъ, обычаяхъ, порокахъ, добродѣтеляхъ, и обо всемъ томъ, что совершено ими для наукъ, искусствъ и художествъ. При такомъ взглядѣ будетъ ясно видно, какъ опасныя державы уничтожались на политической картѣ; какъ другія государства, о существованіи которыхъ едва было извѣстно, сами въ свою очередь начали устрашать враговъ, которыхъ такъ долго боялись; какъ смѣлыя и грозныя предначертанія готовы были исполниться, когда непредвидимыя и неизвѣстныя причины — потому что онѣ приготовлялись медленно и въ молчаніи — воспрепятствовали этому исполненію.

Могущество государства не заключается единственно въ цвѣтущихъ финансахъ, въ многочисленномъ войскѣ, въ прочныхъ союзахъ; это признаки и дѣйствія могущества, но не самое могущество. Могущество государства зависитъ преимущественно отъ національнаго его богатства, отъ излишка разнородныхъ произведеній, остающагося отъ потребленія, отъ превосходства прихода надъ расходомъ: чѣмъ значительнѣе такой излишекъ, тѣмъ болѣе средствъ для поддержанія извнѣ независимости и народной

чести. Богатство раждается отъ труда, а не отъ количества денегъ; трудъ состоитъ въ великой дѣятельности и высокомъ совершенствѣ земледѣлія, искусствъ и торговли; но всѣ сіи источники благосостоянія болѣе или менѣе обильны, смотря по обстоятельствамъ. Часто небогатое по средствамъ государство производитъ великія дѣла, и съ успѣхомъ защищается противъ могущественнѣйшаго непріятеля: это зависитъ или отъ географическаго его положенія, иногда отъ самой бѣдности, или отъ нравственныхъ причинъ, напримѣръ: религіи, политики, народной гордости, энтузіасма, внушаемаго народу монархомъ. Такихъ размышленій достаточно для доказательства, что нельзя начертать Исторіи могущества и внѣшнихъ сношеній Европейскихъ народовъ, не разсматривая ихъ со всѣхъ сторонъ; этому общему взгляду должно подчинить прочіе факты, если мы не хотимъ показывать слѣдствій безъ причинъ, дѣйствій безъ побужденій и событій безъ связи.

Пока не было связи между народами, пока невѣжество или національная гордость разъединяли ихъ, до тѣхъ поръ они не умѣли ни предвидѣть угрожавшихъ имъ опасностей, ни своевременно отвратить ихъ собственною силою,

или союзомъ съ другими народами противъ общаго врага. Если гдѣ нибудь образовывалась опасная масса силъ, то народы были подавляемы ею въ ту минуту, когда только-что узнавали о ея существованіи. Тѣмъ и объясняются успѣхи Александра Македонскаго, и завоеванія Римлянъ. Въ Европѣ не было политической системы. Всѣ народы подпали власти Рима, потому что допустили его покорять себя постепенно, и никогда не дѣйствовали совокупно.

Въ среднемъ вѣкѣ государства были слабы, необразованны и отдѣлены другъ отъ друга; люди жили только въ настоящемъ, обращая вниманіе на ближайшіе къ нимъ предметы. Недѣятельный умъ ихъ, погруженный въ невѣжествѣ, не умѣлъ связать событій, а еще менѣе предвидѣть ихъ и дать имъ направленіе. Воображеніе, праздное при занятіи чувствъ, рѣдко переносило ихъ въ будущее. При недостаткѣ сношеній, народы не знали другъ друга; но если бы и знали, то взаимное безсиліе ихъ было таково, что они не могли опасаться другъ друга и принимать мѣръ предосторожности; вотъ почему они не дѣйствовали по соглашенію, не вели войнъ, не заключали мира, не составляли союзовъ, или не нарушали ихъ по

правиламъ постояннымъ, прочнымъ. Каждое государство существовало само для себя: государь и подданные равно были бѣдны. Если сосѣди отличались дѣятельностію, предпріимчивостію, честолюбіемъ, ихъ опасались на мгновеніе; но всѣ предначертанія не имѣли цѣлаго, всѣ военныя дѣйствія лишены были порядка и послѣдовательности. Мирились и ссорились очень легко; плановъ не умѣли составлять, а если бы и умѣли, то не были бы въ состояніи ихъ исполнить.

Взглядъ на главнѣйшія событія среднихъ вѣковъ, служащій введеніемъ къ сему сочиненію, покажетъ, что въ продолженіе этой эпохи Европа вовсе была чужда политической системы. Только съ исхода XV столѣтія, послѣ взятія Турками Константинополя, стеченіе причинъ физическихъ и нравственныхъ, приготовленій медленныхъ и долговременныхъ, событій особенныхъ, произвело, почти въ одно время, въ Европѣ многія массы могущества, изъ которыхъ однѣ могли нападать съ мужествомъ и отвагою, другія защищаться упорно и съ успѣхомъ. Въ это же время относительное положеніе державъ было причиною происхожденія политической системы, которая часто из-

мѣнялась въ формѣ и направленіи, отъ которой многія государства отступались, а другія приставали, но которая никогда не переставала существовать, и въ минуту своего разрушенія всегда возраждалась какъ будто сама изъ себя.

Въ продолженіе трехъ вѣковъ усилія образованной Европы стремились къ защищенію, поддержанію, распространенію и утвержденію этой системы; вотъ цѣль, которую предполагали себѣ правительства въ дѣлахъ политики или войны. Для человѣка, любящаго справедливость и человѣчество, новая Исторія покажется мятежною картиною, если всѣ войны, опустошавшія Европу, онъ припишетъ честолюбію и гордости, ненависти и мщенію. Эта любимая тема всѣхъ декламаторовъ клевещетъ на монарховъ, унижаетъ человѣчество, и въ великой драмѣ событій замѣчаетъ одну цѣпь существъ и дѣйствій, будто бы назначенныхъ для одного ниспроверженія, и будто бы люди идутъ по развалинамъ и трупамъ, никогда не достигая до великаго и утѣшительнаго результата. Но можно и должно предполагать другое; взять иную точку зрѣнія и примѣнить все это къ другимъ началамъ. Тогда мы помиримся съ

человѣчествомъ и возвратимъ Исторіи интересъ и величіе. Войны несправедливыя происходятъ отъ недостатка общаго залога, доказывая его необходимость; войны справедливыя — только одно законное употребленіе силы для восторжествованія права, мѣры, для утвержденія царства справедливости. Съ исхода XV вѣка, Исторія Европы представляетъ великую и поучительную картину усилій, болѣе или менѣе счастливыхъ покушеній всѣхъ государствъ, чтобы выйти изъ сомнительнаго положенія, и постановить между собою общественный залогъ права для предупрежденія злоупотребленія силы. Одно средство представлялось къ достиженію сей желанной цѣли: противопоставлять силу силѣ, дѣйствію противодѣйствіе; поддерживать порядокъ, гармонію и спокойствіе въ мірѣ политическихъ тѣлъ тѣми же самыми средствами, которыя поддерживаютъ порядокъ, гармонію и спокойствіе въ мірѣ физическомъ, и наконецъ стараться установить равновѣсіе притяженіями и отталкиваніями, умно соединенными.

Такъ я намѣренъ изложить политическую Исторію трехъ послѣднихъ вѣковъ. Мы увидимъ, что государства будутъ стараться создавать массу

могущества, равную той, которая имъ угрожаетъ, или развивая свои силы и національныя средства трудомъ и искусствомъ, или присоединяя свои силы къ силамъ другихъ державъ, имѣющихъ съ ними одинаковыя выгоды; мы увидимъ, что государства упрочатъ свою самобытность чрезъ наблюденіе за тѣми сосѣдями, которые, по своему положенію, основнымъ правиламъ и средствамъ, должны быть почитаемы ихъ естественными врагами. По закону сродства они тѣснѣе соединятся съ державами, которыя хотя и не могутъ сдѣлать имъ никакого зла, но которыя могутъ его сдѣлать ихъ врагамъ: такія правила всегда будутъ служить имъ руководствомъ. Вообще государства, не теряя изъ виду главной цѣли, бдительно и дѣятельно будутъ препятствовать рѣшительному и совершенному перевѣсу какой нибудь державы, дабы она, при своемъ перевѣсѣ не подавила другія, или не сдѣлала ихъ самобытности сомнительною.

Къ сожалѣнію, время, нами описываемое, представляетъ нерѣдко прихоти и страсти, вмѣсто умной предусмотрительности; средства защиты и залога употреблялись иногда во зло; союзы, неискусно составленные въ своихъ сти-

хіяхъ, или несправедливые по своимъ намѣреніямъ; трактаты, нарушаемые съ обѣихъ сторонъ, особенно же продолжительныя, кровопролитныя войны. Но если мы всегда будемъ смотрѣть на основное начало, откуда все это проистекало, если мы обратимъ вниманіе на цѣль, къ которой стремились народы — залогъ ихъ самобытности и правъ — то всѣ сіи событія покажутся намъ не столь грустными и несправедливыми. Другъ человѣчества всегда будетъ другомъ мира; но если онъ просвѣщенъ, то увидитъ также, что война часто бываетъ необходимымъ къ тому средствомъ. Вполнѣ раздѣляя желаніе, чтобы войны не такъ были часты, замѣтимъ однако, что никогда не должно выпускать изъ виду слѣдующихъ идей.

Въ планѣ развитія человѣческаго рода, войны суть средства, сходныя со всѣми тѣми средствами, которыя употребляетъ природа для побужденія человѣка къ труду, дабы трудомъ онъ развивалъ всѣ свои силы. Страданія, бѣдствія и нужды обуреваютъ насъ. Волканы, наводненія, землетрясенія, ураганы, градъ и прочая, безпрерывно разрушаютъ плоды труда человѣческаго, и снова заставляютъ насъ трудиться.

При продолжительномъ мирѣ совершенству-

ются искуства и дарованія; война, давая сильное стремленіе уму, заставляетъ создавать, изобрѣтать, открывать. Безъ войны, можетъ быть, не будетъ производящей силы и дѣятельности, безъ мира — времени и досуга, все довершающихъ.

Миръ влечетъ за собою богатство, богатство умножаетъ чувственныя удовольствія, а привычка къ этимъ удовольствіямъ производитъ недѣятельность и эгоисмъ. Пріобрѣтать и наслаждаться — вотъ что дѣлается общимъ девизомъ; души слабѣютъ, характеры унижаются. Война съ своими бѣдствіями развиваетъ мужественныя и сильныя доблести; безъ нее храбрость, терпѣніе, твердость, самопожертвованіе, презрѣніе смерти исчезли бы съ лица земли. Даже неучаствующіе въ ней классы народа привыкаютъ къ лишеніямъ и дѣлаютъ пожертвованія. Самобытность и имущества находятся въ сомнительномъ состояніи: люди привыкаютъ не обращать вниманія на то, чего можно лишиться каждую минуту.

Да будетъ отъ меня далека мысль ослабить этими размышленіями ужасъ войны; я раздѣляю его со всѣми чувствительными сердцами! Мысли мои единственно клонятся

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1492 — 1618.

Отъ происхожденія политической системы, или, лучше, отъ войнъ Карла VIII въ Италіи, пробудившихъ Европейскія державы, до начала тридцатилѣтней войны.

Въ этой первой части Испанія возвышается на первую степень. Сдѣлавшись грозною и преобладающею державою, она тяготѣетъ надъ Европою и образуетъ средоточіе всѣхъ политическихъ движеній. Величіе ея обращается ей самой въ бремя. Напряженіе силъ ослабляетъ ее. Возрастающая сила Франціи угрожаетъ ей. Карлъ V создалъ могущество Испаніи; Филиппъ II сначала поддерживаетъ его, потомъ употребляетъ во зло. При преемникахъ его это могущество исчезаетъ.

Первая часть подраздѣляется на многіе періоды.

Первый періодъ. 1492—1515.

Войны Карла VIII и Людовика XII въ Италіи, предпринятыя безъ всякой нужды и неискусно веденныя, ускоряютъ возвышеніе Испаніи и усиливаютъ ея могущество, которое Франція безуспѣшно оспориваетъ.

Второй періодъ. 1515 — 1556.

Вступленіе на престолъ Карла V рѣшаетъ перевѣсъ Испаніи, еще болѣе увеличенный войнами его съ Францискомъ I. Блистательный вѣкъ Медичисовъ отражаетъ на Испанію часть своего блеска. Реформація сначала благопріятствуетъ Испаніи, но потомъ съ успѣхомъ противится ей въ Германіи. Распространившись въ Швеціи и Даніи, она также приготовляетъ опасныхъ для нея враговъ, а въ Англіи отнимаетъ у ней соперника, хотя и не сильнаго, но для нея полезнаго.

Третій періодъ. 1556 — 1598.

Время отреченія Карла V, а еще болѣе миръ въ Като-Камбрези, есть эпоха величайшаго могущества Испаніи. Филиппъ II владычествуетъ въ Европѣ. Междоусобныя и религіозныя войны во Франціи, переворотъ, произведенный Испанскимъ правленіемъ въ Нидерландахъ, и война Испаніи съ Англіею, долженствовали упрочить, распространить, увѣковѣчить ея преобладаніе; но эти событія, обратившись въ другую сторону, повлекли за собою ея паденіе. Соединенныя усилія Генриха IV, Вильгельма Оранскаго и Елисаветы восторжествовали надъ политикою и оружіемъ Филиппа. Могущество Испаніи вмѣстѣ съ нимъ нисходитъ въ могилу.

Четвертый періодъ. 1598 — 1618.

Франція чрезъ внутреннее развитіе своихъ силъ быстро идетъ по пути могущества. Смерть Генриха IV останавливаетъ ея ходъ, но не обращаетъ назадъ; великія предначертанія также разсѣеваются вмѣстѣ съ его смертію. Состояніе всѣхъ Европейскихъ державъ, и въ особенности Германіи, возвѣщаетъ о великихъ событіяхъ. Союзъ двухъ отраслей Австрійскаго дома влечетъ за собою новыя опасности. Завязывается борьба; оружіе должно рѣшить: сдѣлается ли Австрійскій домъ еще могущественнѣе, или Франція спасетъ политическую и религіозную свободу Имперіи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
1618 — 1715.

Отъ начала тридцатилѣтней войны до Раштадтскаго мира и смерти Людовика XIV.

Тридцатилѣтняя война далеко распространяетъ свои опустошенія, и увлекаетъ въ свой пожирающій вихрь почти всю Европу. Франція втайнѣ радуется вступленію

на престолъ курфирста Палатина, Фридриха V; она возбуждаетъ Данію и Швецію къ защитѣ протестантской религіи; Ришельё обращается къ истиннымъ правиламъ, которыя дѣлаются основаніемъ политики Франціи. Вестфальскій миръ доставляетъ ей рѣшительное вліяніе; миръ Пиринейскій упрочиваетъ за нею первую степень. Франція пріобрѣтаетъ сильный перевѣсъ. Она владычествуетъ въ Европѣ. Могущество ея усиливается геніемъ Кольберта. Людовикъ XIV развиваетъ его вполнѣ. Нимвегенскій миръ ставитъ ее на высшую степень. Она уже угрожаетъ общей свободѣ и употребляетъ во зло свое первенство. Геній Вильгельма Оранскаго, переворотъ, возводящій его на Англійскій престолъ и Аугсрбургскій союзъ останавливаютъ властолюбіе Франціи. Въ Рисвикѣ она не предписываетъ болѣе законовъ; въ Утрехтѣ и Раштадтѣ она заключаетъ еще выгодный миръ,но уже является ослабленною, истощенною. Она еще обладаетъ великими силами, но болѣе не владычествуетъ.

Вторая часть представляетъ слѣдующія подраздѣленія:

Первый періодъ. 1618 — 1648.

Фридрихъ V отторгаетъ Богемію отъ власти Фердинанда II: слабо поддерживаемый протестантами, онъ лишается короны и наслѣдственныхъ владѣній. Не смотря на усилія Мансфельда и Христіана Брауншвейгскаго, Фердинандъ торжествуетъ, и Германія, повидимому, подчинена ему. Первый актъ войны. Данія тщетно хочетъ отмстить Германіи. Швеція, болѣе счастливая, замѣняетъ ее на этой сценѣ, и геній Густава-Адольфа приводитъ въ трепетъ Австрійскій домъ, котораго паденіе кажется близкимъ. Второй актъ. Франція принимаетъ дѣятельное участіе въ войнѣ. Договоры въ Минстерѣ и Оснабрикѣ уничтожаютъ опасенія, внушенныя Австрійскимъ домомъ Германіи и служатъ основаніемъ величія Франціи. Окончаніе войны.

Второй періодъ. 1648 — 1660.

Англія по видимому не существуетъ на политической картѣ. Междоусобная война сосредоточила всю ея дѣятельность внутри, и она употребляетъ свои силы только для собственнаго разрушенія. Смѣлый умъ Кромвеля кладетъ основаніе значительности и политическому вліянію Англіи. Она уже можетъ противодѣйствовать Франціи; но вторичное возведеніе на престолъ Карла II отдаляетъ этотъ моментъ. Португалія свергаетъ съ себя иго Испаніи, и возвращаетъ свою независимость съ помощію Франціи. Швеція, при Христинѣ и преемникѣ ея, остается вѣрною союзницею Франціи. Блистательныя, но безполезныя войны Карла X ослабляютъ Швецію, хотя она и удерживаетъ свой кредитъ. Франціи, по видимому, угрожаетъ потеря кредита по причинѣ внутреннихъ раздоровъ; но они кратковременны. Мазаринъ торжествуеуъ надъ своими врагами; заключенный имъ съ Испаніею Пиринейскій миръ, упрочиваетъ владычество Франціи.

Третій періодъ. 1660 — 1679.

Владычество Франціи утверждается мудрыми трудами Кольберта. Успѣхи національнаго богатства ускоряютъ успѣхи ея могущества. Людовикъ XIV употребляетъ его во зло, и Франція возбуждаетъ въ Европѣ тѣ же самыя опасенія и тѣ же опасности, отъ которыхъ она освободила ее чрезъ ослабленіе Австрійскаго дома. Не смотря на сопротивленіе ея, Людовикъ XIV завоевываетъ Нидерланды и Франшъ-Конте. Голландія, Швеція и Англія, заключивъ тройственный союзъ, принуждаютъ его отказаться отъ сихъ завоеваній. Опасность нарушенія равновѣсія заставляетъ эти державы оставить прежнія сношенія съ Франціею. По Ахенскому миру, Людовикъ возвращаетъ всѣ завоеванія, исключая одиннадцати городовъ 1660.
въ Нидерландахъ. Вскорѣ мщеніе вооружаетъ его про-

тивъ Голландіи. Она въ опасности покориться ему; Вильгельмъ, возведенный въ достоинство штатгальтера, составляетъ союзъ противъ Франціи и отвращаетъ бурю. Испанія, императоръ, имперія соединяются противъ нея; но послѣ достославной войны, она заключаетъ выгодные, отдѣльные миры, и предписываетъ законы въ
1679. Нимвегенѣ. Она на высшей степени.

Четвертый періодъ. 1679 — 1715.

Новые несправедливые поступки Людовика XIV возбуждаютъ сильнѣйшее сопротивленіе. Европа болѣе и болѣе чувствуетъ необходимость ослабить Францію. Вильгельмъ Оранскій вступаетъ на Англійскій престолъ и дѣлается опаснымъ непріятелемъ. Аугсбургскій союзъ имѣетъ цѣлію подавить властолюбіе Людовика, и упрочить независимость другихъ державъ. Франція показы-
1697. ваетъ умѣренность въ Рисвикѣ. Эта умѣренность притворная. Людовикъ добивается наслѣдства Испаніи, которая, по завѣщанію Карла II, достается внуку его. Образуется новый союзъ для воспрепятствованія Бурбонскому дому овладѣть огромнымъ наслѣдствомъ Испанскаго Короля. Геній Мальборуга и Евгенія низводятъ Францію со степени ея величія. Въ Утрехтѣ и Раштадтѣ она получаетъ выгодъ болѣе, нежели сколько могла надѣяться, но, по слабости, она уже не можетъ внушать справедливыхъ опасеній прочей Европѣ и не въ состояніи поколебать равновѣсіе.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

1715 — 1789.

Отъ Раштадтскаго мира до созванія генеральныхъ штатовъ.

Послѣ войны за наслѣдство Испаніи, всѣ державы, принимавшія въ ней участіе, истощенныя отъ потери людей и денегъ, не опасаются другъ друга, потому что

всѣ нуждаются въ спокойствіи. Прежняя политическая система подергается великимъ измѣненіямъ. Двѣ массы, по своему соперничеству утвердившія равновѣсіе Европы: Франція и Австрійскій домъ, видятъ подлѣ себя счастливыхъ соперниковъ, а другія державы радуются, что новыя противныя тяжести служатъ порукою за ихъ самостоятельность. Въ это время образуются эти великія государства, полагающія рѣшительный вѣсъ въ балансѣ. Россія, побѣдительница Швеціи, пріобрѣтаетъ своими завоеваніями превосходство надъ Европою, и чрезъ успѣхи въ искусствахъ и образованности дѣлается могущественною державою. Пруссія, возведенная въ достоинство королевства, увеличенная новыми областями, выходитъ изъ неизвѣстности, и подвигается къ могуществу посредствомъ принятой его системы экономической и военной. Англія владычествуетъ на моряхъ. Всегда дѣятельная промышленость ея, обширная торговля, богатства, открываемыя ей займами, организованными по новымъ правиламъ, дозволяютъ ей содержать страшную морскую силу. Союзница Голландіи, Португаліи и Россіи, естественный врагъ Франціи, она превосходитъ ее на морѣ; а для воспрепятствованія возвышенію ея морской силы, которой нанесенъ смертельный ударъ въ сраженіи при ла Гогѣ, она всѣми силами старается занимать ее континентальными войнами. Возвышеніе Россіи и Пруссіи, быстрые успѣхи Англіи даютъ Европейской политикѣ новый характеръ и новое направленіе.

Въ продолженіе первой половины вѣка, государства 1715 — 1740.
еще не достигли до истинныхъ основныхъ правилъ; онѣ чувствуютъ, что невозможно слѣдовать прежнимъ правиламъ: отсюда безпрерывныя попытки и измѣненія въ политикѣ, безпрестанное заключеніе и нарушеніе союзовъ, вопреки системы естественной дружбы или вражды.

Пруссія сначала воюетъ за распространеніе своихъ 1740 — 1763.
предѣловъ, а потомъ за свою самостоятельность. Фран-

ція ничего не пріобрѣтаетъ чрезъ борьбу съ Австрійскимъ домомъ, а позднѣе и проигрываетъ чрезъ то многое. Австрійскій домъ ослабляетъ себя желаніемъ возвратить невозвратно потерянное. Россія усиливаетъ свое вліяніе. Англія пользуется континентальною войною, въ которой Франція теряетъ свои силы, и распространяетъ свою торговлю и могущество. Только послѣ Губертебургскаго мира упрочивается на истинномъ основаніи политическая система Европы.

1763—1789. Съ этого времени нѣтъ болѣе опасенія, касательно преобладанія одной державы. Пять великихъ державъ, способныхъ дѣйствовать съ успѣхомъ наступательно и оборонительно, при внимательномъ наблюденіи другъ за другомъ представляютъ опорныя точки для государствъ второстепенныхъ, и повидимому утверждаютъ прочное состояніе Европы. Честолюбіе каждой изъ нихъ можетъ составлять свои проекты, но другія державы въ состояніи уничтожить ихъ. Каждая держава для усиленія своего обязана развивать свои внутреннія средства и прибѣгать къ труду. Духъ совершенствованія, полезное соревнованіе распространяются, по примѣру разительному, во всѣхъ государствахъ. Европа медленно и спокойно, но твердо и постоянно идетъ по пути образованности, и успѣхи могущества народовъ служатъ порукою за ихъ самобытность. Равновѣсіе силъ и страстей такъ утверждается, что можетъ противодѣйствовать всякому грозному и угнѣтающему перевѣсу. Пруссія заставляетъ Іосифа II отказаться отъ видовъ на Бава-
1779. рію, и заключаетъ съ нимъ, при посредствѣ Россіи и Франціи, Тешенскій миръ; Англія, въ Американскую войну, убѣждается въ силахъ Франціи для возвышенія
1790. своей морской силы, которая дѣлается страшною; миръ Австріи и Россіи съ Турками въ ту минуту, когда имъ угрожало изгнаніе изъ Европы.—Всѣ сіи событія показываютъ безпристрастному наблюдателю, что система противныхъ силъ приближалась къ зрѣлости въ эпоху Фран-

цузской революціи. Многочисленныя, существенныя измѣненія въ статьяхъ Вестфальскаго мира другими трактатами, усвоили общественное Европейское право потребностямъ государствъ и постояннымъ отношеніемъ народовъ. Многіе хотѣли заставить думать противное, но тамъ, гдѣ говорятъ факты — софисмы ничего не значатъ.

Французская революція, произведенная причинами, чуждыми политической системѣ Европы, потрясаетъ ее во всѣхъ отношеніяхъ. Война, искусно приготовленная революціонною партіею, веденная съ успѣхомъ и ожесточеніемъ, часто измѣняется въ предметѣ и средствахъ, уничтожаетъ одни государства и создаетъ другія, и оканчивается рядомъ договоровъ, которые перемѣняютъ всѣ прежнія отношенія и даютъ Европѣ совершенно новый видъ. Здѣсь начинается порядокъ вещей, противный правиламъ и опыту трехъ послѣднихъ вѣковъ. Европа ищетъ, повидимому, своего блага въ системѣ, которую предшествовавшія поколѣнія почитали опаснѣйшею. Но, факты сіи слишкомъ близки къ намъ, чтобы принадлежать Исторіи. Одно время можетъ и должно произнести свой приговоръ надъ этимъ событіемъ.

Таковъ общій планъ сего сочиненія. Ясно, что здѣсь не должно искать всеобщей Исторія трехъ послѣднихъ вѣковъ, а еще менѣе отдѣльной Исторіи каждаго Европейскаго государства. Трудъ мой единственно состоялъ въ выборѣ, сцѣпленіи и приложеніи фактовъ, которые, близко или издали, имѣли вліяніе на фазы политической системы. *Я* долженъ былъ предполагать многіе предметы извѣстными; думалъ также, что касательно цѣли сего изображенія есть другіе предметы, вовсе къ нему неотносящіеся. Бо́льшее число подробностей уничтожило бы единство, посредствомъ котораго я старался разобрать хаосъ событій, представляемыхъ новою Исторіею.

Съ меньшими подробностями, результаты остались бы загадками, и сочиненіе обратилось бы въ простой очеркъ безъизвѣстный, нелюбопытный и безжизненный.

Можетъ быть, упрекнутъ меня во множествѣ портретовъ дѣйствующихъ лицъ. Могу увѣрить, что я никогда не имѣлъ намѣренія писать ихъ. Но, принужденный многія событія сжать въ одну тѣсную рамку, и показать главныя дѣйствующія, лица не развивая цѣлой жизни ихъ, я невольно рисовалъ ихъ изъ необходимости обобщенія фактовъ. Портреты сіи, смѣю сказать, суть результаты глубокаго изученія жизни и характера великихъ лицъ, поперемѣнно выходившихъ на сцену. Они представятъ контрасты и антитезы: вкусъ отвергаетъ антитезы словъ; истина требуетъ показанія антитезъ вещей и качествъ; контрасты въ нравственной природѣ существуютъ точно также, какъ и въ физической. Законъ противностей заключаетъ въ себѣ тайну составленія и существованія всѣхъ существъ.

Мнѣ очень удобно было бы обогатить это сочиненіе цитатами. Просвѣщенный читатель можетъ видѣть, къ какимъ источникамъ я прибѣгалъ.

Въ концѣ сочиненія находится заключительная глава. Я не хотѣлъ часто прерывать разсказа общими замѣчаніями: гораздо лучше помѣщать слѣдствія послѣ приложенія всѣхъ первыхъ посылокъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Быстрый взглядъ на главнѣйшія событія среднихъ вѣковъ.

Паденіе Западной Римской Имперіи.

Съ того времени, какъ хитрый Октавій, принявши названіе Августа, сохраняя тонъ, доселѣ употреблявшійся въ республикѣ, но измѣняя самыя вещи, утвердилъ въ Римѣ неограниченную власть, имперія существовала еще около пяти вѣковъ; но уже въ самой себѣ таила зародышъ будущаго разрушенія. Со втораго вѣка Христіанской эры, она быстро шла къ своему паденію. Пространство ея было слишкомъ обширно для силъ одного человѣка. Отдаленность провинцій доставляла честолюбивымъ правителямъ возможность дѣлаться независимыми. Войска, составленныя поч-

ти только изъ чужеземцевъ, не могли быть одушевлены любовію къ новому отечеству, котораго они никогда не видали, и не были подчинены строгой дисциплинѣ. Преторіянская стража подавала другимъ войскамъ опасный
195. примѣръ—располагать имперіею; они слѣдова-
отъ Р. Х. ли ему; и со времени царствованія Септимія Севера солдаты были распорядителями верховной власти. Императоры, обязанные престоломъ своей щедрости или прихоти войска, не могли, или не хотѣли возстановить прежнихъ военныхъ законовъ. Угнѣтенные жители провинцій мало заботились о сохраненіи имперіи и о поддержаніи правительства, которое ихъ грабило. Христіанская религія сдѣлала быстрые успѣхи во всѣхъ частяхъ государства. Эта религія, долженствовавшая имѣть столь сильное вліяніе на образованность Европы и дать ей новыя формы, была причиною духа раздѣльности во всѣхъ областяхъ. Жители раздѣлились на двѣ партіи, ненавидѣвшія другъ друга; гоненія, еще рѣдкія въ первые вѣка, сдѣлались болѣе общими, и Христіане, не только не желали и не старались о сохраненіи имперіи, но ожидали ея паденія, какъ исполненія своихъ предсказаній. Самый Римъ заключалъ въ стѣнахъ своихъ людей, угнѣтенныхъ рабствомъ, изнѣженныхъ наслажденіями, разслабленныхъ роскошью, орудій тираніи, и многочисленное народонаселеніе, развращенное, при-

выкшее жить безъ дѣла, единственно поддерживая себя щедростію императоровъ, требуя только хлѣба и забавъ и равно готовое все терпѣть и на все рѣшиться.

Діоклитіанъ, въ третьемъ вѣкѣ, хотѣлъ подчинить различныя части имперіи болѣе дѣятельному надзору, облегчить защиту и управленіе, принятіемъ къ себѣ сотоварища и избраніемъ двухъ Кесарей, которые раздѣлили 284.
между собою области; но онъ только увеличилъ сѣмя раздора, и нанесъ смертельный ударъ единству политическаго тѣла. Константинъ, употребившій огромныя издержки на построеніе новой столицы, перенесъ туда свое мѣстопребываніе, подъ предлогомъ, что Римъ былъ слишкомъ отдаленъ отъ центра имперіи. Этимъ онъ уничтожилъ религіозное почитаніе и понятіе о владычествѣ и славѣ, которыя съ именемъ Рима соединялись въ воображеніи народа, распространяли довѣрчивость между подданными и страхъ между врагами. Өеодосій, раздѣливъ имперію между сыновьями, довершилъ приготовленное Діоклитіаномъ и Константиномъ. Думая создать два новыя государства, онъ ускорилъ разрушеніе Августова наслѣдства.

Между тѣмъ колоссъ поддерживался нѣсколько времени собственною тяжестію. Но народы воинственные, храбые, необразованные и бѣдные, свыкшіеся съ опасностями и трудами,

оставивъ обширныя болота, густые лѣса, или безплодныя равнины, покрывавшіе тогда сѣверъ Европейскаго материка, напали со всѣхъ сторонъ на это колеблющееся тѣло, раздробили его и раздѣлили между собою остатки. Эти народы, всѣ почти находившіеся въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, представляютъ разительныя черты однообразія; кто зналъ нравы одного, тому были извѣстны нравы всѣхъ прочихъ, съ легкими оттѣнками. Крѣпкіе и страстные къ тѣлеснымъ упражненіямъ воины, они жили единственно звѣриною и рыбною ловлею, и мало занимались земледѣліемъ; варвары, но гостепріимные, смѣлые и хитрые въ воинскихъ предпріятіяхъ, жадные и бѣдные, они въ самой бѣдности почерпали нравы болѣе грубые, нежели чистые, любовь къ независимости и потребность войны и добычи. Въ мирное время они жили обществомъ, не зная почти общественнаго порядка. Недостатокъ недвижимой собственности и гражданскихъ соотношеній дѣлали законы безполезными. Если на нихъ нападалъ опасный врагъ, то на время они отказывались отъ дикой независимости, составляли союзы и избирали предводителей, заслуживавшихъ эту почесть личными качествами.

Таковы были народы, которые наказали Римлянъ за ихъ прежніе многочисленные проступки. Но эти же самые народы попрали

всѣ начала образованности, распространенной всемірными владыками въ обширной имперіи. Варвары долго были удерживаемы страшными легіонами, расположенными, со временъ Августа, на берегахъ Рейна и Дуная. Часто поражаемые, но никогда непобѣждаемые, они научились отъ Римлянъ сражаться съ ними успѣшно; къ тому же, отдѣленные отъ нихъ одною рѣкою, они могли познакомиться со многими, новыми для нихъ предметами. Съ V 406.
вѣка Христіанской эры, вторженія умножились, сдѣлались болѣе успѣшными и даже оканчивались завоеваніями. Толпы варваровъ, влекомыя дѣятельнымъ безпокойствомъ, свойственнымъ мужеству, побуждаемыя необходимостію искать средствъ къ существованію въ другомъ мѣстѣ, кинулись на лучшія провинціи Римской имперіи. Завязалась борьба между храбростью и отвагою, желавшими всѣмъ завладѣть, и изнѣженностію, желавшею все сохранить; пороки, идущіе наряду съ богатствами и роскошью, подавлены были дикими, но энергическими страстями варварства. Первый толчокъ получили варвары отъ Гунновъ, Татарскаго племени, которые, оставивъ свои становища, устремились съ востока Азіи на западъ, и напали на сосѣдственныхъ народовъ. Движеніе это сообщилось съ неимовѣрною быстротою, и скоро расширилось отъ моря Каспійскаго до Балтійскаго, а отсюда до Среди-

земнаго. Странствованіе народовъ продолжалось 80 лѣтъ; они толпились и смѣняли одни другихъ. Страна, оставленная однимъ народомъ, занималась другимъ, и земли безпрерывно мѣняли властителей. Вандалы, Свевы, Аланы поднялись первые, и, перейдя Рейнъ, разсыпались по Галліи, а потомъ по Испаніи. Визиготѳы, покинувъ земли между Дунаемъ и Днѣстромъ, вытѣснили изъ Испаніи первыхъ пришельцевъ. Бургунды завладѣли западною
415. частію Швейцаріи и восточными областями Галліи. Затѣмъ двинулись Франки, занимав-
431. шіе долгое время Белгію; подъ предводительствомъ Хлодовика, они разбили Римлянъ при Соассонѣ, Визиготѳовъ при Вуилье, Аллемановъ при Толпіакѣ (Цюльпихѣ). Обширныя области Галліи стали, по ихъ имени, называться Франціею. Саксы и Англы, призванные Бритами на защиту противъ Пиктовъ и Скоттовъ, оставляютъ берега Германіи, омываемые
479. Сѣвернымъ моремъ, вступаютъ въ Великобританію и подчиняютъ ее своей власти. Венгрія, подъ именемъ Панноніи, была добычею Гунновъ; самая Италія, уже опустошенная дикими ордами Аларика и Аттилы, равномѣрно покорилась игу варваровъ. Герулы проникли до Рима. Одоакръ, начальникъ тѣлохраните-
476. лей Западнаго Императора, низложилъ его съ престола. Августулъ, тѣнь Монарха, былъ послѣднимъ Кесаремъ, и кончилъ жизнь свою

въ неизвѣстности, получая содержаніе отъ великодушнаго побѣдителя.

Такъ, въ продолженіе восьмидесяти лѣтъ, міръ измѣнился, и явилось множество новыхъ государствъ. Южная Европа представляла въ эту эпоху огромное, запустѣлое поле, покрытое развалинами и великолѣпными остатками. Все погибло подъ тяжкою рукою варваровъ. Сокровища просвѣщенія, приготовленныя цѣлыми столѣтіями, или были разсѣяны, или уничтожены. Побѣдители, не столь многочисленные какъ побѣжденные, овладѣвши ихъ землями, въ то же время приняли ихъ вѣру, языкъ, и такимъ образомъ невольно покорились превосходству образованности. Прошелъ вѣкъ волненія — и Европа успокоилась; Сѣверъ, оскудѣвшій народонаселеніемъ, не могъ болѣе посылать варваровъ для опустошенія Юга; завоеватели спокойно могли наслаждаться своими пріобрѣтеніями. Въ шестомъ вѣкѣ было небольшое движеніе внѣ Италіи. Новый порядокъ вещей начинается съ того времени, когда изъ глубины Аравіи явился народъ, доселѣ неизвѣстный, и сталъ угрожать Европѣ совершеннымъ низпроверженіемъ.

и предметъ споровъ и войны. Палатки служатъ убѣжищемъ; пища грубая и неизобильная. Гостепріимство, общее между ними, есть болѣе необходимость, нежели добродѣтель. Народная независимость ихъ всегда была неприкосновенна; пустыни и бѣдность предохраняли ихъ отъ войны и угнетенія. Они живутъ обществомъ, не зная письменныхъ законовъ. Каждое семейство отдѣльно: отецъ есть глава небольшаго общества; если нѣтъ его, то старшій сынъ. Размножившіяся семейства образуютъ племена, которыя уважаютъ въ Эмирѣ, главѣ ихъ походовъ, лѣта и опытность. Молодой человѣкъ не иначе можетъ получить руку молодой дѣвицы, какъ послѣ услугъ, оказанныхъ ея отцу, или послѣ подарковъ. Женщины кротки, внушаютъ любовь и даже уваженіе; но это уваженіе не препятствуетъ мужу требовать отъ жены покорности. Власть родительская сильна и продолжительна, потому что основывается на нравахъ и замѣняетъ всякую другую власть; страсти, порождаемыя жаркимъ климатомъ, питаемыя и усиливаемыя жизнію то трудолюбивою, то праздною, пламенны и неукротимы; привычки постоянны, мщеніе продолжительное и кровавое. Арабскій языкъ богатъ, благозвученъ и живописенъ. Воображеніе живое и сильное, воспламеняемое уединеніемъ и путешествіями, произвело поэтовъ: лишенное фактовъ и сравнитель-

ныхъ предметовъ, оно породило гигантскія картины и чудесные вымыслы. Аравитяне, окруженные странами болѣе богатыми и болѣе образованными, нежели ихъ отечество, и извѣстными имъ по однимъ безобразнымъ преданіямъ, перенесли туда большую часть своихъ сказокъ. Этѣ пѣсни, этѣ сказки составляютъ ихъ наслажденіе; они слушаютъ ихъ съ жадностію; они разсказываютъ ихъ съ живѣйшимъ участіемъ въ длинныхъ промежуткахъ бездѣйствія, послѣ походовъ и приключеній, и на торжищахъ Окадскихъ собираются вокругъ знаменитаго разскащика или поэта. Въ пѣсняхъ заключаются единственные историческіе памятники. Письмо узнали они очень поздно. Религія состояла въ поклоненіи звѣздамъ. О безсмертіи души они имѣли самое неопредѣленное понятіе. Храмъ Каабы былъ въ Меккѣ; главное служеніе въ немъ ввѣрялось Кореишитамъ; черный камень почитали за даръ неба и за залогъ его благости. Ему Аравитяне приносили жертвы, и не совсѣмъ были чужды ужаснаго обычая жертвоприношенія людей.

Такъ жилъ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, народъ бѣдный и невѣдомый, но, можетъ быть, счастливый, запечатлѣнный особенною, оригинальною физіогноміею. Ни одно блистательное и далекое предпріятіе не прославило его. Неизвѣстныя, пустынныя войны

начинаются и оканчиваются ежедневно. Іеменъ, или Счастливая Аравія, одна привлекла жадность завоевателей, болѣе по своему положенію, нежели по мѣстнымъ произведеніямъ. Города: Сенаа, Аденъ, Мокка, Окадъ, складочныя мѣста Индѣйской торговли, были посѣщаемы многочисленными купеческими кораблями разныхъ народовъ. Римляне гордились завоеваніемъ Іемена; впослѣдствіи Персы владѣли этою областію сомнительно и неопредѣленно; но Римляне и Персы смотрѣли на Аравитянъ съ презрѣніемъ, пренебрегали собираніемъ свѣдѣній о ихъ нравахъ, и никогда не воображали, что они могутъ сдѣлаться страшными завоевателями.

Въ седьмомъ вѣкѣ Христіанской эры, этотъ народъ, оставивши степи, распространилъ свою религію и законы въ большей части извѣстнаго тогда свѣта. Бѣдный сирота, наслѣдовавшій послѣ отца пять верблюдовъ и одного невольника, произвелъ такой удивительный переворотъ. Сначала разсмотримъ приготовительныя причины великаго движенія; тогда мы увидимъ, какія были прямыя и близкія его причины.

Во время появленія Муххамеда на сценѣ, дядя его, Абу-Талебъ, имѣлъ въ рукахъ духовную и гражданскую власть надъ Меккою. Аравію раздирали многія секты; и въ религіи и въ обществѣ господствовали партіи; одно

племя вооружалось противъ другаго; Мекка и Медина, отдаленныя другъ отъ друга на десять дней ходьбы, питали непримиримую взаимную ненависть. Іеменъ, Гира, Гхассанъ управлялись незначительными владѣтелями, платившими дань или Царю Персидскому, или Императору Восточному. Въ Аравіи были послѣдователи всѣхъ религій: язычники, исповѣдывавшіе древнюю религію Сабеянскую; послѣдователи Зороастра; Евреи и Христіане всѣхъ исповѣданій, особенно Несторіанцы. При такой раздѣльности мнѣній, обрядовъ и религій, которая утомила всѣ умы, представлялась возможность соединить разбросанныя орды и раздѣленные умы какимъ нибудь общеполезнымъ предметомъ. Но надобно, чтобы этотъ предметъ былъ приспособленъ къ ихъ характеру, любимымъ вкусамъ, господствующимъ страстямъ, и чтобы онъ льстилъ всѣмъ партіямъ, сохраняя что нибудь отъ каждой. На полуостровѣ не было такой значительной и уважаемой власти, которая бы могла потушить мятежъ при самомъ его началѣ.

Сосѣдственныя Аравіи государства были обширны, но слабы; они представляли огромныя тѣла, въ которыхъ жизненное начало ослабѣвало, не оживляя внѣшности. Персы или Парояне, столь долго противившіеся Римлянамъ и противопоставляшіе имъ на Югѣ такой же крѣпкій оплотъ, какой Германцы на

Сѣверѣ, Парѳяне уже не управлялись династіею Сассанидовъ, которая отличалась рядомъ государей дѣятельныхъ и умныхъ. Многіе претенденты оспоривали колеблющійся престолъ; его получали преступленіями; низвергали съ него такимъ же образомъ; ступени его всегда были покрыты кровію. Восточная Имперія еще существовала и долго должна была существовать; но со временъ Юстиніана она быстро подвигалась къ паденію. Императоры занимались метафизическими спорами о самыхъ ничтожныхъ предметахъ. Чернь, всегда любящая перемѣны, руконлескала при безпрерывныхъ возмущеніяхъ войскъ, которыя возводили и низлагали императоровъ съ непостоянствомъ и жестокостію. Въ областяхъ своевольныя мѣры и жадность правителей возбуждали всеобщее негодованіе, и ободряли сосѣдственныхъ народовъ къ скорымъ завоеваніямъ. Слѣдовательно, ни въ самой Аравіи, ни въ окружавшихъ ее государствахъ, ничто не могло противиться успѣхамъ смѣлаго и предпріимчиваго удальца. Достаточно быю его появленія, — и онъ явился.

Муххамедъ происходилъ отъ знатнаго рода, отъ племени Кореишитовъ, изъ фамиліи Ха-
175. шемъ. Онъ родился въ Меккѣ; рано лишился отца своего, Абдаллаха, матери, Амины и дѣда Моталлеба. Дядя его, Абу-Талебъ, принялъ къ себѣ юнаго сироту. Управляя торго-

выми дѣлами богатой вдовы Кадиши, онъ понравился ей и получилъ ея руку. Путешествія доставили его дѣятельному и проницательному уму средства къ образованію. Муххамедъ сближалъ и сравнивалъ народы и мнѣнія; изучивъ Исторію и свойство трехъ главныхъ религій, онъ создалъ четвертую изъ смѣшенія другихъ; возмечталъ о назначеніи своемъ быть пророкомъ, и, сорока лѣтъ, объявилъ объ этомъ искреннимъ своимъ приверженцамъ.

Природа богато надѣлила его; она соединила въ немъ всѣ качества, которыя поражаютъ чувства, чаруютъ воображеніе и увлекаютъ толпу всегда и вездѣ; ко всему этому присоединялись дарованія, долженствовавшія произвести глубокое впечатлѣніе на такой народъ, каковы были Аравитяне. Важная осанка, величественная физіогномія, внушали къ нему уваженіе и любовь. Рожденный поэтомъ, онъ превосходно владѣлъ языкомъ и воспламенялъ слушателей очаровательными картинами и смѣлыми изображеніями; могуществомъ слова онъ уничтожалъ всякое сопротивленіе. Подобно своему народу, онъ также былъ необразованъ; но онъ зналъ народъ, и геній замѣнялъ въ этомъ случаѣ недостатокъ образованія. Съ Аравійскою важностію онъ соединялъ тѣ обольстительныя прелести, которыя упреждаютъ и награждаютъ услуги. Глубокомысленный въ предначертаніяхъ, то смѣлый, то хитрый въ исполненіи, онъ умѣлъ являться

или размышляющимъ, или энтузіастомъ, тонкимъ политикомъ и неукротимымъ фанатикомъ: можетъ быть, онъ былъ тѣмъ и другимъ.

Его ученіе и форма, ему данная, доказываютъ его проницательность; онѣ были сходны съ характеромъ Аравитянъ, и разсчитаны относительно дѣйствія, которое должны были произвести. Основное правило Корана выразилось въ немногихъ удобопонятныхъ словахъ (*). Главы Корана хитрый обманщикъ издавалъ послѣдовательно; онъ составлялъ ихъ по мѣрѣ надобности, — вотъ причина недостатка послѣдовательности и единства, несвязностей, противорѣчій, нелѣпостей. Но эта же самая причина произвела ту живость слога, ту свѣжесть колорита, тотъ тонъ вдохновеннаго поэта, которые, по сказанію читавшихъ Коранъ въ подлинникѣ, неподражаемы. Чтобы привлечь Евреевъ и Христіанъ къ своему новому ученію, онъ жертвуетъ уваженіемъ, которое они имѣютъ къ основателямъ своей религіи, своимъ собственнымъ, и присвоивая себѣ первое мѣсто между пророками, не отнимаетъ у другихъ ни ихъ достоинствъ, ни божественности ихъ посланія. Аравитяне поклонялись Каабѣ, какъ центральному предмету различныхъ сектъ своихъ: Коранъ усиливаетъ это почитаніе; всѣ молитвы должны быть направлены къ этой единственной точкѣ. Арабъ пристрастенъ къ Поэзіи:

(*) Богъ есть Богъ, Мухкамедъ его пророкъ.

Муххамедъ проповѣдуетъ свое ученіе въ звучныхъ стихахъ, которые невѣжественнымъ слушателямъ кажутся столь возвышеными, что они спрашиваютъ: можетъ ли это быть произведеніемъ человѣка? Арабъ надмененъ и гордъ, уважаетъ свою націю, презираетъ другихъ: Муххамедъ возвѣщаетъ, что небо избрало его орудіемъ для исполненія намѣреній, долженствующихъ просвѣтить и подчинить ему вселенную. Арабъ любитъ войну, потому что любитъ движеніе, славу и добычу Муххамедъ приказываетъ ему съ мечемъ въ рукѣ торжествовать новую религію, и самъ ведетъ его къ побѣдѣ.

Арабъ любитъ умозрѣнія и нравоученія. Коранъ наполненъ видѣніями и правилами. Арабъ привязанъ болѣе къ чувственности, нежели къ чувствительности и предпочитаетъ чувствованія идеямъ: Муххаммедъ, сообразно его вкусу, говоритъ объ обѣщанномъ раѣ.

Молитва, омовенія, постъ, милостыня, которые предписываются въ Коранѣ, относятся болѣе къ общимъ обыкновеніямъ; изъ нихъ онъ составилъ положительныя правила. Наконецъ догматъ предопредѣленія, любимый всѣми восточными народами и подчиняющій ихъ рабски всякому честолюбцу, подтвержденъ Муххамедомъ; но онъ умѣлъ извлечь правило дѣйствительнаго изъ того, что до него было страдательнымъ.

Такимъ образомъ характеръ Аравитянъ, со-

стояніе ихъ самихъ и сосѣдственныхъ народовъ, въ началѣ VII вѣка, личныя качества Муххамеда, свойства и тонъ его ученія объясняютъ удивительные успѣхи его въ послѣдніе годы жизни. Но первые успѣхи были слабы и медленны, и даже самый планъ его не былъ сначала такъ обширенъ; онъ распространялся, смотря по обстоятельствамъ, и, какъ всегда бываетъ при переворотахъ, самъ виновникъ его, болѣе былъ изумленъ, нежели его зрители или жертвы. Проведя нѣсколько дней въ религіозныхъ размышленіяхъ въ пещерѣ горы Гары, близъ Мекки, онъ вышелъ изъ своего уединенія (въ 609 году Христіанской эры), и въ семействѣ своемъ объявилъ себя пророкомъ. Первые его послѣдователи, которыхъ всего труднѣе было убѣдить, были супруга его Кадиша, двоюродный братъ его Варака, рабъ Сеидъ, племянникъ Али, сынъ Абу-Талеба десятилѣтній мальчикъ, а наконецъ онъ убѣдилъ принять Исламизмъ и тестя своего Абу-Бекра. Вотъ начало той религіи, которая распространилась отъ Самарканды до Лиссабона.

Однако жъ соотечественники Муххамеда, и даже Хашемиты, члены его семейства, смѣялись надъ мнимымъ его посланіемъ, видѣли въ немъ честолюбиваго обманщика; тогда составились противъ него заговоры и начались преслѣдованія. Къ счастію своему, Муххамедъ извѣстилъ о новомъ ученіи жителей Медины: ненависть

ихъ къ Меккѣ разрѣшила узелъ. Вся Медина признала его. Между тѣмъ въ Меккѣ покусились на его жизнь. Муххамедъ спасся: во время бѣгства (Гедшра Геджира), онъ скрывался три дня 622.
въ пещерѣ и потомъ уже прибылъ въ Медину. Тутъ онъ сдѣлался воиномъ, и предводительствуя Мединцами, съ успѣхомъ разбилъ своихъ соотечествениковъ. Жители Медины, въ награду, объявили его своимъ повелителемъ, и, по обычаю страны, онъ былъ въ одно и то же время главою государства и религіи, соединяя власть духовную съ гражданскою. Первыя побѣды привлекли подъ знамена Муххамеда всѣхъ, принявшихъ его ученіе для того, чтобы раздѣлить съ нимъ славу и завоеваніе. Энтузіасмъ сообщился, и распространяясь, болѣе и болѣе увеличивался. Слова неопредѣленныя и нѣсколько смутныхъ идей связывали эту вооруженную толпу; фанатисмъ потушилъ всѣ другія страсти учениковъ; въ начальникахъ страсти подчинились фанатисму. Мекка была покорена. Царь Еѳіопскій призналъ новаго пророка, который дерзнулъ даже предложить послѣдовать этому примѣру — Императоту Ираклію и Царю Персидскому.
Предводительствуя тридцатью тысячами, Мухха- 630.
медъ прошелъ всю Аравію, какъ побѣдитель; 631.
отправился на поклоненіе въ Мекку, сопровождемый ста тысячьми учениковъ, и умеръ въ слѣдующемъ году въ Мединѣ, какъ говорятъ, отъ

дѣйствія медленнаго яда, даннаго ему одною женщиною.

Начало движенію было сдѣлано; всѣ умы находились въ волненіи, и Аравитяне, не раздѣляя болѣе идеи спасенія отъ идеи завоеваній, дышали одною войною. При Халифахъ, преемникахъ Муххамеда, это движеніе вышло за предѣлы Аравіи. Аравитяне съ необыкновенною быстротою распространились отъ Востока къ Западу. Существенное могущество ихъ не увеличилось; они не сдѣлались ни многочисленнѣе, ни богаче; но силы нравственныя умножили ихъ силы физическія, сосредоточивая все въ одной точкѣ. Съ пріобрѣтеніемъ другихъ областей, они пріобрѣли также и новыя средства къ нападенію. Побѣжденные и обращенные ими народы сдѣлались ихъ товарищами, и орудіями новыхъ побѣдъ: такимъ образомъ, чѣмъ болѣе Аравитяне завоевывали областей, тѣмъ болѣе были въ состояніи покорять другія. Первые Халифы царствовали недолго, и почти всѣ умерли насильственною смертію. Начались раздоры между Омміадами и Алидами; но могущество Аравитянъ увеличивалось, потому что Халифы были воины. Только воинственныя достоинства могли доставить престолъ, и только чрезъ нихъ можно было удержаться на немъ. При Абу-Бекрѣ Аравитяне покорили Сирію. Омаръ завоевалъ Персію до Хоросана, Палестину, Финикію,

Месопотамiю, Арменiю, Египетъ; онъ же построилъ Бассору для оживленiя Индейской торговли, и ввелъ хеджиру. Османъ завладѣлъ островами Кипромъ и Родосомъ, и Коранъ, поддерживаемый мечемъ Аравiйскимъ, проникнулъ до Нубiи. При Моавiѣ, первомъ Халифѣ Оммiадскомъ, завоеванiя распространились до Самарканды, на границѣ Малой Бухарiи. Аравитяне образовали морскую силу; стали грабить и опустошать берега Малой Азiи. Императоръ Византiйскiй платилъ имъ ежегодную дань, купивши свою самостоятельность за полтора миллiона экю, или за три тысячи фунтовъ золота. Абулмелекъ раздвинулъ предѣлы государства до древней Карѳагенской области. При Валидѣ, Аравитяне, усиленные Маврами, переправились чрезъ море и высадились въ Испанiи: одно сраженiе, на равнинахъ Хереса, повлекло за собою паденiе Вестготской Монархiи, и рѣшило судьбу этой прекрасной части Европы. Вскорѣ перешли они Пиринеи, наводнили Францiю и угрожали Европѣ новою религiею. Карлъ Мартелъ спасъ отечество, а съ нимъ и все человѣчество: побѣда при Турѣ заставила Аравитянъ навсегда удалиться изъ сихъ странъ; удержанное стремленiе противопоставило ихъ успѣхамъ непреодолимые оплоты.

Что было причиною такихъ удивительныхъ успѣховъ Аравитянъ? Довѣренность къ ложной религiи, необыкновенная отвага, которую

она имъ внушала. Замѣтимъ притомъ, что новая религія была превосходно приспособлена къ этому пламенному народу; другія причины заключались въ мужествѣ начальниковъ а не въ искусствѣ ихъ, и наконецъ въ сильной власти этихъ начальниковъ вѣры и государства. Аравитяне, всегда независимые, подчиняли все своему желѣзному скипетру до тѣхъ поръ, пока онъ не раздавилъ ихъ своею тяжестію. Успѣхамъ ихъ также чрезвычайно много содѣйствовалъ недостатокъ единства въ противникахъ: между государствами, постепенно ими разрушаемыми, не было ни какихъ сношеній. Двѣ главныя державы, Персія и Греція, были въ самомъ слабомъ состояніи. Фанатики напали на нихъ со всѣмъ превосходствомъ такой силы, какую человѣкъ, одержимый горячкою, долженъ имѣть надъ больнымъ, изнуреннымъ продолжительною болѣзнію. Наконецъ самый способъ веденной ими войны упрочивалъ ихъ торжество: война была для нихъ ремесломъ, а не необходимостію; цѣлію, а не простымъ средствомъ достигнуть до опредѣленнаго порядка вещей. Война питала войну; покоренныя ими земли служили вмѣстѣ и опорною точкою, и точкою, съ которой они шли къ другимъ завоеваніямъ. Они не заботились ни о запасахъ, ни деньгахъ; не дѣлали ни какихъ приготовленій: на пути же не встрѣчали ни крѣпостей, ни артиллеріи, и

слѣдовательно ничто не останавливало ихъ быстраго движенія.

Около половины VIII столѣтія, бурный потокъ остановился; онъ долженъ былъ исчезнуть отъ собственной силы, по мѣрѣ удаленія отъ своего источника. Аравія истощилась; правители обширной имперіи Халифовъ не хотѣли уже сражаться за нихъ и стремились къ независимости. Завоеватели хотѣли лучше наслаждаться завоеваніями, нежели предпринимать новыя. Халифатъ представлялъ тѣнь прежняго. Не было единства; народы отдѣлялись другъ отъ друга, и титулъ Халифа былъ пустымъ именемъ безъ власти. Абассидскіе Халифы во- Отъ
оружились противъ Алидовъ и Оммiадовъ, ко- 750
торые, не будучи въ состояніи низложить Абас- до
сидовъ, стали ихъ постепенно лишать владѣ- 933.
ній. Зло началось на границахъ; сначала на западѣ, потомъ на востокѣ, а наконецъ и въ сердцѣ государства. Оммiады образовали изъ Испаніи независимое владѣніе; Абдерамъ I со- 755.
вершилъ это дѣло. Алиды овладѣли Африкою. Мамунъ далъ своему полководцу Тагеру, въ Хоросанѣ, такую власть, которая поставила его въ возможность отложиться, и вскорѣ всѣ области восточной Азіи были отторнуты безвозвратно. При Дворѣ самихъ Халифовъ, первые Министры, *Эмиры* и *Омраги* присвоили всю власть такъ, что Халифъ былъ только первою духовною особою въ Багдадѣ. Турки, уроженцы

Туркестана, составлявшіе преторіанскую стражу Халифовъ, сдѣлались тиранами своихъ властителей, и низпровергли ввѣренный ихъ защитѣ престолъ; въ послѣдствіи изъ сихъ остатковъ они образовали новое государство, неменѣе страшное.

Война имѣла слѣдствіемъ завоеваніе; завоеваніе совершенное обладаніе страною. Миръ имѣлъ слѣдствіемъ трудъ; земледѣліе, промышленость и торговля произвели богатство; богатство доставило вкусъ, время и средства къ образованію. Аравитяне просвѣтились; не такъ сильно придерживались своей религіи; не знали болѣе фанатисма; энтузіасмъ, бывшій главною причиною ихъ побѣдъ и опасностей для Европы, исчезъ отъ недостатка пищи.

При настоящемъ состояніи Европы, завоеванія и успѣхи Аравитянъ могли бы показаться чудомъ; но если мы вспомнимъ о слабости или, лучше сказать, о ничтожности, и особенно о разъединеніи Европы въ то время, то не будемъ удивляться. Какъ ни дѣйствительны были причины, давшія послѣдователямъ Муххамеда минутную энергію, при всемъ томъ они одолжены своими побѣдами, большею частію, незначительному сопротивленію. Если бы Царь Персидскій и Императоръ Греческій во время собрали свои силы, фанатики, можетъ быть, никогда не вышли бы изъ предѣловъ Аравіи, или покрайней мѣрѣ были бы отбиты.

Послѣ паденiя Персидскаго царства, союзъ, составленный изъ Грековъ, Вестготѳовъ, Франковъ и Лонгобардовъ, могъ бы воспрепятствовать Аравитянамъ проникнуть въ Европу; но эти народы вовсе не знали о грозившей имъ опасности, а совершенное отсутствiе связи дѣлало всякое согласiе невозможнымъ. Францiя, сосѣдственная Испанiи, видѣла паденiе Вестготѳской монархiи, но не показала даже никакого движенiя. Правительство не простирало такъ далеко своихъ видовъ, да и самое государство не было организовано для внѣшнихъ войнъ. Когда Аравитяне перешли Пиринеи и проникли во Францiю, Карлъ Мартелъ остановилъ ихъ; но его побѣда была скорѣе счастливымъ случаемъ, нежели дѣйствiемъ превосходства силъ или обдуманнаго плана; если Европа была спасена, то одолжена своимъ спасенiемъ менѣе самой себѣ, чѣмъ истощенiю непрiятелей. Аравитяне ослабѣвали по мѣрѣ своего распространенiя. Карлъ Мартелъ имѣлъ такъ мало силы, или такъ мало послѣдовательности въ своихъ дѣйствiяхъ, что оставилъ имъ всѣ Французскiя области, близъ Пиринеевъ лежащiя. Съ того времени Аравитяне уже не предпринимали великихъ завоеванiй, и нападали только на острова и берега Средиземнаго моря. Но лишь только буря сiя, образовавшаяся извнѣ, пронеслась, какъ Европейскiя государства, слабыя и разъединенныя, ед-

ва не вошли въ составъ всемірной монархіи, планъ которой составилъ внукъ Карла Мартела, и частію осуществилъ его.

---

800. *Карлъ Великій.*

Франки, послѣ завоеванія Галліи, подъ предводительствомъ Хлодовика, разсыпались по этой обширной землѣ. Сдѣлавшись обладателями страны, помѣстившись на большое разстояніе отъ центра государства, и удаленные отъ предводителя, они вывели изъ употребленія свои древнія политическія формы; или можетъ быть, формы сіи, мало приспособленныя къ новой жизни ихъ, рушились сами собою; притомъ же завоеватели не были такъ образованны или дальновидны, чтобы замѣнить ихъ другими. И время было не то: народъ не занимался націнальными выгодами; важныя дѣла не разсматривались въ общемъ собраніи, а сильные въ государствѣ не занимались дѣлами маловажными. Завоеватели потерялись въ массѣ завоеваннаго народа, который, по своимъ обычаямъ и законамъ, нѣкоторымъ образомъ самъ приглашалъ Королей къ властвованію, и облегчалъ распространеніе его на своихъ союзниковъ. Простые военачальники сдѣлались неограниченными Монархами, или, по крайней мѣрѣ, стремились къ этому. Тѣмъ большее злоупотребленіе дѣлали они изъ своей власти, потому что не привыкли къ властитель-

ству, и переходъ былъ очень быстръ. Потому-то вся Исторія Меровинговъ представляетъ отвратительное смѣшеніе слабости и жестокости, безпоряковъ и насилій, безсилія внѣшняго и деспотизма внутренняго. Въ седьмомъ вѣкѣ, простые дворцовые сановники, Меры, управлявшіе Королевскимъ дворцомъ, воспользовались неспособностію или безпечностію своихъ государей, всеобщимъ къ нимъ презрѣніемъ, и сами сдѣлались монархами, сначала управляя Франціею безъ титула государя, а потомъ вступивши и на самый престолъ. Фамилія Герстали или Геристелля, представляющая рѣдкую послѣдовательность людей съ дарованіями и характеромъ, произвела, въ продолженіе полувѣка, перемѣну династіи. Пепинъ Геристелль былъ виновникомъ успѣховъ своего дома. Побѣдитель Мера
Невстрійскаго Бертера, при Тестри, и соединив- 687.
шій послѣ его смерти Мерство двухъ королевствъ, онъ царствовалъ на самомъ дѣлѣ, а Тіерри III оставилъ пустой титулъ. Сынъ его, Карлъ Мартелъ, наслѣдовалъ и званіе отца и великія его
качества. Послѣ знаменитаго сраженія при Турѣ, 732.
онъ еще болѣе увеличилъ свое могущество, и обнаружилъ ничтожность Тіерри IV, который бы лишился престола и Франціи, еслибы сталъ защищать ихъ. Побѣдитель Сарацинъ, не терявшій изъ виду возвышенія своей фамиліи, соединился съ Франками, извѣстными по личнымъ качествамъ и по богатствамъ, раздѣлилъ съ ними

ленныя земли, и такимъ образомъ приготовилъ великій переворотъ въ государствѣ. Между тѣмъ потому ли, что Карлъ Мартелъ видѣлъ умы еще неприготовленными къ совершенному измѣненію, или по оставшемуся уваженію къ монарху, только онъ довольствовался второстепеннымъ мѣстомъ, или, лучше сказать, занималъ первое, оставляя подлѣ себя тѣнь короля. Онъ умеръ въ 740 году. Сынъ его, Пепинъ, собралъ плоды трудовъ, храбрости и хитрости отца, низложилъ Хильдерика III, послѣдняго Меровинга, съ согласія Папы Захаріи, и, увѣренный въ расположеніи къ себѣ Франковъ, вступилъ на престолъ. Римскій Первосвященникъ за помощь, оказанную ему противъ Лонгобардовъ, короновалъ Пепина. Кромѣ того Пепинъ спасъ преемника Захаріи, Стефана II, отъ властолюбиваго Астольфа. Въ продолженіе семнадцатилѣтняго царствованія, онъ показывалъ счастливое соединеніе смѣлости и благоразумія, умѣренности и твердости. О похищеніи имъ престола забыли: своею властію онъ узаконилъ его нѣкоторымъ образомъ въ такое время, когда права наслѣдства дѣлились еще съ правами избранія. Пепинъ передалъ скипетръ двумъ своимъ сыновьямъ: Карлу и Карломану. Второй изъ нихъ вскорѣ умеръ, а первый, болѣе великій и болѣе счастливый, совершенно затмилъ его.

768. Карлъ, сынъ Пепина и Берты, вступилъ на престолъ двадцати шести лѣтъ. Юный, пылкій,

честолюбивый, назначенный управлять воинственнымъ народомъ, онъ по своей политикѣ почиталъ необходимымъ занять его внѣшними дѣлами, чтобы утвердить внутреннее спокойствіе, и искалъ случая къ войнѣ. Случай всегда представляется тому, кто ищетъ его: Карлъ взялся за оружіе, и почти не оставлялъ его въ продолженіе всего своего царствованія. Сорокъ лѣтъ, проведенныя въ битвахъ, создали и утвердили обширнѣйшую имперію, существовавшую въ среднихъ вѣкахъ. Она простиралась отъ Калабріи до Ейдера, отдѣляющаго Германіею отъ Даніи, и отъ Океана до Дуная. Такая обширная монархія составилась изъ владѣній Лонгобардовъ, Саксонцевъ, Баваровъ, Аравитянъ и Аваровъ.

Нарцесъ призвалъ Лонгобардовъ въ Италію, чтобы отомстить за оскорбленія, нанесеныя ему Императрицею Софіею, и завладѣть сею прекрасною страною. Лонгобарды исполнили призваніе: подъ предводительствомъ Албоина, они покорили всю верхнюю часть ея. Въ послѣдствіи присоединили еще отъ Церковной Области округъ, лежащій между Адріатическимъ моремъ и Перузою, а потомъ уже Лонгобардскій Герцогъ владычествовалъ надъ всею страною между Капуею и Тарентомъ; остальное принадлежало Грекамъ и управлялось Равенскимъ Экзархомъ. Земли, завоеванныя Лонгобардами, сначала были подавлены военною аристократіею со всѣми

568.

бѣдствіями безначалія и деспотизма, но потомъ нечувствительно подчинились менѣе произвольному правленію и постояннымъ законамъ. Въ продолженіе двухъ вѣковъ Римскіе первосвященники, противопоставляя хитрость силѣ и религію страстямъ, останавливали успѣхи Лонгобардовъ, безпрерывно угрожавшихъ завоеваніемъ остальной Италіи. Наконецъ Папы пригласили противу Астольфа Пепина: онъ наказалъ и удержалъ Лонгобардовъ. Карлъ, женившись на дочери Дидье, преемника Астольфа, развелся съ нею безъ всякой причины. Дидье далъ убѣжище племенникамъ Франконскаго Короля, почитая ихъ законными Монархами Франковъ. Такія взаимныя оскорбленія требовали съ обѣихъ сторонъ мщенія. Дидье представилъ Карлу случай, котораго онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Папы Адріанъ отказался признать племяниковъ тѣмъ, чѣмъ желалъ Лонгобардскій Король. Дидье приготовился къ нападенію на Церковную область; трепещущій Адріанъ проситъ помощи у Карла; юный герой является въ Италіи. Лонгобарды заключились въ стѣнахъ Павіи; голодъ заставилъ ихъ сдаться. Карлъ не встрѣтилъ болѣе сопротивленія. Дидье, взятый въ плѣнъ, отправленъ во Францію, гдѣ и окончилъ жизнь въ неизвѣстности. Лонгобардское королевство, существовавшее двѣсти лѣтъ, кончилось съ его смертію. Карлъ отправился въ Римъ. Адріанъ провозгласилъ его Королемъ Италіи и

Патриціемъ: за это Карлъ отдалъ Папѣ часть 774.
своихъ завоеваній, сохраняя однако надъ ними верховную власть. Чрезъ двадцать шесть лѣтъ, Леонъ III долженъ былъ оставить Римъ, и когда Карлъ возвратился съ нимъ съ тріумфомъ, то Папа, возобновляя западную Имперію, провозгласилъ его 800.
въ церкви Св. Петра, наканунѣ Рождества Христова, Римскимъ Императоромъ и преемникомъ Цесарей. Король изъявилъ удивленіе: но все уже заранѣе было сдѣлано; Папа поступилъ по его приказанію, былъ только органомъ его воли; Карлъ самъ доставилъ себѣ Императорское достоинство.

Италіянская воина была, если можно такъ сказать, эпизодомъ къ продолжительной и кровавой войнѣ съ Саксонцами. Война началась въ 755 году, продолжалась тридцать три года, и кончилась совершеннымъ покореніемъ того народа, который такъ любилъ свою свободу, умѣлъ ее защищать, и которой болѣе достоинъ безсмертія за отчаянное сопротивленіе, нежели побѣдитель за торжество свое надъ нимъ. Это Германское племя занимало страны между Эльбою и Везеромъ, и распространялось до Рейна. Нижняя Саксонія и Вестфалія были театромъ его подвиговъ и бѣдствій. Раздѣленные на Остфалійцевъ, Вестфалійцевъ и Энгеровъ, Саксонцы соединились для общей защиты. Бѣдные и храбрые, звѣроловы и воины, чуждые кроткихъ нравовъ и мирныхъ обычаевъ землелѣльцевъ; привязанные къ своей необработанной зем-

лѣ, грубымъ божествамъ, варварскимъ обыкновеніямъ, заимствованнымъ отъ предковъ, они долго отказывались отъ принятія чуждаго имъ богопочитанія. Главное, что несправедливый побѣдитель заставилъ ихъ принять Христіанскую вѣру вооруженною рукою; также и десятина, которую потребовали съ нихъ въ вознагражденіе за издержки, казалась имъ безчестнымъ и новымъ налогомъ. Саксонскій герой, воспѣтый Бардами и достойный безсмертія, Виттикиндъ, былъ душею ихъ движеній: онъ начальствовалъ ими въ битвахъ, давалъ совѣты; удерживалъ своимъ искусствомъ и хитростію узы древняго союза, всегда готоваго распасться; приглашалъ къ этому союзу сосѣдственныя племена, даже пытался вооружить Скандинавовъ противъ Франковъ. Кровавая война сія ежегодно почти оканчивалась побѣдою, за которою слѣдовало перемиріе; но на слѣдующій годъ возобновлялась съ новымъ ожесточеніемъ Саксонцы считали незаконнымъ союзъ, вынужденный силою, и всегда разрывали его: побѣжденные, они разбѣгались по своей землѣ, гдѣ непроходимые лѣса и обширныя болота препятствовали побѣдителю преслѣдовать ихъ; потомъ снова являлись, еще болѣе опасные послѣ пораженія. Военная оранизація Франковъ не позволяла Карлу держаться долго въ полѣ, и пользоваться своими успѣхами. Войска, составленныя изъ поземельныхъ владѣльцевъ и свободныхъ людей, не бывшія ни постоянными,

ни на жалованьѣ, ни подчиненныя строгой дисциплинѣ, формировались и расходились съ одинаковою легкостію. Послѣ шестинедѣльной экспедиціи, каждый воинъ спокойно возвращался домой.

Кажется, что Карлъ предпринялъ войну противу Саксонцевъ для огражденія восточныхъ провинцій своей имперіи отъ ихъ частыхъ и страшныхъ нападеній, что онъ продолжалъ ее съ тѣмъ же упорствомъ, которое употреблялъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, и что мщеніе и славолюбіе увлекли его за предѣлы, предписываемые человѣчествомъ и, можетъ быть, самою политикою. Онъ воевалъ съ Саксонцами не для того, чтобы образовать ихъ. Идея, употреблять силу съ тою цѣлью, чтобы возстановить царство разума и истины, не была создана для его вѣка и не сооброзавалась съ его характеромъ: философы, приписывающіе ему эту идею, слишкомъ много и слишкомъ мало дѣлаютъ ему чести. Точно также онъ внесъ огонь и мечъ въ идолопоклонническія страны не для распространенія въ нихъ Христіанской вѣры. Хотя Карлъ и былъ привязанъ къ религіи отцевъ своихъ, но едва ли религіозная ревность была такъ пламенна и слѣпа, что одна одушевляла его въ этомъ предпріятіи. Религія была средствомъ, которымъ онъ хотѣлъ воспользоваться, чтобы лучше покорить Саксонцевъ, укрощая ихъ нравы. Такимъ образомъ онъ полагалъ

упрочить царство законовъ, надѣясь удерживать Саксонцевъ въ этой жизни опасеніемъ возмездія въ другой; построилъ церкви въ покоренныхъ земляхъ и основалъ епископства съ тою цѣлію, съ какою теперь строятъ крѣпости.

Наконецъ ему удалось. Виттикиндъ крестился самъ. Епископства Гамбургское, Любекское, Бременское и Верденское, впослѣдствіи много содѣйствовали къ распространенію въ Германіи образованности и искусствъ. Саксонцы болѣе и болѣе привыкали къ постояннымъ жилищамъ и трудамъ, и наконецъ сдѣлались спокойными подданными.

Самыхъ же безпокойныхъ и опасныхъ Карлъ переселилъ въ другія провинціи: во Фран-
796. конію, Фландрію и Гельвецію. Средство было жестоко, но за то произвело свое дѣйствіе.

Прочіе военные подвиги Карла, стоившеі много трудовъ и усилій, были болѣе полезны, нежели блестящи и справедливы. Онъ пере-
778. шелъ въ Испанію, по приглашенію Ибнъ-Альраби, просившаго помощи противъ Абдерама. Въ сущности это было возмущеніе подданнаго; но Карлъ не пренебрегалъ никакимъ случаемъ для пріобрѣтенія славы и увеличенія своихъ владѣній. Успѣхъ увѣнчалъ дѣло: онъ перешелъ Пиринеи, взялъ Барцеллону и распространилъ свои владѣнія до Эбро. Еслибы Саксонцы допустили его еще болѣе увеличить пріобрѣтенія, и воевать съ этой стороны на простран-

ствѣ обширнѣйшемъ, онъ показалъ бы себя достойнымъ внукомъ Карла Мартела, и могущество Аравитянъ, остановленное его дѣдомъ, пало бы предъ его оружіемъ. Но дѣла необходимѣйшія звали его на Сѣверъ. Послѣ обратнаго перехода чрезъ Пиринеи, онъ потерпѣлъ пораженіе. *Лупусъ*, правитель Аквитаніи, измѣнилъ, и разбилъ его арріергардъ; здѣсь-то погибъ племянникъ его Роландъ, котораго муза Баярдо и Аріоста впослѣдствіи обезсмертили.

Тассилонъ, Герцогъ Баварскій, еще при Пепинѣ отказался служить подъ его знаменами; это же самое сдѣлало его виновнымъ въ отношеніи къ Карлу; какъ зять несчастнаго Дидье, онъ принялъ сторону тестя. Въ глазахъ побѣдителя такая вѣрность казалась преступленіемъ. Карлъ воспользовался минутою отдохновенія отъ другихъ предпріятій, чтобы наказать Герцога Баварскаго и разрушить его державу. Тассилонъ, тщетно прибѣгавшій къ посредничеству Папы, отвсюду окруженный побѣдоносными войсками Карла, сдался; государственные чины, собравшіеся въ Ингельгеймѣ, осудили его на смерть. Ему даровали однако жизнь съ тѣмъ, чтобы онъ въ монастырѣ похоронилъ свои горести. На слѣдующій годъ Карлъ разбилъ Гунновъ и Аваровъ, вторгнувшихся въ Германію, отбросилъ ихъ за Дунай, и эта рѣка сдѣлалась границею его имперіи.

Скрѣпивши побѣдами и постоянными трудами государство, превышавшее, повидимому,

силы одного человѣка, Карлъ явилъ себя достойнымъ своего счастія и былъ на своемъ мѣстѣ. Онъ чувствовалъ, что существенное могущество состоитъ въ усовершенствованіи правленія и въ развитіи всѣхъ силъ государственныхъ; вотъ почему онъ сталъ стараться изъ всѣхъ покоренныхъ областей составить одно тѣло, изъ народныхъ стихій образовать правильное цѣлое. Рукою твердою и взглядомъ вѣрнымъ, онъ правилъ силами обширной монархіи, которую еще болѣе укрѣплялъ тѣмъ, что объѣзжалъ безпрерывно провинціи во всякое время года. Непріятели ежеминутно могли страшиться его присутствія; подданые всегда могли ожидать его. Законы, составленные Императоромъ, разсмотрѣнные Совѣтомъ, сообщенные всѣмъ гражданскимъ и духовнымъ сановникамъ, были предложены въ торжественномъ собраніи народу, который одобрилъ ихъ. Прежде въ лѣсахъ Германскихъ собиралась вся орда и принимала участіе въ этомъ политическомъ актѣ. Обширность имперіи не дозволяла употреблять такой способъ, и Карлъ возъимѣлъ счастливую идею: изъ каждаго округа присылать народныхъ депутатовъ. Однако жъ, по превосходству генія и власти, Карлъ господствовалъ на этихъ собраніяхъ *Майскаго Поля;* предложенный имъ законъ всегда принимали; скорѣе это былъ торжественный обрядъ объявленія закона, нежели истинное законодательство. Императоръ, наученный наблюденіями и опы-

томъ, не имѣлъ пристрастія къ единообразію этой болѣзни мелкихъ умовъ, помѣшавшихся на системахъ. Будучи властителемъ государствъ, которыя имѣли только одного общаго Монарха, но различались по климату, образу жизни, обычаямъ, нравамъ, онъ примѣнялъ свои узаконенія къ мѣстностямъ, или имѣлъ въ виду одно намѣреніе — вездѣ достигнуть одной и той же цѣли: справедливости и безопасности, разнообразя средства по требованію обстоятельствъ. Собранныя имъ капитуляріи доказываютъ великую мудрость, и носятъ отпечатокъ ума справедливаго, здраваго, глубокаго и вѣрнаго, который въ дѣлахъ есть, можетъ быть, отличительная черта генія; при всемъ томъ законы сіи простираются на всѣ предметы. Управленіе правосудіемъ было такъ просто, какъ должно быть у народа, неимѣющаго многочисленныхъ и сложныхъ гражданскихъ отношеній. Графы предсѣдательствовали въ судилищахъ; судилища, составленныя изъ двѣнадцати засѣдателей, назначенныхъ народомъ, имѣли право надъ жизнію и смертію; но ежегодно королевскіе судьи объѣзжали провинціи для наблюденія за поступками правителей, для принятія жалобъ и удовлетворенія всякаго. Поземельные владѣтели выставляли войско; оно собиралось по повелѣнію Монарха; богатые лично исполняли свою обязанность, оставляя обработываніе земли рабамъ; не владѣвшіе землями содѣйствовали, смотря по со-

стоянію, къ вооруженію другихъ. Провіантомъ запасались на три мѣсяца. Кто не являлся на службу, платилъ штрафъ. Обитатели каждаго графства были предводительствуемы графомъ. Сражались сомкнутыми рядами. Оружіе состояло въ копьяхъ, мечахъ, щитахъ, лукахъ и стрѣлахъ.

Величайшіе расходы, употребляемые новыми государствами на содержаніе войска и гражданскаго управленія, во времена Карла не были извѣстны; точно также и государственные доходы ограничивались малымъ. Свободные люди не платили никакой подати; но если государству грозила опасность, они платили своею личностію и жизнію. Побѣжденные подвергались поземельному налогу въ такомъ случаѣ, если побѣдитель оставлялъ имъ поля; иначе они платили подушное. Государь содержалъ Дворъ свой и сановниковъ доходами съ своихъ имѣній: онъ самъ былъ богатый поземельный владѣтель, и богатства его зависѣли отъ заботливой экономіи. Карлъ страстно занимался симъ предметомъ; этотъ могущественный Монархъ жилъ какъ простой мызникъ: тою же рукою, которая начертывала законы многочисленнымъ его подданнымъ, онъ управлялъ подробностями своего хозяйства, приказывалъ, какъ продавать яица; платье всегда шили ему или супруга, или дочери. Порядокъ и умѣнье управлять дѣлами, поддерживали его богатство и не заставляли прибѣгать

къ подданнымъ, чтобы получать отъ нихъ добровольныя пожертвованія.

Властолюбивый Карлъ боялся давать много воли своимъ уполномоченнымъ; онъ раздѣлялъ власть между многочисленными сановниками. Герцоги вездѣ были замѣнены графами, потому что права ихъ были чрезвычайно обширны. Титулы этого времени выражали еще общественныя должности и давались по важности мѣстъ. Мѣста были личныя и непостоянныя, но нечувствительно превратились потомъ въ наслѣдственныя. Духовенство имѣло большую власть, потому что приношенія народа и щедрость Царей доставили ему богатыя владѣнія; оно одно только имѣло нѣкоторыя свѣдѣнія, то есть, умѣло читать и писать; его боялись, потому что оно распоряжалось наказаніями и наградами въ будущей жизни. Впрочемъ Карлъ умѣлъ отличать собственныя обязанности Христіанина въ отношеніи къ духовнымъ, отъ обязанностей ихъ къ нему, какъ къ Монарху. Въ его царствованіе, начиная отъ Римскаго первосвященника до послѣдняго церковника, духовенство пользовалось уваженіемъ безъ рабскаго подобострастія, и не только не владычествовало, но еще первое подавало примѣръ къ повиновенію.

Карлъ указалъ духовенству истинное его назначеніе — распространять въ обширномъ государствѣ сѣмена образованности. Великій человѣкъ чувствовалъ или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвалъ, что извѣстная степень просвѣщенія, распростра-

неннаго въ народѣ, поддерживаетъ общественный порядокъ и успѣхи промышлености: онъ сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать въ его время, чтобы вывести народъ изъ глубокаго невѣжества. Странно видѣть, какiе предметы почиталъ онъ важными и какiя смѣшныя средства употреблялъ иногда; но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуешь уваженiе и грусть, слѣдуя за попытками и усилiями его генiя, который, предоставленный собственнымъ силамъ, боролся во мракѣ.

Карлъ получилъ воспитанiе своего вѣка, то есть почти не получилъ никакого, и даже писать научился въ зрѣломъ возрастѣ; но дѣятельный умъ его требовалъ и желалъ образованiя; онъ родился со вкусомъ къ изящному, и могъ развить его во время путешествiя въ Италiю, особенно въ Римѣ. Дворцы и церкви, построенные имъ въ Ахенѣ, Ингельгеймѣ и другихъ городахъ, отличались болѣе массивностiю нежели соразмѣрностiю, болѣе великолѣпiемъ нежели изяществомъ; но они доказываютъ любовь его къ искусствамъ. Архитекторъ Герардъ, часто трудившiйся съ Монархомъ, не безъ достоинства для своего вѣка. Карлъ любилъ общество ученыхъ людей; и что другiе Государи дѣлали изъ политики и тщеславiя, у него все это было душевнымъ побужденiемъ и необходимою потребностiю. Академiя, заведенная имъ при Дворѣ, составляла его любимое общество. Алкуинъ, вызванный изъ Англiи, облагодѣтельствованный

имъ, былъ душею его предначертаній, его совѣтникомъ и руководителемъ въ учрежденіи училищъ и въ преобразованіи воспитанія. Алкуинъ былъ посредственный писатель: вкусъ его нехорошъ; Латинскій языкъ нѣсколько варварскій: но онъ былъ образованъ, имѣлъ живой умъ, отличался пріятностію въ обращеніи и одинаково мыслилъ съ Государемъ. Теодебальдъ, юный и прекрасный Ангильбертъ, раздѣляли съ Алкуиномъ труды и милости Карла; и если первый простодушно придалъ себѣ названіе Флакка, то Ангильбертъ также нескромно, можетъ быть, съ такимъ же простодушіемъ, назвался Гомеромъ. Но тотъ и другой открыли училище наукъ и литературы, въ которомъ образовались достойные ихъ воспитанники. Довольно назвать Эгингарда, біографа Карла Великаго. Оба трудились надъ заведеніемъ и устройстомъ училищъ, которыя Императоръ причислилъ къ монастырямъ и церквамъ. Въ нихъ обучали только чтенію, письму, счисленію и музыкѣ; но и это уже великіе способы къ образованію, потому что легко могутъ вести далѣе. Музыка, и въ особенности церковное пѣніе, были любимыми предметами Карла, желавшаго возвысить и облагородить общественное богослуженіе. Извѣстно, что онъ распространилъ и усовершенствовалъ Нѣмецкій языкъ, и что первый сталъ употреблять его въ публичныхъ актахъ; по его повелѣнію духовныя особы переводили на этотъ языкъ отрывки изъ Св. Отцевъ, и

обязаны были читать ихъ народу по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Обозрѣвая все, что сдѣлалъ Карлъ для утвержденія своего могущества на основаніи законовъ, труда и образованія, нельзя не удивляться его дѣяніямъ, и легко понять, почему онъ названъ великимъ человѣкомъ новой Исторіи. Единство, замѣчаемое нами въ его правительственныхъ планахъ, можетъ быть, создано и нами: то, что у него было внушеніемъ генія, идеи счастливыя, но раздѣльныя, раждавшіяся постепенно, то могло показаться систематическимъ умамъ новыхъ писателей однимъ цѣлымъ, что ему вовсе было чуждо. Можетъ быть также и мракъ, господствовавшій до него и распространившійся надъ Европою послѣ его смерти, возвысилъ блескъ его генія, а ничтожность всего, окружавшаго Карла, придала его нравственному росту гигантскія формы. При всемъ томъ величіе его существенно. Онъ пересоздалъ полученное имъ воспитаніе. Другіе многимъ одолжены своему вѣку; Карлъ создалъ свой вѣкъ или, по крайней мѣрѣ, устроилъ его. Принимая также въ соображеніе время, надобно упомянуть и о славѣ тѣхъ, которыхъ можно сравнить съ нимъ и которые оспориваютъ у него первое мѣсто. Въ частной жизни онъ отличался кроткимъ нравомъ и простотою, которая иногда есть утонченная гордость, но которая есть также и необходимое условіе истиннаго величія. Если онъ не былъ вѣрнымъ супругомъ,

то это нисколько не имѣло влiянiя на обязанности его, какъ правителя: женщины, имъ любимыя, владычествовали надъ его сердцемъ, но не надъ государствомъ. Его упрекаютъ также въ сношенiяхъ Берты съ Ангильбертомъ, Еммы съ Эгингардомъ, что все кончилось двойнымъ бракомъ—истиннымъ соблазномъ при нынѣшнихъ нравахъ; но по грубымъ понятiямъ того вѣка подобные союзы не имѣли въ себѣ ничего безчестнаго. Страсть Карла къ войнѣ, веденной имъ сорокъ лѣтъ, несправедливыя завоеванiя, поступки противъ племянниковъ, свирѣпая жестокость въ отношенiи къ Саксонцамъ — заслуживаютъ упрека Исторiи и суда потомства: генiй не узаконяетъ проступковъ и при величiи не должно забывать о нарушенiи правъ человѣчества. Но великiя качества Карла именно принадлежали ему, а ошибки были данiю его вѣка.

Обозрѣвъ быстро исторiю его царствованiя и начертавъ духъ его правленiя, мы хотѣли показать, какъ легко, при недостаткѣ связи государствъ, разрушать ихъ и образовать всемiрную монархiю. Народы не имѣли залога своей самостоятельности; человѣкъ предпрiимчивый, пользуясь ихъ раздѣльностiю, постепенно могъ покорять ихъ. Еслибы Дидье, Король Лонгобардскiй, соединился съ сильнымъ Герцогомъ Баварскимъ Тассилономъ, а этотъ призвалъ бы наобщую защиту Саксонцевъ, Карлъ остался бы въ предѣлахъ Францiи. Но повторяемъ: недостакъ связи способ-

ствовалъ его успѣхамъ; если же онъ не выгналъ Аравитянъ изъ Испаніи и не напалъ на Греческую имперію, то потому, что не хотѣлъ. Великая монархія, имъ основанная, рушилась послѣ его смерти, и, можетъ быть, къ счастію Европы: внутреніе пороки и непредвидѣнныя обстоятельства были причиною ея паденія.

Феодальное правленіе.

Зародышъ феодальнаго правленія вѣроятно находился уже въ постановленіяхъ, перенесенныхъ и утвержденныхъ Германцами въ завоеванныхъ ими земляхъ; но то достовѣрно, что при первомъ поколѣніи Королей Французскихъ не видно слѣдовъ его существованія. Фамилія Геристелей приготовила быстрое и пагубное развитіе феодализма; геній Карла, на время, остановилъ его успѣхи. Все покорялось его великому характеру; при всемъ томъ онъ не могъ, или не хотѣлъ истребить корень этого страннаго учрежденія, которое дремало во всѣхъ частяхъ обширной имперіи; онъ не имѣлъ ни времени, ни средствъ утвердить созданные имъ политическіе законы, которые онъ одинъ, можетъ быть, былъ въ состояніи поддерживать. Стихіи образованной имъ монархіи, по разнообразію своему, не могли быть тѣсно соединены между собою. Въ такое короткое время, предначертанія его не могли быть приведены въ полное развитіе, а основныя правила обра-

титься въ общественное мнѣніе; если бы даже онъ положилъ основаніе своему творенію, то могъ ли отвратить слабость своего преемника, бывшаго игрушкою то супруги, то дѣтей, то духовенства? могъ ли отвратить междоусобія неблагодарныхъ сыновей, два раза вооружавшихся противъ отца? могъ ли предвидѣть безпрерывные раздѣлы, кончившіеся совершеннымъ отдѣленіемъ Франціи отъ Италіи и Германіи? — и наконецъ былъ ли въ состояніи предупредить злоупотребленія вельможъ, которые болѣе и болѣе усиливались, стѣсняли власть Государей и вводили безначаліе во всѣхъ Европейскихъ странахъ?

Безспорно, что всемірная монархія была бы большимъ несчастіемъ для человѣчества; и чѣмъ ближе какое нибудь государство идетъ къ этой цѣли, тѣмъ болѣе истинные друзья человѣчества должны желать, чтобы оно остановилось, или пошло назадъ. Всемірная монархія непремѣнно повлекла бы за собою всеобщее угнетеніе, злоупотребленіе власти, необузданный, восточный деспотизмъ; она препятствовала бы развитію народовъ, потому что соревнованіе, соперничество и взаимныя опасенія суть лучшія средства къ совершенствованію и дѣятельности для всѣхъ народовъ вообще и для каждаго человѣка въ особенности. Она все подвела бы подъ одну мѣрку; а такое однообразіе уничтожило бы счастливое

разнообразіе мыслей и чувствованій, дарованій и вкусовъ, привычекъ и дѣйствій, что составляетъ главную причину успѣховъ просвѣщенія; наконецъ особенность физіогноміи каждаго народа непремѣнно бы исчезла. При всемъ томъ продолжительность Карловой монархіи была бы благодѣяніемъ для человѣческаго рода, потому что Европа впослѣдствіи подпала *феодальному* безначалію, которое разъединило общество въ его стихіяхъ, и, подъ названіемъ общественнаго порядка, ввела настоящее естественное состояніе.

Феодальное правленіе, бывшее, со временъ Карла до пятнадцатаго столѣтія, въ большей части Европы исключительнымъ, ни одному народу не позволяло сдѣлаться могущественнымъ, и вездѣ вмѣсто справедливости породило право сильнаго. Оно не относится къ эпохѣ покоренія варварами Испаніи, Франціи, Англіи и Италіи, но явилось нѣсколькими вѣками позже. Многіе народы завоеватели оставляли побѣжденнымъ значительную часть земель на условіяхъ, болѣе или менѣе выгодныхъ. Земли, которыя они взяли себѣ или получили въ награду, оставались въ продолженіе многихъ лѣтъ аллодами, или землями свободными: ими владѣли они также какъ Короли своими помѣстьями. Различіе между побѣдителями и побѣжденными приготовило рабство послѣднихъ. Правда, побѣжденные были многочисленнѣе и образованнѣе побѣдителей, которые приняли ихъ языкъ и вѣ-

ру, но воинственные народы, незнавшіе другаго превосходства, кромѣ побѣды, презирали побѣжденныхъ, а отъ презрѣнія недалеко до угнетенія.

Въ осьмомъ столѣтіи, Короли или по политическимъ видамъ, или изъ милости, отдали большую часть земель тѣмъ, которыхъ хотѣли привязать къ себѣ, возлагая на нихъ особенныя обязанности: вотъ происхожденіе ленъ. Получившіе ихъ давали присягу въ подданствѣ, обязывались служить вѣрно и повиноваться своему Государю, являясь подъ его знамена по первому призыву. Такой обычай нашелъ многихъ послѣдователей: владѣльцы земель, въ надеждѣ получить какой нибудь участокъ изъ коронныхъ владѣній, предлагали Королю свои недвижимыя имѣнія, а отъ него старались пріобрѣсти съ титуломъ вассала то, что уже имъ принадлежало. Другіе мелкіе владѣльцы, не имѣя возможности прямо обратиться къ Монарху, дѣлали тоже самое въ отношеніи своихъ сильныхъ сосѣдей: страхъ или надежда заставили ихъ признать верховными правителями тѣхъ, которые до сихъ поръ были имъ равны.

Вначалѣ лены были личные: владѣтель могъ быть лишенъ лена за какой нибудь проступокъ; въ случаѣ его смерти они переходили къ Государю, а онъ располагалъ ими по произволу. Карлъ Лысый, или по недальновидности или по слабости, далъ вассаламъ наслѣдственное право. Съ того времени Короли, лишенные поземель-

ныхъ владѣній, сдѣлались бѣдны, а слѣдственно и безсильны.

Государственные сановники, герцоги, графы, маркграфы, которые управляли военными силами, завѣдывали судебными мѣстами, Королевскими доходами, защищали границы, — также сдѣлали свои титулы наслѣдственными. Многіе даже безъ согласія Государя, при всеобщемъ безпорядкѣ, присвоивали себѣ права: никто не могъ или не хотѣлъ оспоривать ихъ. Другіе удерживали титулъ и послѣ лишенія мѣста; иные принимали его до полученія, такъ, что болѣе было чиновниковъ съ титулами, но безъ должностей.

Короли не были въ состояніи ни давать, но отнимать; имъ никто не повиновался, потому что никто не былъ привязанъ къ нимъ ни страхомъ, ни надеждою; общественный порядокъ не существовалъ, потому что не было побудительной силы и охранительной власти, которыя бы могли поддерживать правосудіе и опредѣлять истинные предѣлы личной свободы. Право сильнаго сдѣлалось единственнымъ правомъ. Феодальное безначаліе, распространяя вездѣ недовѣрчивость и ужасъ, умножило феодальныя связи. Каждый, помышляя только о минутныхъ опасностяхъ, хотѣлъ лучше свой домъ, свои земли или свой замокъ отдать подъ покровительство богатѣйшаго и сильнѣйшаго владѣтеля, не-

жели лишиться своего имущества насильственно, отъ вооруженной руки. Такимъ образомъ онъ дѣлался вассаломъ владѣтеля, непосредственно зависѣвшаго отъ Короля, или вассаломъ монастыря, церкви; по крайней мѣрѣ, въ эти вѣка угнѣтенія духовенство было уважаемо, а это уже много значило. И потому-то непрочное существованіе жителей государства и недостатокъ общественнаго залога распространили и утвердили Феодализмъ; по мѣрѣ же его распространенія увеличивалось народное бѣдствіе. Войны между сильными вассалами были безпрестанныя. Всякій имѣлъ въ виду свою прихоть, страсть, выгоду или обстоятельства, обѣщавшія блистательный успѣхъ; договоры были только военными хитростями или мгновенными перемиріями; битвы ежедневно возобновлялись на всѣхъ концахъ Европы; земледѣлецъ, безъ собственности и даже безъ личной свободы, былъ всегда орудіемъ и жертвою; безсильные Государи не могли противиться насиліямъ. Иногда государство выигрывало отъ раздоровъ самихъ вассаловъ, которые вооружались противу общаго своего врага. Всѣ Европейскія Государства, съ небольшими различіями, представляли одинаковое зрѣлище: Короля безъ власти; народъ трудолюбивый и бѣдный, угнѣтенный и невѣжественный, цѣною труда покупающій столько, чтобы не умереть съ голоду, и классъ богатыхъ, сильныхъ поземельныхъ владѣльцевъ, который тя-

готѣлъ надъ Государемъ и народомъ, и равно показывалъ себя врагомъ того и другаго.

При такомъ порядкѣ или, лучше сказать, безпорядкѣ, никакой народъ не могъ съ силою и успѣхомъ противиться военнымъ удальцамъ, руководимымъ любовію къ славѣ и добычѣ, предводительствуемымъ любимыми ими военачальниками. Эти истинные бичи Европы, со временъ Карла, присовокупили къ внутреннимъ войнамъ Государствъ всѣ ужасы войны опустошительной. Таковы были Норманны. Чуждые земледѣлія, брошенные природою на берега моря, сроднившіеся съ его феноменами и опасностями, бѣдные и смѣлые — жители Ютландіи, острововъ Датскихъ и Норвегіи плавали по всѣмъ морямъ на судахъ, на которыхъ помѣщалось отъ двѣнадцати до ста двадцати человѣкъ. Безъ компаса, безъ астрономическихъ познаній они пускались въ моря отдаленныя. Имъ одолжены мы открытіемъ Исландіи и Гренландіи; утверждали даже, что они приставали къ берегамъ Сѣверной Америки, и назвали ее Винландіею. Какъ смѣлые мореплаватели и ненасытимые пираты, они распространяли ужасъ по всѣмъ приморскимъ странамъ Европы; на легкихъ судахъ поднимались по рѣкамъ, и проникая во внутреннія земли, опустошали области, сожигая города и селенія. Нантъ, Анжеръ, Туръ, Блоа, Орлеанъ, Бордо, Руанъ, Парижъ, Реймсъ, Соассонъ — были театромъ ихъ ужасовъ и алчности.

Слабые преемники Карла не имѣли ни дарованій, ни власти, чтобы отдалить эту опасность. Карлъ Лысый и Карлъ Толстый пытались остановить ее, но показали только свое безсиліе и неспособность. Коронные вассалы заключали съ Норманнами частныя перемирія, и радовались всеобщему безпорядку, благопріятствовавшему честолюбивымъ ихъ замысламъ. Мало по малу пираты дѣлались завоевателями Очарованные прекраснымъ небомъ и плодоносною почвою опустошаемыхъ ими странъ, они стали помышлять о водвореніи, и легко забывали туманы и безплодіе своей родины. Карлъ Простой принужденъ былъ уступить Роллону, 912.
ихъ предводителю, Малую Бретань и ту часть Сѣверной Франціи, которая отъ нихъ получила названіе Нормандіи. Въ послѣдствіи они покорили Англію, опустошая ее около двухъ вѣковъ *). Нормандская фамилія Танкреда Готевилля (de Hauteville) положила основаніе Королевству Обѣихъ Сицилій, и обязана была своимъ возвышеніемъ собственной храбрости, искусству и политикѣ Папъ **).

Этотъ же народъ, ужасъ Европы въ продолженіе трехъ вѣковъ, основалъ великія Монархіи Сѣверныя ***).

---

*) Вильгельмъ Завоеватель, 1066.

**) Робертъ Гвискаръ, 1057.

***) Гормъ древній, въ Норвегіи (836), подчинилъ себѣ

Конечно легко было бы остановить Норманов при первыхъ ихъ вторженіяхъ, если бы существовала морская сила, если бы хотя одно Европейское Государство имѣло энергію, силу и согласіе, или если бы Государства соединились противу общей опасности. Но при феодальномъ правленіи всякой воевалъ со всѣми, исключая враговъ Государства.

Происхожденіе и развитіе Папской власти.

Посреди всеобщаго безначалія образовалась въ тишинѣ, медленно и нечувствительно, власть, которая должна была основываться на одномъ общественномъ мнѣніи, и доказать великимъ примѣромъ, что мнѣніе есть первая сила и что она рано или поздно торжествуетъ надъ всѣми физическими препятствіями. Эта власть составилась не вдругъ; много одолжена она обстоятельствамъ: слабость другихъ часто заимствовала отъ нея силу; геній и искусство располагавшихъ ею умѣли воспользоваться событіями. Эта власть много, очень много сдѣлала для Европы зла; но она много сдѣлала также и добра, и мы обязаны въ этомъ отдать ей справедливость. Въ средніе вѣки, когда не было общественнаго порядка, можетъ быть, она одна

всѣ Датскія племена. Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ утвердились, въ 862 году, на берегахъ Невы.

спасла Европу отъ совершеннаго варварства: она установила сношенiя между отдаленнѣйшими народами; она была общимъ центромъ, точкою соединенiя для Христiанскихъ державъ. Правда и то, что введенная ею политическая система не основывалась на строгой справедливости, не имѣла цѣлiю взаимныхъ выгодъ; предлагаемое ею ручательство недостаточно было для утвержденiя народной независимости; она сама была опасностiю другаго рода; но въ сiю несчастную эпоху только и выбирали однѣ крайности. Вспоминая о томъ времени, когда Римскiй Епископъ былъ только первымъ пастыремъ столицы, безъ богатствъ и безъ власти, притѣсняемый то варварами, то Императорами, и приводя на память того, кто низлагалъ Императоровъ и изъ замка Каносы любовался ихъ униженiями, трудно повѣрить, чтобы рѣчь шла объ одной и той же власти. Но мы не станемъ удивляться, если внимательно разсмотримъ пространство, раздѣляющее оба перiода, и если будемъ слѣдить за постепеннымъ возвышенiемъ Папской власти. Въ этой картинѣ не должно отдѣлять успѣховъ свѣтской власти отъ успѣховъ духовной; онѣ взаимно оказывали другъ другу великiя услуги, и одна содѣйствовала къ развитiю другой.

Въ первобытной церкви, управленiе Христiанскимъ обществомъ было весьма просто. Пресвитеры, Епископы, Дiаконы—вотъ лица, на кото-

рыхъ возложены были церковныя дѣла. Но по мѣрѣ того, какъ общества становились многочисленнѣе и богаче, званія эти также пріобрѣтали бо̀льшую важность, внушали болѣе уваженія, довѣренности. Римскій Епископъ, въ числѣ другихъ, долженъ бы былъ давно уже получить ту же самую степень, которую Римъ занималъ между городами извѣстнаго свѣта; но только со временъ Константина Великаго, когда Христіанская религія сдѣлалась господствующею, онъ получилъ эту значительность. До того, гоненія на Христіанъ, падая болѣе на Римскую церковь, долго удерживали ее въ угнѣтенномъ состояніи. Хотя Константинъ, принявъ новую религію, покровительствовалъ ей, но Римскій Епископъ все еще оставался простымъ Епископомъ, тогда какъ Церкви Антіохійская, Александрійская, Іерусалимская и особенно Константинопольская оспоривали другъ у друга первенство. Перенесеніе Императорскаго престола, раздѣленіе Имперіи, ея бѣдствія, нашествія варваровъ благопріятствовали приращенію кредита Римскаго Епископа; *) и можно
1073. сказать, что съ этого времени до Григорія VII, власть безпрестанно усиливалась; иногда ходъ ея былъ медленъ, но никогда не возвращался назадъ. Разсмотримъ развитіе этой власти.

---

*) Онъ былъ Папою только съ 607 года, когда Бонифацій III былъ утвержденъ Константинопольскимъ дворомъ.

Въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ Римъ, оставленный на произволъ Императорами, часто находилъ подпору и защиту въ своемъ Епископѣ. Мужество, оказанное Папами въ сношеніяхъ съ дикими завоевателями Имперіи, искусство, съ которымъ они укрощали варваровъ, привлекли къ нимъ расположеніе Римлянъ. Папа Левъ Св. во время нашествія Аттилы спасъ столицу; мольбы и слезы почтеннаго старца тронули сердце варвара.

Послѣ паденія Западной Римской Имперіи, Константинополь хотѣлъ владычествовать надъ Римомъ; но отдаленность ослабила узы зависимости; Епископъ сдѣлался первымъ лицемъ въ городѣ; довѣренность къ нему увеличивалась, а къ Греческому Императору уменьшалась. Когда время не позволяло отправлятся въ Константинополь за приказаніями, тогда обращались къ Епископу, который часто смягчалъ строгія и жестокія повелѣнія Византійскаго двора.

Послѣ Остготскаго владычества, Епископъ Римскій сталъ опять зависѣть отъ Императора Греческаго. Лонгобарды уважали однакожъ его и щадили Равенскій Екзархатъ въ продолженіе ста восьмидесяти трехъ лѣтъ: послѣ они покорили его. Но Астольфъ оказалъ истинную 752.
услугу Папѣ, освободивъ его отъ опаснаго соперника.

Захарій, вмѣшавшійся въ дѣла честолюбиваго Геристеля, повидимому произвольно рас-

полагалъ престоломъ, низлагая Хильдерика III и возводя Пепина. Это событiе было эпохою въ лѣтописяхъ Римскаго двора: примѣръ былъ первый и далъ законный видъ другимъ.

Стефанъ не удовольствовался такою честiю, которая болѣе льстила надеждою, нежели приносила существенныя выгоды. Лонгобарды безпокоили его; надобно было воспрепятствовать, чтобы они не овладѣли Римомъ. Онъ проситъ о помощи Пепина. Пепинъ, одолженный Папѣ короною, усмиряетъ Лонгобардовъ и отдаетъ своему благодѣтелю большую часть Экзархата. Вотъ начало свѣтской власти Папъ; но даръ Пепина дѣлалъ ихъ болѣе богатыми владѣльцами, нежели Монархами.

Карлъ и Адрiанъ I, по разнымъ причинамъ, желали уничтожить владычество Лонгобардовъ; исполнили это, и Карлъ прибавилъ новыя земли къ дару Пепина.

Папы хотѣли лучше повиноваться такому Государю, который нѣсколько былъ имъ обязанъ, нежели Греческому Императору, который смотрѣлъ на нихъ какъ на своихъ подданныхъ. Левъ III возобновилъ Западную Имперiю коронованiемъ Карла, вѣроятно по его же приказанiю. Императоръ всегда являлъ себя властителемъ надъ Римомъ и надъ Папою, но показывалъ видъ, что получилъ корону отъ Епископа. Это произвело большое дѣйствiе во мнѣнiи,

и приготовило умы къ чрезвычайнымъ событіямъ.

Папа освободился отъ всѣхъ Епископовъ, оспоривавшихъ у него первенство: Антіохія, Александрія, Іерусалимъ, покоренные Аравитянами, принуждены были подчиниться Корану, и первыя убѣжища Христіанства превратились въ Муххамеданскія мечети. Оставался одинъ опасный соперникъ: Патріархъ Константинопольскій; близкій къ престолу, онъ могъ отъ него гораздо легче получать все, нежели Папа, жившій въ отдаленіи. Споры объ иконахъ между церквами Греческою и Латинскою были для Папъ удобнымъ случаемъ къ совершенному отдѣленію отъ опаснаго совмѣстника. Въ царствованіе Льва Исаврянина, приготовилось великое раздѣленіе Церквей, которое утвердило за Папою первенство на всемъ Западѣ и много содѣйствовало къ увеличенію его власти.

Въ то время, когда Папы тихо приближались къ владычеству, можетъ быть, сами того не зная, или по крайней мѣрѣ не составляя обширныхъ, честолюбивыхъ плановъ, основаніе монашескихъ Орденовъ приготовило имъ во всей Европѣ орудія многочисленныя и искусныя. Распространеніе истинной и великой идеи, что добродѣтель состоитъ въ пожертвованіяхъ; желаніе предаваться уединенно благочестивымъ размышленіямъ; отвращеніе отъ свѣта, въ которомъ испытали несчастія—всѣ эти причины

наполнили пустыни отшельниками, еще въ треть-
305. емъ вѣкѣ Христіанской эры.

324. Антоній и Пахомій содѣйствовали къ сближенію отшельниковъ, пріучили ихъ къ труду и къ общественной жизни. Потребности ихъ были не многочисленны; жаркій климатъ благопріятствовалъ имъ. Преимущественно эти отшельники разсѣялись по Египту и по Сиріи; въ одномъ Египтѣ считалось ихъ до пятидесяти тысячъ. Климатъ Франціи и Италіи требовалъ другихъ условій. Бенедиктъ Нурсійскій, знавшій свой народъ, страну и вѣкъ, былъ основателемъ монашескихъ Орденовъ. Онъ подчинилъ монаховъ постояннымъ правиламъ; произнесенные ими обѣты объявлены были непреложными; занятія должны состоять въ работахъ механическихъ, молитвѣ и ученіи. Бенедектинцы, долгое время оставаясь вѣрными своему назначенію, сдѣлались благодѣтелями своего вѣка. Изъ первоначальнаго убѣжища, Монте - Кассино, они распространились повсюду; и повсюду ихъ мудрыми и дѣятельными стараніями, срубленныя лѣса, высушенныя болота являли обширное поле трудамъ земледѣльческимъ. Въ послѣдствіи, Ордена умножались по произволу идей и страстей, гордости и энтузіазма, честолюбія и благочестія ихъ основателей. Чрезмѣрное ихъ умноженіе было, безъ сомнѣнія, зломъ для общества, особенно когда они разбогатѣли и облѣнились, стали поддерживать невѣжество вмѣ-

сто того, чтобы распространять просвѣщеніе, и сдѣлались истинными орудіями Папъ противъ Государей. Но ненадобно забывать, что они были самымъ дѣятельнымъ, просвѣщеннымъ классомъ, и что монастыри въ эту эпоху были колыбелію наукъ и искусствъ.

Отсюда-то выходили тѣ неутомимые и мужественные миссіонеры, которые изъ любопытства, или изъ желанія владычествовать, но чаще изъ ревности къ религіи, готовые на всякое пожертвованіе, закаленные во всѣхъ страданіяхъ, приносили на Сѣверъ Европы первыя сѣмена Христіанства, и нѣсколько разъ являли свѣту примѣръ самоотверженія. Они болѣе всѣхъ распространили власть Римскихъ Епископовъ, потому что всѣ земли, обращенныя ими въ Христіанство, въ то же время подчинялись Папѣ и слѣдственно распространяли его власть. Коломбанъ, вмѣстѣ съ Галломъ, проповѣдывалъ Евангеліе Швабамъ и Баварамъ; Киліанъ и Виллебродъ Франкамъ и Фризамъ; Бонифацій, выше ихъ всѣхъ, съ святою ревностію и великими успѣхами прошелъ Гессенъ и Турингію; поддерживаемый Папами и Королями Французскими, онъ строилъ церкви и первый далъ Германскому духовенству прочное устройство. Какъ Майнцскій Архіепископъ, онъ имѣлъ боль- 745.
шую власть по ту сторону Рейна, и могъ бы совершенно отдѣлиться отъ Римскаго двора; но, или по убѣжденію, или по полити-

кѣ, подчинилъ всѣ церкви Германiи Папѣ, и всею своею властiю содѣйствовалъ къ распространенiю его власти. Ансгарiй проповѣдывалъ Христiанство въ Швецiи. Оттонъ Великiй для покоренiя Славянъ употреблялъ тѣ же средства, какiя Карлъ для покоренiя Саксоновъ; Епископства Магдебурское, Мейссенское, Бранденбургское, Наумбургское, Гавельбергское были вмѣстѣ школами образованiя и повиновенiя. Такимъ образомъ успѣхи Христiанской вѣры быстро усиливали власть перваго Епископа Латинской Церкви, Епископа Римскаго.

Слѣдственно добродѣтели Папъ, услуги, оказанныя ими Италiи со времени вторженiя варваровъ, паденiе Западной Римской Имперiи, отдаленность и безсилiе двора Константинопольскаго, жадность Лонгобардовъ, честолюбiе Пепина и его сына, щедрость ихъ и признательность, завоеванiя Аравитянъ, иконоборство, число и успѣхи миссiонеровъ въ Сѣверной Европѣ, и наконецъ происхожденiе монашескихъ Орденовъ, — приготовили матерiялы къ зданiю Папской власти. Часть этихъ матерiаловъ обязана случаю; другiе произведены были волею и употреблены осторожно; но никто не думалъ о неограниченномъ властительствѣ Папъ надъ умами. Цѣль, предположенная тѣми, которые составили постановленiя и подвели событiя, въ послѣдствiи послужившiя въ пользу Папъ, не

такъ была обширна: соображенія ихъ заключались въ болѣе тѣсномъ кругу. Притомъ же матеріялы были раздѣлены; безъ смѣлаго генія Григорія, умѣвшаго ихъ сблизить, соединить, составить одно цѣлое, можетъ быть, никогда и никто не подозрѣвалъ, что̀ можно извлечь изъ нихъ. Предшествующіе вѣка трудились для него; онъ открылъ то, что сообразовалось съ его намѣреніями; его мысль увеличила сѣмена, лежавшія въ прошедшемъ, и онъ одинъ могъ развить ихъ.

Гильдебрандъ родился въ Тосканскомъ городѣ Соанѣ, отъ бѣдныхъ и неизвѣстныхъ родителей. Мыслящій и строгій умъ, характеръ твердый и неукротимый, заставили его избрать правило Клюньи, а строгій образъ жизни увеличилъ естественную суровость его характера. Какъ Итальянецъ, онъ рано раздѣлялъ ненависть своихъ соотечественниковъ къ угнѣтеніямъ Германцевъ и презрѣніе къ ихъ невѣжеству. Дарованія его были угаданы, и ими спѣшили воспользоваться. Въ юности, онъ сопровождалъ ко двору Императора Генриха III, Папу Григорія VI, принужденнаго отказаться отъ сана своего. Можетъ быть невниманіе, оказанное Гильдебранду, гордость въ обхожденіи съ нимъ — заронили въ его надменное и мстительное сердце вражду къ Франконскому дому, занимавшему тогда Императорскій престолъ. Гильдебрандъ пользовался совершенною довѣрен-

ностію Виктора II, Стефана X, Николая II и Александра II; важнѣйшія дѣла ввѣрялись ему; онъ исполнялъ ихъ съ достойнымъ успѣхомъ. Сношенія и путешествія, дарованія и занимаемыя мѣста доставили ему случай и средство узнать въ совершенствѣ состояніе Европы, качество Монарховъ, расположеніе народовъ, мѣру сопротивленія, которое бы могли встрѣтить смѣлыя его идеи и путь, который должно было избрать для утвержденія ихъ торжества. Въ продолженіе двадцатилѣтняго управленія Римскимъ дворомъ, онъ имѣлъ время привести въ зрѣлость свои честолюбивые проекты, соединить всѣ стихіи своего плана, приблизить къ своей цѣли полезное, и утвердиться въ искусствѣ кстати употреблять хитрость и смѣлость. Возведенный на Папскій престолъ, онъ не замедлилъ осуществить систему власти, издавна имъ задуманной и скрѣпленной во всѣхъ частяхъ. Случай благопріятствовалъ къ исполненію намѣреній, и Григорій во-время могъ собрать плоды многихъ измѣненій въ ученіи Церкви. Ложныя декреталіи, составленныя однимъ недовольнымъ монахомъ въ IX вѣкѣ, и изданныя подъ именемъ знаменитаго Исидора, Архіепископа Севильскаго, едва выходили изъ неизвѣстности, въ которой оставляли ихъ невѣжество вѣка или политика Епископовъ Римскихъ. Забытыя въ такое время, когда легко было открыть обманъ, онѣ пріобрѣли довѣренность чрезъ бла-

горазумное объ нихъ молчаніе; но вскорѣ стали выводить наружу содержащіяся въ нихъ постановленія, которыя всѣ клонились къ утвержденію первенства Римскаго Первосвященника надъ другими. Сдѣлали нѣсколько счастливыхъ и смѣлыхъ примѣненій; все низшее духовенство, недовольное или завидовавшее власти Епископовъ и Архіепископовъ, съ жадностію ухватилось за случай, представляемый ложными декреталіями, чтобы освободиться отъ своихъ законныхъ начальниковъ. Обычай ввелъ рѣшать тяжбы въ Римѣ; лучше хотѣли повиноваться отдаленному владыкѣ; это повиновеніе казалось добровольнымъ, а не вынужденнымъ. Аббаты съ неудовольствіемъ смотрѣли, какъ Епископы распоряжаются монастырскими имѣніями, и первые стали требовать непосредственной зависимости отъ Рима. Многіе Государи выбирали Папъ посредниками въ спорахъ, даже семейныхъ; брачные ихъ разводы судились въ Римѣ; а при слабыхъ наслѣдникахъ Карла, Папы стали уже испытывать отлученіе отъ церкви, и съ успѣхомъ. Даже изъ самаго Константинополя обращались иногда къ Римскому Епископу для рѣшенія споровъ между претендентами на Патріаршій престолъ: такъ Папа Николай I, въ IX вѣкѣ, низложилъ умнаго Патріарха Фотія. Всѣ сіи событія, въ эпоху появленія на сценѣ Григорія, доставили Римскому Первосвященнику существенное первенство.

Измѣненія, происшедшія въ ученіи церкви, прежде легкія, но вскорѣ значительныя, встрѣтили сначала сильное сопротивленіе. Въ XI вѣкѣ они были приняты, и увеличили богатства, значительность и власть Католическаго духовенства. Ученіе о чистилищѣ, столь примѣненное къ тогдашнимъ опасеніямъ и слабости людей, сдѣлалось важнымъ со временъ Григорія VII; идея—превращать въ денежныя пени покаянія, налагаемыя церковью, открыла неисчерпаемый источникъ доходовъ; и множество молитвъ, которымъ подвергали виновныхъ, сдѣлало чотки первою потребностію. Ратбертъ, разсуждая объ Евхаристіи, выразился такимъ образомъ, что духовные, совершавшіе ее, люди боговдохновенные. При Григоріѣ VII выраженія его имѣли уже большую силу; представляемыя ими идеи были освящены общимъ почтеніемъ; онѣ возвышали характеръ и назначеніе духовенства; и чѣмъ болѣе духовенство возвышалось во мнѣніи, тѣмъ болѣе глава его, Папа, долженъ былъ имѣть власти и довѣренности.

Григорій VII, вступивши на Римскій престолъ, чувствовалъ всю выгоду, какую можно извлечь изъ примѣровъ прошедшаго, изъ постановленій и обрядовъ церкви, изъ господствующихъ идей и предразсудковъ, чтобы изъ Папской власти создать первую изъ всѣхъ властей. Ему извѣстны были всѣ удобства, представляе-

мыя его положеніемъ, и онъ не пренебрегалъ ими. Европа недолго оставалась въ недоумѣніи, чего она должна бояться и надѣяться отъ него. Надобно было начать съ того, чтобы утвердить свободу избранія Папъ и отстранить отъ этого всякое участіе Императоровъ. До сего времени Императоры смотрѣли на свое коронованіе Епископомъ Римскимъ, какъ на обыкновенный обрядъ, а на утвержденіе избранія Епископа, какъ на необходимое и непремѣнное условіе его дѣйствительности. Императоры изъ дому Саксонскаго, почитая себя Королями Италіи, потому что носили корону Карла Великаго, смотрѣли на Папъ точно также какъ Карлъ, но не всегда поступали съ ними такъ какъ онъ съ Львомъ III. Коронуясь въ Римѣ, Оттоны являлись тамъ властителями, и если бы Оттонъ III осуществилъ свое намѣреніе перенести туда свое мѣстопребываніе, то едва ли духовная Монархія Папъ могла когда либо существовать. Еще при Папахъ Николаѣ II и Александрѣ II, хитрый Гильдебрандъ, пользуясь малолѣтствомъ Генриха IV и слабымъ правленіемъ матери его, Агнесы, издалъ постановленія, приготовлявшія независимость Папъ. Рѣшено было, чтобы Кардиналы, въ началѣ простые каноники Римской церкви, одни избирали Епископа, и что утвержденіе Императора есть только снисхожденіе со стороны Папъ: такъ Александръ II занялъ пре-

столъ, вопреки требованію Императрицы Агнесы, желавшей возвести Гонорія II. Когда Гильдебрандъ былъ избранъ, Римъ просилъ Генриха IV, достигшаго совершеннолѣтія, объ утвержденіи; но едва только Императоръ утвердилъ его, не слушая совѣтовъ своихъ Министровъ, какъ уже сталъ раскаяваться. Прежде всего Григорій коснулся права Императорскаго.

Смѣлость усугубляетъ силы, потому что увеличиваетъ собственное мнѣніе; она производитъ удивленіе и страхъ; а удивленіе и страхъ останавливаютъ сопротивленіе. Чтобы успѣть въ трудныхъ предпріятіяхъ, иногда достаточно мысли, что все пойдетъ успѣшно. Исполненіе плана Григорія VII представляетъ разительный примѣръ. Каковы бы ни были приготовленія предшествующихъ вѣковъ, какъ ни благопріятно было время, но все казалось невозможнымъ вдругъ разорвать связи, скрѣплявшія духовную власть со свѣтскою, и особенно вторую подчинить первой. Что такое былъ Римскій Епископъ въ сравненіи съ Германскимъ Императоромъ, каковъ былъ Генрихъ IV, болѣе опасный по личнымъ своимъ качествамъ, чѣмъ по силамъ Имперіи, котораго въ открывающейся борьбѣ должны были поддерживать всѣ Европейскіе Государи, потому что дѣло было общее? Григорій дерзаетъ открыто объявлять свои намѣренія или, какъ онъ ихъ называетъ, неоспоримыя права, и гремитъ проклятіями противъ всякаго сомнѣвающагося. По

его правиламъ одна церковь имѣетъ верховную власть; ни одинъ мірянинъ не можетъ опредѣлить священника, подвергаясь, въ противномъ случаѣ, ужасному отлученію отъ церкви. Ни одинъ духовный не долженъ вступать въ бракъ; безбрачіе есть для него строжайшая обязанность; онъ долженъ жить для церкви, и всѣ минуты своего бытія посвящать ей одной. Епископы и Архіепископы только намѣстники Папы, самые Короли его вассалы, а ихъ владѣнія — принадлежности первосвятительскаго престола.

Вотъ основныя правила новой теоріи, удивившей и раздѣлившей Европу: всѣ части католическаго вѣроисповѣданія, всѣ постановленія и всѣ обряды были присоединены съ необыкновеннымъ искусствомъ къ непостижимому ученію, и служили ему подпорою. Что касается до соединенія всѣхъ частей въ одно цѣлое, то въ этомъ отношеніи система Римскаго двора была превосходнѣйшею изъ всѣхъ системъ. Цѣль ея клонилась къ владычеству самому обширному, самому сложному и продолжительному. Разсуждая объ этой цѣли, нельзя не дивиться, до какой степени всѣ средства къ ея достиженію были искусно избраны и разсчитаны. Надобно было имѣть умъ Григорія, чтобы изъ одной части составить такое цѣлое; надобно было имѣть его смѣлость, чтобы произвести его, и желѣзную волю, чтобы восторжествовать

доръ въ государствахъ и возжигала междоусобныя войны; но она же и сближала народы. Для государствъ она была то же самое, что общая власть для каждаго человѣка въ особенности, т. е. власть побудительная и угрожающая; это было верховное судилище посреди всеобщаго безначалія, котораго приговоры иногда были и уважительны и уважаемы; она предупреждала и останавливала своевольство вассаловъ, замѣняла недостатокъ равновѣсія, и уменьшала бѣдствія феодальнаго правленія.

Крестовые походы.

1095.
1270. На берегахъ Средиземнаго моря, на Западѣ Азіи, есть небольшая страна между 52° и 53° долготы, которая, по пространству, менѣе Сициліи и далеко уступаетъ ей въ плодородіи. Іорданъ течетъ по ней отъ Сѣвера къ Югу. По берегамъ этой рѣки простираются равнины; прочія мѣста гористы.

Этотъ уголокъ земли играетъ важную роль въ Исторіи. Еще въ самыя отдаленныя времена онъ былъ театромъ тѣхъ событій, отъ которыхъ зависѣла цивилизація большей части свѣта. Колыбель двухъ религій, соединенныхъ одна съ другою, и имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на успѣхи нравственности и ума въ Европѣ, эта страна всегда обращала на себя внима-

ніе людей благочестивыхъ и друзей человѣчества. Потомки первобытныхъ ея обитателей, около XVIII вѣковъ разсѣянные по лицу земли, сохраняя свой оригинальный типъ, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ краснорѣчивыми памятниками ея законовъ, религіи, нравовъ и обычаевъ. Всѣ завоеватели Азіи попеременно владѣли Палестиною. Іерусалимъ, покоренный свирѣпымъ Омаромъ, могъ хвалиться новыми своими властителями. За извѣстную сумму денегъ, Христіане удержали за собою часть города. Мухамметане предоставили имъ мирное обладаніе Святымъ Гробомъ; богомольцы, увлекаемые высокими воспоминаніями обѣтованной земли, и исполняя священный долгъ, толпами стремились съ Востока и Запада въ Палестину, гдѣ безопасно могли удовлетворять потребностямъ благочестія. При третьемъ Фатимитскомъ Халифѣ, фанатическомъ Гакемѣ, спокойствіе было нарушено. Гакемъ жаждалъ славы пророка, и, чтобы доказать свою святость, началъ преслѣдовать Палестинскихъ Христіанъ и разрушать ихъ храмы. Послѣ его смерти, Аравитяне обратились къ своимъ обычаямъ, къ вѣротерпимости — и странствованія возобновились. 638.

Въ XI вѣкѣ, Туркоманы, народъ кочующій, вышедшій изъ странъ, прилежащихъ къ восточному берегу Каспійскаго моря, наполнили Азію громомъ своихъ подвиговъ и основали новое государство, разрушивъ владѣнія Аравитянъ

и Грековъ, при государяхъ изъ фамиліи Сельджуковъ. Переходя отъ побѣды къ побѣдѣ,
1076. они проникнули также и въ Палестину, и овладѣли Іерусалимомъ. Дикіе завоеватели не щадили послѣдователей другой вѣры, и Христіане погибали въ казняхъ. Іерусалимскій Патріархъ на помостѣ храма подвергся жесточайшимъ истязаніямъ. Богомольцы не осмѣливались болѣе странствовать въ Палестину. Такія святотатства произвели негодованіе въ Европѣ; но она могла только безполезно оплакивать сіи бѣдствія до тѣхъ поръ, пока голосъ пустынника не заставилъ ее устремиться въ Азію для завоеванія Гроба Господня. Полтора вѣка Европа орошала кровію своихъ жителей святую и обѣтованную землю.

Пустынникъ, бывшій причиною одного изъ величайшихъ событій въ Исторіи, былъ Петръ, уроженецъ Аміенскій. Онъ ходилъ на поклоненіе Святому Гробу, спустя почти двадцать лѣтъ послѣ покоренія его Туркоманами, и былъ свидѣтелемъ бѣдствій и угнѣтеній Христіанъ. Это зрѣлище воспламенило и безъ того пламенную его душу: онъ вообразилъ, что небо назначило его для совершенія дѣлъ чрезвычайныхъ, и такое внутреннее убѣжденіе дало ему смѣлость предпринять ихъ и вмѣстѣ средства исполнить. Онъ является къ Урбану II, который уже помышлялъ о священной войнѣ; Папа, чувствуя что можно пріобрѣсти чрезъ такого человѣка,

принялъ его, ободрилъ и послалъ воспламенять умы во всей Европѣ. Природное краснорѣчіе, Петра, приспособленное къ его слушателямъ, произвело чудесныя дѣйствія. Трогательно изобразилъ онъ состояніе Палестины и бѣдствія Христіанъ; онъ обѣщалъ небо тѣмъ, которые вооружатся для ея освобожденія; энтузіасмъ его сообщился и распространился съ необыкновенною быстротою; чѣмъ болѣе идеи смѣшанны, слова неопредѣленны, а предметъ отдаленъ, тѣмъ дѣйствительнѣе энтузіасмъ. Всякій, пріиставшій къ Петру, въ свою очередь сдѣлался проповѣдникомъ; кто не былъ одушевленъ, и тотъ увлекался примѣромъ; постыдно было оставаться спокойнымъ посреди всеобщаго движенія.

Когда Урбанъ видѣлъ, что умы довольно уже приготовлены, то созвалъ соборъ въ Піаченцѣ; стеченіе народа было необыкновенное: сюда прибыли съ просьбою послы Греческаго Императора; рѣчь Папы извлекла у слушателей слезы. Въ эту минуту можно бы съ успѣхомъ объявить войну; но потому ли, что Урбанъ почиталъ воспламененіе умовъ не совершенно сильнымъ, или потому, что, будучи родомъ Французъ, онъ хотѣлъ сдѣлать Францію средоточіемъ замышляемаго имъ великаго движенія, только второй соборъ былъ созванъ въ Клермонтѣ, въ Овернѣ: здѣсь, посреди безчисленной толпы, онъ опредѣлилъ начать свя-

щенную войну. Выраженіе: »» *Богу такъ угодно!* «« сдѣлалось приказаніемъ; красный крестъ на плечѣ или на груди, знакомъ соединенія. Число Крестоносцевъ умножилось до безконечности.

Съ перваго взгляда успѣхи Петра кажутся изумительными; но это изумленіе уничтожается, если мы внимательно разсмотримъ состояніе Европы въ описываемую эпоху. Состояніе Европы было таково, что война отдаленная, трудная, религіозная не только не противорѣчила обыкновеніямъ, мнѣніямъ, выгодамъ различныхъ классовъ общества, но для всѣхъ была необходимостію или, по крайней мѣрѣ, предметомъ увлекательнымъ. Въ другой вѣкъ энтузіасмъ Петра не произвелъ бы ни какого дѣйствія. Представился случай, а не причина Крестовыхъ походовъ, и огонь его ревности попалъ именно въ кучу горючихъ веществъ, для воспламененія которыхъ нужна была одна искра.

Война, имѣвшая предметомъ религію, предпринятая по приказанію Папы, во всѣхъ отношеніяхъ благопріятствовала идеямъ владычества Римскаго двора который, безъ сомнѣнія, принялся за нее съ ревностію. Къ тому же, какое удивительное удобство представляла эта война, чтобы удалить изъ Европы, или ослабить Государей, которые по честолюбію, по характеру или по средствамъ своимъ препятствовали замысламъ Римскаго двора? Палестина

была мѣстомъ изгнанія, добровольнымъ для однихъ, насильственнымъ для другихъ: туда-то послѣдовательно отправлялись Конрадъ III, Людовикъ VII, Филиппъ-Августъ, Ричардъ Львиное Сердце и оба Фридриха. Рѣдкія дарованія и обширное могущество двухъ послѣднихъ грозили потрясеніемъ престолу Первосвященника. Духовенство всей Западной Европы, или по политикѣ, или по дѣйствію слѣпаго повиновенія Риму, раздѣляло ревность Папъ къ Крестовымъ походамъ, и поддерживало это новое предпріятіе, долженствовавшее увеличить его власть. Королямъ пріятно было удалить воинственныхъ и мятежныхъ вассаловъ; одно ихъ отсутствіе было великимъ благомъ; смерть могла передать ихъ владѣнія коронѣ; желаніе — явиться на войну въ блистательномъ видѣ заставляло ихъ продавать помѣстья, а въ поспѣшности, они продавали очень дешево. Другіе Государи сами были увлечены въ эту войну или религіозными идеями, или возбуждаемые духомъ рыцарства, который весьма много содѣйствовалъ успѣхамъ Крестовыхъ походовъ, а Крестовые походы, въ свою очередь, усилили и распространили его.

Нельзя опредѣлить ни происхожденія, ни указать на виновника этого страннаго учрежденія: оно нечувствительно вылилось съ своими законами, отличительными чертами, обычаями изъ обстоятельствъ и изъ самаго состоянія Евро-

пейской цивилизаціи. Духъ рыцарства представляетъ смѣшеніе храбрости, религіи и любви. Когда пороки общества, или скорѣе совершенное отсутствіе личной безопасности, оставляли членовъ его только при собственныхъ силахъ, тогда, для блага Европы, образовалось братство храбрецовъ, которые руководствовались одною честію, имѣли одною цѣлію защиту слабыхъ и стремились къ одной славѣ. Для нихъ всѣ средства заключались въ оружіи; всѣ удовольствія въ приключеніяхъ; всѣ узы въ сообразности правилъ, обыкновеній и вкусовъ. Крѣпость тѣла, ловкость, храбрость, вѣжливость—вотъ что допускало въ это братство; низость и вѣроломство были причиною исключенія изъ общества гордаго, чистаго и свободнаго. Отъ вліянія духовенства и отъ господствующихъ идей, рыцарство получило религіозный характеръ; отъ любви нравственной и затворничества женщинъ, оно пріобрѣло оттѣнокъ романическій; отъ дѣятельности воображенія, общаго всѣмъ мало развитымъ людямъ, раздѣльности и невѣжества народа, наконецъ отъ праздности и бездѣйствія умовъ—родилась у него страсть къ чудесному и способы къ увеличенію его дѣйствій. Крестовые походы не произвели духа рыцарства; они только распространяли и питали его, перенося рыцарей въ страны отдаленныя, неизвѣстныя, гдѣ и почва земли, и климатъ, и произведенія, и нравы, и правленіе, и религія—все для нихъ

было ново. Напротивъ, духъ рыцарства прославилъ Крестовые походы и сдѣлалъ ихъ болѣе общими.

Самая большая часть вельможъ приняла участіе въ священныхъ браняхъ единственно только отъ характера рыцарства; немногіе искали въ нихъ новыхъ удовольствій, мечтали о сокровищахъ Востока, или надѣялись основать тамъ новыя государства. Народъ, осужденный на труды мучительные и неблагодарные, едва пріобрѣтавшій самое необходимое, былъ въ такомъ бѣдственномъ состояніи, что всякая перемѣна мѣста казалась ему истиннымъ благомъ. Онъ былъ чуждъ пріятностей и удобствъ житейскихъ; онъ зналъ только нужду; ему не предстояло ни прерывать пріятныхъ привычекъ, ни дѣлать пожертвованій: онъ всюду стремился съ удовольствіемъ. Притомъ это было вѣрнымъ средствомъ избавиться отъ ига вассаловъ. Лѣность, любопытство, страсть къ добычѣ также имѣли свое дѣйствіе, и нѣкоторымъ образомъ присоединялись къ ревности. Наконецъ, главная причина, произведшая удивительное дѣйствіе, вошла въ составъ частныхъ поводовъ въ различныхъ классахъ общества: это была надежда получить прощеніе во всѣхъ проступкахъ, утвердить свое благо легкимъ способомъ, избѣгнуть наказаній и заслужить отпущеніе грѣховъ.

Вотъ настоящія причины Крестовыхъ походовъ. Не считая всѣхъ многочисленныхъ пол-

VII, составился четвертый Крестовый походъ; но онъ былъ направленъ противу Константи-
1205. нополя. Французы, въ соединенiи съ Венецiянами, овладѣли столицею Греческой Имперiи: фамилiя Куртене вступила на престолъ Императорскiй, а Комнины удалились въ Трапезунтъ.

Знаменитый Фридрихъ II также принужденъ былъ принять крестъ и отказаться отъ
1228. любимой своей бесѣды съ музами. Папа считалъ такое удаленiе единственнымъ средствомъ, чтобы избавиться отъ рѣдкихъ качествъ Императора, который повиновенiемъ только на время отвратилъ свои несчастiя. Онъ отправился изъ Бриндизи, и опасаясь отлученiя отъ церкви Григорiемъ IX, продолжалъ путешествiе, не смотря на позднее время года. Султанъ позволилъ ему возстановить Iерусалимъ, Виөлiемъ, Назаретъ; но враги его не могли забыть, что онъ допустилъ Мухxаметанъ до свободнаго отправленiя ихъ вѣроисповѣданiя.

Послѣднiе два похода были предпринимаемы Людовикомъ IX, Королемъ Французскимъ, и оба не удались. Умный и справедливый Монархъ заплатилъ дань своему вѣку; можетъ быть, религiя никогда не принимала столь великаго участiя въ религiозной войнѣ. Людовикъ напалъ на Турокъ въ Африкѣ, и чрезъ завоеванiе Египта хотѣлъ утвердиться въ Палестинѣ. Планъ хорошо былъ составленъ, но худо испол-
1248. ненъ. Король отправился въ походъ; взялъ

Даміетту, и, углубляясь во внутренность страны, послѣ первыхъ успѣховъ, между Майссуромъ и Каиромъ, потерпѣлъ пораженіе. Послѣ пятилѣтняго плѣна онъ возвратился во Францію. Несчастіе не исправило его, а опытность была потеряна. Приготовивъ новое ополченіе, онъ отправился въ Тунисъ, и умеръ въ древней Карѳагенской области, оставивъ войско въ самомъ критическомъ положеніи. Сынъ не хотѣлъ продолжать предпріятія отца, и приказалъ войску возвратиться. Это было послѣднее дѣйствіе той кровавой драмы, которая въ продолженіе двухъ вѣковъ занимала всю Европу и отняла у нее шесть милліоновъ жителей.

1249.

1254.

1290.

Можно предложить вопросъ: почему Крестовые походы имѣли столь малый успѣхъ? Отвѣчать нетрудно. Сцена ихъ дѣйствія была чрезвычайно обширна. Войска, однажды удаленныя отъ родины, были совершенно отдѣлены другъ отъ друга, и не могли надѣяться на подкрѣпленіе. Сухопутная дорога была длинна и трудна. Болѣзни и самые походы ослабляли войско еще до прибытія его въ Константинополь, а недостатокъ во флотѣ былъ причиною, что оно не могло отправиться по пути кратчайшему и вѣрнѣйшему. Греческіе Императоры опасались успѣховъ Крестоносцевъ, болѣе нежели Турокъ. Алексій Комнинъ, Государь умный и хитрый, первый начерталъ въ этомъ

отношеніи планъ, которому слѣдовали всѣ его преемники. Несогласіе Королей, предводительствовавшихъ ополченіями, отсутствіе дисциплины въ феодальныхъ войскахъ, вліяніе убійственнаго климата на сѣверныхъ жителей, буйства солдатъ, все это вмѣстѣ въ короткое время разстроило или уничтожило огромныя полчища. Къ тому же Султаны Никейскій и Антіохійскій, а въ послѣдствіи знаменитый Саладинъ, были самыми опасными непріятелями. Наконецъ Турки, по своему фанатизму, оказывали отчаянное сопротивленіе.

Безуспѣшность религіозныхъ войнъ не препятствовала имъ однако продолжаться полтора вѣка. Такое явленіе весьма замѣчательно. Энтузіасмъ, къ какому бы то ни было предмету, не поддерживается долго; чѣмъ сильнѣе онъ, тѣмъ скорѣе проходитъ. Но энтузіасмъ религіозный, одушевлявшій большую часть Крестоносцевъ, надолго овладѣвалъ умами; и когда онъ сталъ охлаждаться, то Папы старались возбудить его рѣчами своихъ агентовъ.

Такъ знаменитый аббатъ города Клерво, Бернардъ, своимъ краснорѣчіемъ, дарованіями и добродѣтелями пріобрѣлъ сильное вліяніе на умы и снова возжегъ въ Германіи и Франціи огонь, едва не потухшій; ревность возобновилась и составился вторый Крестовый походъ. Политика Папъ, честолюбіе Государей и рыцарскій духъ гораздо болѣе содѣйствовали къ

новымъ походамъ послѣ двухъ первыхъ, нежели религiозный энтузiасмъ. Этотъ энтузiасмъ былъ главною пружиною того войска, которое покорило Iерусалимъ подъ предводительствомъ Годфрида; онъ же одушевлялъ Людовика VII и Конрада III; но Ричардъ Львиное Сердце и Филиппъ-Августъ искали болѣе славы, чѣмъ спасенiя. Оба Фридриха принуждены были взяться за оружiе, чтобы предупредить проклятiя Ватикана, или чтобъ уничтожить ихъ. Всѣ Крестоносцы, шедшiе въ Палестину, имѣли въ виду болѣе предводителей своихъ, нежели самое предпрiятiе, или хотѣли одной добычи. Въ два послѣднiе похода Людовикъ IX, безъ сомнѣнiя, болѣе своего войска былъ проникнутъ энтузiасмомъ, а повиновенiе и воинственный духъ одушевляли при недостаткѣ религiозности.

Много писали о дѣйствiяхъ, произведенныхъ Крестовыми походами, и объ ихъ слѣдствiяхъ счастливыхъ и невыгодныхъ. Въ самомъ дѣлѣ: были ли эти предпрiятiя необдуманны, или только худо исполнены? принесли ли они болѣе вреда нежели пользы, или болѣе пользы, нежели вреда? Легко рѣшить первый вопросъ, но трудно удовлетворить всѣхъ рѣшенiемъ втораго. Ничто такъ разительно не доказываетъ совершеннаго отсутствiя политической системы въ Европѣ, какъ сiи войны, вооружавшiя постепенно всѣ народы для мнимыхъ выгодъ.

Ни одно государство не осмѣлилось бы отправить всѣ силы свои на такое дальнее разстоянiе, если бы другiя были сильно образованы и воспользовались бы этою выгодою; ни одно государство не ослабѣло бы и не истощилось добровольно отъ этихъ предпрiятiй, еслибы оно имѣло вѣрное понятiе о пути, по которому должно было слѣдовать, о странѣ, которая долженствовала быть театромъ войны, о трудностяхъ предпрiятiя и о маловажности выгодъ, которыя можно было ожидать даже при блистательныхъ успѣхахъ. Но невѣдѣнiе, всегдашнее слѣдствiе раздѣленiя народовъ, было таково; что всѣ думали легкими пожертвованiями прiобрѣсть огромныя выгоды. Со стороны Азiи никакая опасность не угрожала Европѣ. Турки, основавшiе изъ остатковъ Аравiйскаго Халифата новыя государства, и изъ стражей Халифа сдѣлавшiеся его властителями, имѣли перiодъ могущества, опасный для Константинополя и даже для прочей Европы. Исторiя мало представляетъ намъ примѣровъ послѣдовательности Государей, подобныхъ Тоглюрбегу, племяннику его Альпъ-Арслану, и особенно Малекъ-Шаху, преемнику послѣдняго; всѣ они основали и поддерживали это могущество. Но когда Европа вооружилась противъ Азiи, счастливое время Сельджукскаго владычества миновалось. Монархiя раздѣлилась на множе-
1092. ство мелкихъ государствъ, и ослабѣла отъ та-

кого пагубнаго раздѣленія. Слѣдственно не было общей и очевидной опасности, которая одна могла бы объяснить и оправдать Крестовые походы въ политическомъ отношеніи.

Греческій Императоръ болѣе всѣхъ выигралъ отъ успѣховъ Годфрида Буліонскаго; именно, онъ возвратилъ себѣ многія области въ Малой Азіи, отнятыя у него Турками. Безспорно, Константинополь надобно было почитать оплотомъ Европы съ юга; но этому оплоту ничего не угрожало. Подобныя соображенія, заставлявшія Государей участвовать въ Крестовыхъ походахъ, были такъ ничтожны, что гораздо позднѣе и притомъ въ такую эпоху, когда Европейскія державы достигли уже нѣкоторой степени политической зрѣлости, Европейцы допустили завладѣть Константинополемъ Османскихъ Турокъ, которые съ исхода VIII столѣтія ознаменовывали себя безпрерывными побѣдами и долго угрожали Европѣ. И такъ Крестовые походы, представляющіе съ перваго взгляда политическое согласіе между народами Европейскими прежде XV вѣка, при ближайшемъ изслѣдованіи доказываютъ противное. Въ политическомъ отношеніи это были предпріятія безполезныя и необдуманныя; они объясняются и извиняются силою воображенія, понятіями, нравами и обычаями общества въ эту эпоху. Папы имѣли личные виды, проповѣдуя сіи брани и принуждая къ нимъ Госу-

дарей. Но если Римскіе Первосвященники показали въ этомъ случаѣ искусную политику, ясно, что другія государства, бывшія ихъ орудіемъ, не имѣли почти никакой политики.

При всемъ томъ не были ли Крестовые походы благомъ для Европы, и не имѣли ли они вліянія на возрожденіе общества, на промышленость и торговлю? Долго замѣтны были одни непосредственныя ихъ дѣйствія, и слѣдовательно такое воззрѣніе неблагопріятно. Истребленіе отъ пяти до шести милліоновъ людей, погибшихъ отъ голода, жажды, утомленія, болѣзней, меча и огня непріятельскаго; огромная потеря силъ, времени и капиталовъ; возвышеніе власти Римскаго двора, страсть къ приключеніямъ, презрѣніе къ мирнымъ занятіямъ, утвердившіеся въ умахъ и сдѣлавшіеся отличительными чертами вѣка, — вотъ прямыя и непосредственныя слѣдствія Крестовыхъ походовъ!

Слѣдствія непрямыя и отдаленныя заключались, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, въ томъ, что эти дальнія путешествія и новые предметы, являвшіеся глазамъ Крестоносцевъ, должны были подѣйствовать на умы даже и невнимательные, распространить идеи ихъ и представить многочисленныя точки сравненія, что власть Государей возвысилась отъ отсутствія или смерти вассаловъ; что общество пріобрѣло чр зъ это значительные успѣхи; что торговля Венеціанская, Пизанская и Ге-

нуэзская одолжена своею обширностію и дѣятельностію Крестовымъ походамъ, и что наконецъ безъ этихъ предпріятій Европа не двинулась бы такъ быстро къ образованности.

Замѣтимъ сначала, что въ необозримой цѣпи причинъ и дѣйствій, составляющихъ всемірную Исторію, нѣтъ ни одного событія, которое бы, близко или издалека, не влекло за собою чего нибудь полезнаго; но если эти счастливыя слѣдствія открылись не тотчасъ, то въ томъ нѣтъ ни какого достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, въ общей цѣпи вселенной событія, направляемыя безпредѣльнымъ Промысломъ, предупреждаютъ, очищаютъ или исправляютъ заблужденія и пороки людей, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы эти заблужденія и пороки совершенно измѣнились въ своемъ свойствѣ. Если ни одно человѣческое дѣйствіе не умираетъ безплоднымъ, то нѣтъ также ни одного, которое бы, чрезъ нѣсколько времени соединившись съ другими причинами, не произвело много добраго; непосредственныя слѣдствія принадлежатъ только виновнику дѣйствія и прославляютъ или безславятъ его. Такъ и Крестовые походы могли, по сцѣпленію обстоятельствъ, составить благо для человѣчества, заставляя насъ только сожалѣть о падшихъ жертвахъ, или порицать тѣхъ, которые жертвовали людьми для своего честолюбія. Дѣйствительно, Крестовые походы способствовали успѣхамъ граж-

это. Дѣйствie умственнаго на матерiяльное во всякомъ случаѣ уже много значило. Когда общество двигается впередъ, и общественная дѣятельность тихо и незамѣтно стремится къ существенному совершенствованiю, безразсудно было бы, въ намѣренiи наэлектризовать умы, произвести внезапное движенiе, котораго слѣдствiя еще не можно видѣть, которое разрушаетъ трудъ цивилизацiи и уничтожаетъ общество въ его стихiяхъ. Но когда всѣ силы въ совершенномъ покоѣ, великое движенiе благодѣтельно: оно препятствуетъ застою; и если-бы даже оно дурно было направлено въ своемъ началѣ, то и тогда можетъ быть полезнымъ. Крестовые походы имѣли такое счастливое дѣйствie: они привели въ движенiе все Европейское народонаселенiе. Движенiе пережило предметъ, на который оно было направлено. Походы кончились, но дѣятельность умо́въ увеличилась во всѣхъ родахъ мирныхъ занятiй. Новыя потребности были новымъ благодѣянiемъ Крестовыхъ походовъ. Крестоносцы познакомились съ предметами наслажденiя, имъ вовсе неизвѣстными. Многie пристрастились къ удовольствiямъ и къ новымъ удобствамъ, и по возвращенiи въ отчизну, не хотѣли отъ нихъ отказаться. Чтобы доставить себѣ такiя удобства, надобно было или произвести ихъ въ самой странѣ, или умножить число другихъ произведенiй для обмѣна. Въ обоихъ

случаяхъ должно было прибѣгнуть къ труду, улучшить судьбу трудящагося класса и завлечь его къ успѣхамъ промышлености, дабы онъ могъ пользоваться плодами своей дѣятельности. Оттого умножилось число городовъ; начали покровительствовать ремесленникамъ; среднее сословіе быстро стало возвышаться, и ему-то, въ концѣ XV столѣтія, Европейскія государства преимущественно одолжены успѣхами общественнаго порядка, силы и народнаго богатства.

ИЗОБРАЖЕНІЕ
ПЕРЕВОРОТОВЪ
ВЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМѢ
ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ,

отъ исхода пятнадцатаго столѣтія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1492 — 1618.

Періодъ первый. 1492—1515.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О причинахъ, приготовившихъ происхожденіе политической системы въ Европѣ.

Въ древнемъ мірѣ все основывалось только на подчиненности семейной и личной. Этотъ одинъ фактъ объяснитъ огромные труды, предпринятые и совершенные древними народами, дастъ понятіе о свойствѣ ихъ политическихъ по-

становленій и покажетъ причины несовершенства въ большей части механическихъ искусствъ даже у Грековъ и Римлянъ. Въ среднемъ вѣкѣ рабство большей части народа; независимость поземельныхъ владѣльцевъ, слабость монархической власти представляли еще худшій порядокъ вещей, и угрожали во всѣхъ странахъ бѣдствіями безначалія и деспотизма. Происхожденіе городовъ спасло Европу, дало вѣрнѣйшій ходъ образованности и распространило ея благодѣянія во всѣхъ классахъ. Въ каждой странѣ образовался разсадникъ людей свободныхъ и промышленныхъ, занимавшихся полезными искусствами и ремеслами. Изъ городовъ, истинной колыбели гражданской жизни, она распространилась по селеніямъ, освободила нечувствительно земледѣльцевъ отъ ига вассаловъ, доставила имъ собственность и увѣрила въ защитѣ справедливости. Среднее сословіе приняло участіе въ народныхъ собраніяхъ послѣ дворянства и духовенства, но наряду съ этими сильными сословіями. Трудъ произвелъ благосостояніе; благосостояніе усилило трудъ. Надобно было создать такой общественный порядокъ, который бы способствовалъ промышлености; а по мѣрѣ того, какъ она пріобрѣтала успѣхи, общественный порядокъ совершенствовался. Всю силу, оставшуюся у Королей отъ феодальнаго безначалія, употребили они на учрежденіе первыхъ городовъ;

граждане этихъ городовъ, сдѣлавшись промышленными и богатыми, посвятили свое богатство и свой трудъ на приращеніе и поддержаніе монархической власти, которая одна могла имъ служить щитомъ противъ грабительства сильныхъ сосѣдей. Отъ промышлености и торговли составились богатства, совершенно отличныя отъ богатствъ земли; явились помѣщики безъ помѣстьевъ. Успѣхи законодательства слѣдовали за развитіемъ народной дѣятельности; новыя собственности и множество новыхъ отношеній требовали новыхъ законовъ и судилищъ болѣе благоустроенныхъ; явились эти законы; возникли эти судилища. Вотъ почему въ образованной Европѣ гражданское устройство, политическое могущество, народное богатство, блистательные плоды культуры имѣли началомъ одну только промышленость, а трудъ былъ сильною пружиною механизма и совершенствованія общества.

Въ Италіи счастливыя обстоятельства способствовали основанію первыхъ городовъ, бывшихъ колыбелью наукъ и искусствъ, и вмѣстилищемъ просвѣщенія. Города, основанные Императоромъ Генрихомъ I въ Германіи, были укрѣпленныя убѣжища, въ которыхъ во время вторженій укрывались люди вмѣстѣ съ домашними животными. Съ начала XI столѣтія Генуя, Лукка, Пиза, Медіоланъ, Павія, Асти, Кремона, Лоди нетолько явились цвѣтущими

городами, но уже заключали акты независимаго существованія, трактаты, и образовали союзы. Многіе изъ нихъ одолжены своею дѣятельностію и богатствомъ выгодному положенію: природа приглашала ихъ къ торговлѣ, и они предались ей. Другіе воспользовались раздорами, волновавшими Италію въ X вѣкѣ, и пріобрѣли драгоцѣнныя выгоды; ласкаемые всѣми партіями, они получали отъ всѣхъ преимущества, болѣе или менѣе значительныя; Оттоны, имѣя кратковременное пребываніе въ Италіи, не могли замѣтить успѣховъ такого раждающагося могущества и не уничтожили его. Они требовали одного неопредѣленнаго подданства и денегъ, — получали то и другое. Когда завязались споры объ инвеститурахъ между Григоріемъ VII и Генрихомъ IV, Италіянскіе города благопріятствовали намѣреніямъ Римскаго двора, и смотрѣли съ удовольствіемъ, какъ духовная власть Папъ препятствовала успѣхамъ могущества Императоровъ. Папы хитро увѣрили города Верхней Италіи, что они трудятся для ихъ же свободы, или, можетъ быть, самые города показывали видъ, что вѣрятъ ихъ словамъ. Въ бурное царствованіе Гогенштауфеновъ, партіи Гвельфовъ и Джибеллиновъ раздѣлили всю Италію. Пользуясь раздорами, города укрѣпились, расширились, увеличили народонаселеніе и богатства. Всѣ они принимали сторону Гвельфовъ. Чѣмъ болѣе личныя

качества Государей Швабскаго дома заставляли ихъ опасаться, тѣмъ болѣе они принимали сторону противниковъ. Фридрихъ I, жестоко поступивъ съ Медіоланомъ, думалъ, что города навсегда уничтожены; но вскорѣ, по заключеніи союза съ Папою Александромъ III, они явились гораздо опаснѣйшими, и восторжество-
1183. вали надъ могуществомъ Фридриха въ сраженіи между Леньяно и Тессино. Въ Констанцскомъ договорѣ онъ принужденъ былъ объявить, что города: Кремона, Медіоланъ, Лоди, Бергамо, Феррара, Бресчіа, Мантуя, Верона, Виченца, Болонья, Равенна, Римини, Модена, Реджіо, Парма, Піаченца, Боббіо, Тортона, Александрія, Версель и Новара сохраняютъ свою независимость, которою они пользовались со временъ Генриха IV. Съ этой эпохи благосостояніе Италіянскихъ городовъ возрастало болѣе и болѣе: дѣятельность, распространенная ими на политическомъ и военномъ театрѣ, была направлена на другіе предметы и принесла благодѣтельные плоды. Они усовершенствовали свое муниципальное правленіе, клонившееся, смотря по мѣстности, къ аристократіи или демократіи. Они создали новыя искусства, умножили разнородные труды, и одни производили торговлю на Средиземномъ и сосѣдственныхъ моряхъ. Войны, предпринятыя ими противъ ближайшихъ владѣльцевъ, чтобы лишить ихъ земель или принудить всту-

пить съ ними въ союзъ, нѣсколько времени раздѣляли силы городовъ; междоусобныя войны, отъ зависти и честолюбія, должны были приготовить ихъ паденіе; но оно долгое время было медленно, и почти нечувствительно. Въ эпоху Крестовыхъ походовъ города удивили Европу числомъ выставленныхъ ими кораблей, и значительными суммами, данными въ займы Государямъ. Это удивленіе имѣло слѣдствіемъ горестныя сравненія и полезныя соображенія. Монархи и вассалы чувствовали, что существованіе городовъ благопріятствуетъ промышлености, что они одни могутъ доставить средства къ предпріятіямъ дальнимъ и труднымъ. И Государи и вассалы вознамѣрились образовать у себя этотъ дѣятельный классъ гражданъ, который есть истинный источникъ народнаго богатства.

Во многихъ государствахъ существовалъ уже такой классъ; достаточно было распространить и умножить эти учрежденія. Во Франціи, Короли Капетингскаго дома употребляли такое дѣйствительное средство для пріобрѣтенія денежныхъ выгодъ, и для оппозиціи власти дворянства и духовенства. Людовикъ VI первый составилъ ремесленные цехи во многихъ округахъ своихъ владѣній, далъ имъ право избирать своихъ магистратовъ, и имѣть особенные значки; признательныя общины поддерживали его противъ феодальной аристократіи.

Примѣру этому послѣдовали Англія и Германія. Сношенія Германской имперіи съ Италіею познакомили съ предметами удовольствій и роскоши, которые можно было пріобрѣсти только трудомъ и промышленостію. Рудники Гарца и винодѣліе на берегахъ Рейна были недостаточными источниками богатства: стали стараться открывать новые. Искусства распространялись. Онѣ ищутъ безопасности и спокойствія; и чтобы трудиться съ успѣхомъ, необходима взаимная помощь. Художники и ремесленники, сближаясь другъ съ другомъ, сначала поселились близъ церквей или монастырей, куда стекалось много народу, и къ которымъ всего болѣе оказывали почтеніе. Первыя пріобрѣтенныя этими трудолюбивыми людьми деньги употреблены были на покупку у бѣдныхъ владѣтелей, или у корыстныхъ вассаловъ, новыхъ правъ и бо́льшей независимости. Въ скоромъ времени они получили не только полную свободу распоряжаться своею собственностію, но и превосходное ручательство за свое политическое существованіе — позволеніе имѣть значки. Явились ремесленныя сословія, которыя должны были поддерживать ремесла, чтобы они не пропали, увѣрять работника въ вознагражденіи за долгое и трудное изученіе ремесла, и въ то время, когда законъ не защищалъ еще отдѣльнаго члена общества, принимать его подъ свое покровительство.

До этой эпохи, во всѣхъ Европейскихъ государствахъ единственныя сословія были: дворянство и духовенство. Только ихъ и поддерживали Государи, особенно когда нуждались въ совѣтахъ или деньгахъ. Въ земляхъ, гдѣ сословія не раздѣляли съ Государемъ верховной власти, духовенство и дворянство имѣли нѣкоторое вліяніе на законодательство. Существованіе городовъ, ихъ независимость и промышленость создали новый родъ собственности, и политическое устройство должно было измѣниться. Граждане изъявили желаніе отправлять своихъ депутатовъ въ народныя собранія для того, чтобы представлять просьбы, поддерживать свои выгоды и ограждать себя отъ корыстолюбія поземельныхъ владѣльцевъ. Короли благопріятствовали справедливымъ требованіямъ городовъ. Въ ихъ политическомъ вліяніи они видѣли превосходное средство удерживать гордыхъ и воинственныхъ дворянъ, всегда наклонныхъ къ неповиновенію и возмущеніямъ. Государи и города имѣли однихъ и тѣхъ же неиріятелей, однѣ и тѣ же опасности; тождество выгодъ должно было ихъ соединить. Къ тому же въ городахъ было болѣе источниковъ и денегъ, нежели въ селеніяхъ, а Государи преимущественно нуждались въ деньгахъ, довольствуясь почти одними доходами съ имѣній. Депутаты городовъ были допущены въ эти важныя собранія, въ которыхъ

Короли судили съ владѣльцами объ общихъ правительственныхъ дѣлахъ. Образовалось среднее сословіе, и быстро размножилось.

Тогда и можно было ясно видѣть, что трудъ есть истинное основаніе гражданскаго общества. Кровопролитныя войны Англіи съ Франціею, начавшіяся при Филиппѣ Валуа и продолжавшіяся до царствованія Карла VII; внутреннія распри, волновавшія Англію около сорока лѣтъ, безпокойства въ Германіи, прекратившіяся нѣсколько со времени вступленія на престолъ Фридриха III, препятствовали быстрому развитію всѣхъ отраслей дѣятельности, богатства, образованности, которыя были приготовлены явленіемъ городовъ. При всемъ томъ успѣхи были, хотя медленные и нечувствительные. Около пятнадцатаго вѣка, въ Италіи, во Франціи, Испаніи, Германіи и Англіи утверждались уже тѣ могущественныя стихіи и средства, которыя въ рукахъ одного могли имѣть благодѣтельное вліяніе на каждое государство.

Въ упоминаемыхъ нами государствахъ феодальное безначаліе уступило мѣсто законной власти. Посреди вассаловъ, безпрерывно враждовавшихъ между собою, чрезъ оружіе дѣлавшихся Монархами, хотя и несильными, образовалась власть единодержавная, постепенно замѣнявшая странные феодальные уставы. Многія обстоятельства содѣйствовали въ XIII и XIV столѣтіяхъ къ усиленію монархической

власти. Крестовые походы имѣли на нее непосредственное вліяніе. Общины доставили Государямъ и денежные источники, гораздо изобильнѣйшіе добровольныхъ даней вассаловъ, и приверженцевъ въ государственныхъ собраніяхъ, и сильныхъ союзниковъ въ военное время.

Введеніе Римскаго Права и учрежденіе королевскихъ судовъ также усилили власть монархическую. Въ Италіи всегда придерживались кодекса Ѳеодосіева; но въ другихъ странахъ Европы онъ былъ неизвѣстенъ. Въ началѣ XI вѣка, Римское Право уже преподавалось въ Болоньѣ. Со всѣхъ концевъ Европы стекались въ это знаменитое училище, и вскорѣ новая юриспруденція сдѣлалась общею. Города, въ которыхъ разнородныя гражданскія отношенія умножились, находили въ Римскихъ законахъ рѣшеніе тяжебныхъ дѣлъ. Римское Право, по содержанію своему, благопріятствовало монархической власти, и слѣдственно вездѣ было принимаемо.

Такъ называемый Судъ Божій и двусмысленныя, нелѣпыя доказательства, употреблявшіяся доселѣ въ дѣлахъ уголовныхъ, замѣнены были вѣрнѣйшими средствами: присутствіемъ свидѣтелей и существенными обстоятельствами дѣла. Примѣненіе новыхъ узаконеній требовало познанія ихъ. Короли установили аппелляціонные суды, гораздо лучше устроенные, чѣмъ суды феодальные. Здѣсь разсма-

тривались не только процессы, возникавшіе въ коронныхъ помѣстьяхъ, но дѣла сложныя и трудныя, случавшіяся въ городахъ и между владѣтелями. Уже въ исходѣ XIII столѣтія обычай этотъ почти обратился въ законъ. На Короля смотрѣли, какъ на высшій источникъ правосудія, какъ на опору и покровителя жертвъ угнѣтенныхъ; а это обстоятельство доставило ему и существенную власть, и еще бо́льшую силу во мнѣніи. Тогда же многіе лены были присоединены къ коронѣ; власть Государя увеличилась оттого, и онъ менѣе встрѣчалъ противодѣйствія.

Ослабленіе Папской власти также во всѣхъ государствахъ обратилось въ пользу монархической власти. Крестовые походы вознесли ее сначала на высшую степень; но неудовлетворительный успѣхъ сихъ предпріятій и свѣдѣнія, ими распространенныя, въ послѣдствіи ослабили вліяніе Ватикана. Въ спорахъ съ Бонифаціемъ VIII, Филиппъ Красивый показалъ примѣръ непоколебимой твердости и счастливой смѣлости. Примѣръ сей, открывшій Государямъ тайну ихъ силъ, не остался безплоднымъ. Перенесеніе папскаго престола въ Авиньонъ, гдѣ онъ оставался семьдесятъ лѣтъ, отняло у Папы ту силу мнѣнія, которую онъ имѣлъ отъ идеи народа, смотрѣвшаго на Римъ, какъ на городъ могущественный. Несправедливое и кровавое уничтоженіе Орде-

на Тампліеровъ также усилило власть Филиппа Красиваго. Западный расколъ, въ продолженіе тридцати восьми лѣтъ, представлялъ Европѣ соблазнительный примѣръ двухъ или трехъ претендентовъ, оспоривающихъ престолъ Св. Петра, признаваемыхъ нѣкоторыми державами и потомъ отвергаемыхъ другими, и проклинающихъ другъ друга. Такого рода сцены должны были повлечь за собою полезныя размышленія. Умы просвѣтлялись; начали разсуждать о злоупотребленіи власти Папъ относительно Государей. Соборы въ Пизѣ, Констанцѣ и Базелѣ, созванные съ тою цѣлію, чтобы прекратить расколъ и преобразовать Церковь, мало успѣли въ первомъ дѣлѣ; однако ихъ опредѣленіе считалось выше папскаго. Если члены соборовъ не искоренили золъ Церкви, то они же неосторожно открыли ихъ предъ всею Европою. Злоупотребленія, еще не выведенныя наружу, выказаны были людьми, которыхъ нельзя было подозрѣвать въ пристрастіи, и которые возстали противъ нихъ съ правдою и силою. Сочиненія Виклефа, Іоанна Гусса и Іеронима Пражскаго явились во-время: умы были приготовлены къ принятію впечатлѣній, противныхъ Римскому двору. Судьба реформаторовъ, можетъ быть, произвела гораздо лучшее дѣйствіе, чѣмъ собственныя ихъ разсужденія и краснорѣчіе. Всѣ эти причины, взятыя вмѣстѣ, ослабили власть пап-

скую, предъ которою въ XI и XII столѣтіяхъ преклоняли главы свои Монархи. Короли много выиграли отъ такого ослабленія. Вассалы, не надѣясь болѣе на покровительство главы Церкви, возмущались рѣже, и рѣже оставались безнаказанными. Не страшась болѣе отлученія отъ Церкви, Государи съ бо́льшею строгостію вооружались противъ ослушниковъ власти, и могли все это дѣлать тѣмъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, что доходы и пособія городовъ поставили ихъ въ возможность, около половины XV столѣтія, содержать постоянныя войска на жалованьѣ. До сего времени не было другой общественной силы, кромѣ вассаловъ, которые не поддерживали порядка внутри государства, и неохотно пускались на внѣшнія предпріятія. Брабансоны въ Англіи, Черныя ополченія, посланныя Карломъ V въ Кастилію, подъ начальствомъ Дюгесклена, составляли войска временныя и дурно дисциплинированныя. Карлъ VII образовалъ первый во Франціи корпусъ жандармовъ, который содержалъ на свой счетъ даже въ мирное время. Съ нимъ онъ могъ итти и противъ враговъ Франціи, и противъ мятежныхъ подданныхъ. Этотъ корпусъ былъ началомъ многочисленныхъ и блестящихъ войскъ въ XVI столѣтіи, и могъ конечно породить въ Государяхъ страсть къ завоеваніямъ.

Изобрѣтеніе пороха, или лучше сказать, примѣненіе его къ военному искусству чрезвычайно облегчило Государей въ средствахъ сражаться противъ рыцарей, заключавшихся въ своихъ замкахъ, и противъ сильныхъ вассаловъ, способныхъ только дѣйствовать мечемъ и копьемъ. Много спорили о времени изобрѣтенія пороха и объ истинныхъ его изобрѣтателяхъ. Многіе приписываютъ эту славу Китайцамъ, Аравитянамъ и Европейцамъ. Англичане почитаютъ изобрѣтателемъ пороха Рожера Бэкона, Нѣмцы Бертольда Шварца. Извѣстно то, что порохъ стали употреблять въ Европѣ, какъ разрушительное средство, неранѣе XIV столѣтія. Сомнительно, чтобы Англичане обязаны были своими побѣдами при Креси, Пуатье и Азинкурѣ счастливому употребленію пушекъ; но неоспоримо, что при Карлѣ VII существовали не только ружья, но и нѣчто въ родѣ артиллеріи. Эти новыя оружія, неизвѣстныя древнимъ, повлекли за собою ученыя примѣненія математиковъ къ военному искусству, совершенно измѣнили тактику, предохранили Европу отъ вторженій и завоеваній Джингисъ-Хановъ и Тамерлановъ; въ сраженіяхъ люди дрались уже не съ такимъ звѣрствомъ, какъ прежде, и самыя войны не такъ много стоили денегъ. Сначала новоизобрѣтенныя оружія были въ презрѣніи у тѣхъ храбрыхъ рыцарей, которые привыкли сражаться вблизи, и слѣдственно они

не употребляли ихъ. Но Короли, для обузданія вассаловъ, пользовались новымъ средствомъ съ величайшимъ успѣхомъ. Нечувствительно огнестрѣльное оружіе, получая перевѣсъ надъ прежнимъ, уничтожало рыцарство, и наконецъ совершенно истребило феодальныя ополченія.

При Людовикѣ XI, Максимиліанѣ I и Генрихѣ VII эти причины имѣли уже свои дѣйствія. Силы государственныя подчинены были Монарху, который располагалъ общественною властію. Народы начали наблюдать, изучать и познавать другъ друга. Людовикъ XI, первый въ Европѣ учредилъ вѣрныхъ наблюдателей, которые могли увѣдомлять его о положеніи лицъ и вещей въ другихъ державахъ, о ходѣ и намѣреніяхъ всѣхъ дворовъ. Такія постоянныя сообщенія между народами сдѣлали изъ одного образованнаго міра родъ федеративной республики и органическаго цѣлаго. Чѣмъ ближе народы познавали другъ друга, тѣмъ чаще свершались сношенія, и тѣмъ болѣе всѣ чувствовали необходимость упростить и ускорить средства сообщенія лицъ и передачи вещей. Людовикъ XI, желавшій знать все, по своей безпокойной и подозрительной политикѣ, ввелъ обычай посылать письма чрезъ постоянныхъ курьеровъ. Парижскому Университету приписываютъ мысль учрежденія почтъ—учрежденія важнаго! Можетъ быть, оно уничтожило гостепріимство, но за то связало и сблизило народы.

При существованіи такого учрежденія, должно предполагать частый переѣздъ людей и перевозку товаровъ; оно еще болѣе ускорило и одушевило сообщеніе.

Успѣхи мореплаванія и великія открытія въ концѣ XV вѣка, еще болѣе сблизили народы, и доставили способы къ лучшему обоюдному познанію. Открытіе Америки, новаго пути въ Остъ-Индію, послѣ путешествія
Васко де Гама, оживило промышленость, умно- 1492.
жило богатство и могущество Европейскихъ
государствъ, и одно могло бы въ это время 1498.
измѣнить порядокъ вещей.

Чрезъ усовершенствованіе компаса Флавіо Джіоя, смѣлые мореплаватели могли пускаться
въ моря неизвѣстныя. Принцъ Генрихъ, сынъ 1302.
Іоанна Короля Португальскаго, одушевленный страстію къ открытіямъ, свѣдущій въ Математикѣ и Географіи, дѣятельный, предпріимчивый, просвѣщенный, открылъ своимъ соотечественникамъ поприще, на которомъ ожидала ихъ слава. Онъ утвердилъ свое мѣстопребываніе въ Сагрѣ, въ Алгарвіи, въ недальнемъ разстояніи отъ мыса Св. Винкентія. Отсюда взоры его устремлялись на Атлантическій Океанъ; это зрѣлище одушевляло болѣе и болѣе его страсть; онъ безпрестанно вооружалъ корабли, отправлялъ вѣрныхъ людей для открытія новыхъ земель, и даже самъ принималъ участіе въ экспедиціяхъ. Подъ вліяніемъ его

дѣятельности и генія, Португальцы открыли Мадеру, острова Зеленаго Мыса, Азорскіе, и обогнувши мысъ Баядоръ, далеко проникли вдоль береговъ Африки. Сильное движеніе, сообщенное Генрихомъ его соотечественникамъ, пережило его. Предпріятія и открытія быстро слѣдовали одно за другимъ въ царствованія Альфонса V, Іоанна II и Еммануила Великаго. Смѣлое и счастливое плаваніе Васко де Гама вокругъ Африки, прибытіе его на берега Малабарскіе, многочисленныя экспедиціи, послѣдовавшія за первою, завоеванія и блистательныя побѣды Альмеида и Альбукерка, колоніи, основанныя Португальцами отъ Цевты до Китая, — все это не могло бы быть безъ сильнаго движенія, сообщеннаго Португальскому народу дѣятельнымъ воображеніемъ принца Генриха.

Изображеніе великихъ предпріятій, обширныхъ проектовъ, героическихъ подвиговъ Португальцевъ, столь же мало принадлежитъ къ избранному мною предмету, какъ и исторія того Генуэзца, который угадалъ существованіе новаго материка, измѣнилъ судьбу Европы, нашелъ то, чего самъ не искалъ, и тщетно искалъ того, что до нашего времени еще не было найдено. Трудно однако жъ отказать себѣ въ удовольствіи изобразить Коломба, какъ онъ изъ неизвѣстности и бѣдности дошелъ до высшихъ географическихъ познаній, изумитель-

ныхъ для его вѣка. Явленіе это дѣйствительно поразительно: человѣкъ дѣлается страстнымъ къ морскимъ путешествіямъ, болѣе изъ потребности пламеннаго воображенія, чѣмъ изъ любви къ славѣ; мучится своею великою идеею, не можетъ осуществить ее безъ посторонней помощи, попеременно предлагаетъ свой проектъ Генуѣ, Португалліи, Испаніи, Англіи; получаетъ отказъ отъ однихъ, льстится надеждами на другихъ, и наконецъ чрезъ Королеву Изабеллу пріобрѣтаетъ способы къ исполненію начертаннаго плана. Онъ отправляется въ путешествіе; но нетерпѣливый экипажъ едва не заставляетъ его отказаться отъ смѣлаго предпріятія; наконецъ онъ открываетъ землю, которую давно уже видѣлъ геніальнымъ окомъ, но открывши страны, измѣнившія всѣ отношенія народовъ, и возвысившія Испанію на высшую степень богатства и національнаго могущества, Коломбъ уноситъ съ собою въ могилу цѣпи и горькое чувство неблагодарности людей. Объ открытіяхъ Васко де Гама и Христофора Коломба мы можемъ упомянуть въ изображеніи причинъ, приготовившихъ происхожденіе политической системы въ Европѣ, только въ отношеніи къ вліянію, какое онѣ имѣли на земледѣліе, промышленость, торговлю и на успѣхи просвѣщенія, какъ на истинные источники богатства народовъ.

Древнѣйшій путь въ Индію измѣнился чрезъ

эти два великія событія. Могущество Венеціи и Генуи, уже ослабленное завоеваніями Турокъ, пало быстро. Другія державы, доселѣ неизвѣстныя или слабыя, возвысились. Народы, неимѣвшіе кораблей, завели морскую силу. Искусства нашли новые матеріялы, и могли умножить свои произведенія. Къ разительнымъ дѣйствіямъ открытій Христофора Коломба и Васко де Гама должно присоединить другое дѣйствіе, болѣе медленное, нечувствительное, но также имѣвшее вліяніе на образованность, богатство и политическую систему Европы.

Открытіе Америки, вѣрнѣйшее познаніе Азіи, представляли чувствамъ, вкусу, уму, множество новыхъ предметовъ, и обѣщали новыя удовольствія. Идея объ этихъ удовольствіяхъ произвела новыя нужды. Сумма труда, достаточная для пріобрѣтенія и уплаты наслажденій, доставляемыхъ разными Европейскими странами, теперь оказалась малою для покупки у Америки и Азіи произведеній, посылаемыхъ ими на великій Европейскій рынокъ. Надобно было удвоить дѣятельность, усовершенствовать или создать промышленость, умножить силы и производить болѣе, потому что умножались потребности и трудность къ ихъ удовлетворенію. Золото и серебро, вывозимыя въ послѣдствіи изъ Американскихъ рудниковъ, не могли доставить этихъ способовъ; они не только не обогатили бы Европы, напротивъ, привели бы

ее въ бѣдственное состояніе. Какъ знаки цѣнности, золото и серебро могли только возвысить до невѣроятной степени цѣну всѣхъ товаровъ, что замѣтно всегда у того народа, у котораго эти металлы не въ соразмѣрности съ массою труда. Если напр. хотѣли купить предметы роскоши и удовольствія, свойственные Америкѣ и Азіи, надобно же было чѣмъ нибудь заплатить за нихъ. Все обратилось къ дѣятельности. Раздѣлъ труда, безъ котораго искусства не могутъ успѣвать, усилился. Вотъ, можетъ быть, самая существенная и самая продолжительная выгода, доставленная Европѣ сими великими событіями. Смотря на нихъ съ этой точки, можно сказать, что открытіе Америки было даже гораздо полезнѣе для государствъ древняго міра, нежели открытіе удобнаго пути въ Индію. Извѣстно, что торговля Азіятская производится на деньги, а Американская и Европейская состоитъ болѣе въ обмѣнѣ произведеній. Азія одушевляетъ промышленость Европы, поставляя ее въ необходимость производить и продавать для уплаты посылаемыхъ ею товаровъ; Америка оказываетъ еще бо́льшую услугу: чрезъ огромное потребленіе Европейскихъ товаровъ, она заставляетъ Европу умножать ихъ; а сама дѣлается для нее обширнымъ рынкомъ.

Эти двѣ блестящія и счастливыя экспедиціи имѣли замѣтное вліяніе на развитіе чело-

вѣческаго рода. Столь неожиданныя событія, плоды генія и смѣлости, прославившія виновниковъ ихъ; неизвѣстныя моря, необозримыя страны, новыя формы, совершенно другая природа, должны были наэлектризовать умы, возбудить соревнованіе, воспламенить любопытство, и пустить въ оборотъ множество новыхъ идей. Люди, однажды узнавъ новыя удовольствія, уже почувствовали въ нихъ потребность; дѣятельность обратилась на всѣ предметы, которые могли занимать мысли и руки человѣка. Въ этомъ-то отношеніи успѣховъ человѣческаго ума открытія Христофора Коломба и Васко де Гама оказали первое благодѣяніе. Въ послѣдствіи, торговля обѣихъ Индій должна была произвести еще счастливѣйшія дѣйствія, и прямо содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія. Поэзія и краснорѣчіе нашли въ этихъ странахъ неистощимый родникъ предметовъ, картинъ и чувствованій. Науки обогатились многочисленными опытами, потому что умножились факты, а науки состоятъ въ познаніи фактовъ. По общему мнѣнію, всего болѣе пріобрѣли науки физическія, занимающіяся явленіями и законами природы, напримѣръ Астрономія, Физика, Ботаника и Минералогія; но, можетъ быть, и нравственныя науки, единственно изучающія человѣка и гражданское

общество, обязаны открытію разнообразныхъ племенъ столько же, сколько другія одолжены богатствамъ новой природы и дѣвственной земли. Взглядъ на человѣка на всѣхъ степеняхъ образованія, отъ его жизни семейной, чуждой политическаго общества, до участія его въ великомъ, стройномъ государствѣ, этотъ взглядъ привелъ новыхъ философовъ къ составленію правъ, основанныхъ на человѣческой природѣ — предметъ особой науки, права раціональнаго, неизвѣстнаго древнимъ. По этой же самой причинѣ новые философы, болѣе нежели древніе, стали изыскивать въ политическомъ правѣ цѣль и основныя начала гражданскаго общества. Сравненіе разныхъ языковъ, образа жизни, обычаевъ, нравовъ, мнѣній, являло драгоцѣнные матеріялы для исторіи человѣка. Стали различать: что такое человѣкъ въ состояніи естественномъ, и какъ дѣйствуетъ на него климатъ, почва, правительство, воспитаніе, привычка. При наблюденіи надъ дикими и при сближеніи раждающихся обществъ, можно было, въ нѣкоторомъ отношеніи, составить картину человѣческаго рода. Разсматривая дѣйствія людей въ тѣхъ земляхъ, гдѣ они начинаютъ развиваться, доходили до того состоянія, когда они только-что являлись, и какъ потомъ достигали до высшей степени образованности. Идеи религіозныя очистились; сближеніе столькихъ вѣроисповѣда-

ній съ религіею Христіанскою произвело вѣротерпимость. На вопросъ: о происхожденіи и важности религіозныхъ основныхъ началъ, стали смотрѣть съ точки болѣе общей и болѣе возвышенной.

Такимъ образомъ всѣ науки, относящіяся къ познанію человѣка, извлекли драгоцѣнныя свѣдѣнія изъ отдаленныхъ путешествій, предпринятыхъ въ XV столѣтіи. Но такія счастливыя слѣдствія открытій Васко де Гама и Христофора Коломба сдѣлались ощутительными не вдругъ; въ концѣ XV вѣка онѣ не могли еще быть замѣтны. Тогда движеніе, сообщенное сими событіями умамъ, было единственнымъ благомъ, которымъ воспользовались науки и искусства. Можетъ быть, и это движеніе осталось бы безъ дѣйствія, если бы предшествовавшія причины не приготовили умы къ принятію его.

Послѣ нашествія варваровъ, во всѣхъ частяхъ Европы господствовала бѣдность, которая была причиною глубочайшаго невѣжества. Послѣдніе остатки просвѣщенія, вкуса и познаній въ областяхъ Римскихъ исчезли бы непремѣнно тогда, когда дикіе зовоеватели не разрушили бы всѣхъ памятниковъ. Побѣжденные думали только о спасеніи своей жизни и имущества. Новые властители Европы любили и знали только одно оружіе. Мрачная ночь, грозившая продолжительностію, носилась надъ

Италіею, Франціею, Испаніею и Англіею. Одинъ Константинополь сохранялъ еще нѣкоторыя искры священнаго огня. Въ послѣдствіи стали заниматься земледѣліемъ; но оно производилось руками рабовъ. Если бы даже имъ занимались и свободные люди, то и тогда оно не могло бы быть полезнымъ ни для наукъ, ни для искусствъ, потому что земледѣльческій классъ жилъ отдѣльно отъ другихъ классовъ. Ревность Карла Великаго къ наукамъ почти осталась безплодною. Основанныя имъ училища, подъ управленіемъ нѣсколько свѣдущихъ мужей, спасли стихіи человѣческихъ знаній и распространили ихъ; но изъ этихъ училищъ не вышли истинные ученые. Усиленіе папской власти замедлило развитіе умовъ; власть, основанная на суевѣріи и невѣжествѣ, не могла благопріятствовать успѣхамъ человѣческаго ума. Духовенство исключительно почиталось болѣе образованнымъ сословіемъ въ Европѣ; но монахи боялись передавать свои свѣдѣнія народу. Согласимся однако жъ, что религіозная жизнь содѣйствовала мирнымъ занятіямъ науками, и что неутомимому терпѣнію монаховъ мы одолжены сохраненіемъ древнихъ памятниковъ, потому что ими они были переписаны.

Аравитяне первые ревностно и съ успѣхомъ стали заниматься науками, и содѣйствовали къ ихъ возрожденію. Завоеванія доставили богатства, богатства произвели желаніе

и доставили способы увеличивать ихъ посредствомъ труда; эти же самыя богатства наконецъ наскучили; всѣ чувствовали необходимость въ умственныхъ занятіяхъ. Уже при первыхъ Халифахъ Аббасидскихъ, вкусъ къ просвѣщенію сталъ являться при дворѣ. Абу-Джафаръ, построивъ Багдадъ, сзывалъ ученыхъ. Арунъ-аль-Рашидъ, внукъ его, первый завелъ общественныя школы, и причислилъ ихъ къ мечетямъ. Сношенія Аравитянъ съ Константинополемъ облегчили средства къ просвѣщенію. Альмамонъ, сынъ Рашида, былъ Августомъ для Аравитянъ, привлекая ко двору ученыхъ щедрыми подарками. Въ одномъ изъ условій мира, заключеннаго имъ съ Императоромъ Михаиломъ III, заключалась статья о присылкѣ Греческихъ книгъ. Любимымъ его занятіемъ была Математика; по его же приказанію составлены начала Астрономіи Аль-Фрагана и астрономическія таблицы Аль-Мервази.

Особенно въ Испаніи Аравитяне оказали во всѣхъ отрасляхъ большіе успѣхи; въ Кордовѣ, Севиллѣ, Гренадѣ и другихъ городахъ были училища, коллегіи, академіи и знаменитыя библіотеки. Аль-Кахенъ, основатель Кордовскаго Университета, обогатилъ его библіотеку слишкомъ шестью тысячами рукописей. Во всей Испаніи считалось до семидесяти библіотекъ. Риторика и Грамматика, тщательно обработанныя, очистили языкъ и сдѣлали его точнымъ. Поэ-

ты сбирались у Халифовъ, и читали свои произведенія. Аравитяне, всегда страстные къ поэзіи, наиболѣе отличались въ романсѣ, сказкѣ, мадригалѣ, апоѳегмахъ и пословицахъ; но никогда не знали поэзіи эпической и драматической. Число ихъ историковъ велико, но они болѣе точны, нежели пріятны; иногда слогъ ихъ сухъ и безцвѣтенъ, иногда надутъ и обиленъ. Въ Философіи они изучали болѣе Аристотеля, а не природу. Астрономія мѣшалась съ Астрологіею, Химія съ Алхиміею; но даже самыя ошибки ихъ содѣйствовали къ сохраненію драгоцѣнныхъ свѣдѣній, и даже отыскиваніе ими несбыточнаго привело ихъ къ истинѣ, которой они не искали. Валлисъ приписываетъ имъ изобрѣтеніе Алгебры; Карданъ рѣшеніе уравненій второй степени.

Никто не будетъ оспоривать благодѣтельнаго вліянія Аравитянъ на успѣхи Европейскаго просвѣщенія. Всѣ стекались учиться въ ихъ школахъ. По торговымъ сношеніямъ, они посѣщали всѣ гавани Средиземнаго моря и распространяли полезныя свѣдѣнія. Европейцы переводили ихъ собственныя творенія, или тѣ, которыя они сами заимствовали у Грековъ и Римлянъ. Чрезъ нихъ Аристотель владычествовалъ надъ умами въ среднихъ вѣкахъ. Явилась схоластика; она не вела къ истинѣ, но изощряла орудіе разума, и сообщила ему утонченность, необходимую для отысканія исти-

пы, въ эпоху болѣе счастливую. Вильгельмъ де Шампо, знаменитый и несчастный Абелярдъ и Ѳома Аквинскій, герои схоластической Философіи, правда, умы мелкіе, но они приготовили успѣхи умамъ глубокимъ.

Европейскіе Монархи пожелали раздѣлять славу, которою пользовались Аравійскія учебныя заведенія. Въ продолженіе многихъ вѣковъ существовали только училища, заведенныя Карломъ при церквахъ и монастыряхъ. Онѣ не вмѣщали числа желавшихъ учиться, и не соотвѣтствовали тогдашнимъ потребностямъ. Новыя учебныя заведенія явились въ Салерно и Монпелье для Медицины, въ Болоньѣ для Правъ, въ Парижѣ для Философіи. Въ скоромъ времени они такъ умножились, и стеченіе учащихся было такъ велико, что надобно было подумать объ устройствѣ ихъ, для предупрежденія грозившихъ безпорядковъ. Лучше общественныхъ собраній ничего не знали; они существовали для всѣхъ предметовъ, и теперь учредили ихъ для наукъ. Училища сое-
1206. динились; явился Парижскій Университетъ. Въ послѣдствіи всѣ прочіе Университеты взяли его за образецъ. Нельзя похвалить ихъ формы; раздѣленіе факультетовъ было неправильное; въ рукахъ Папъ Университеты сдѣлались орудіями властительными; монахи, занимавшіе почти всѣ каѳедры, преобразовали ихъ въ спорныя школы,—но все таки они оказали суще-

ственныя заслуги Европѣ въ такое время, когда, для произведенія какото нибудь дѣйствія, надобно было сзывать всѣхъ просвѣщенныхъ людей.

Преимущественно въ Италіи стали собирать плоды сихъ полезныхъ учрежденій. Тамъ, какъ и вездѣ, воображеніе предшествовало всѣмъ прочимъ способностямъ, и было первою производительною силою. Въ поэзіи явились уже образцовыя творенія, а науки были еще въ младенчествѣ. Рыцарскій духъ, сосѣдство Испаніи, торговля Аравитянъ, блистательный дворъ графовъ Провансикхъ и Тулузскихъ, восхитительный климатъ, чудесное въ Крестовыхъ походахъ, пріятный, нѣжный, гармоническій, живописный языкъ — вотъ что воспламенило поэтическій геній въ южной Франціи, и одушевляло музъ этихъ прекрасныхъ странъ. Въ XII и XIII вѣкахъ явились трубадуры и труверы, которые своими пѣснопѣніями обезсмертили дѣянія, воспѣвали славу и любовь, міръ естественный и волшебный, которые участвовали на празднествахъ, и съ своими поэмами странствовали изъ одной земли въ другую. Данте, Петрарка и Боккачіо, творцы поэзіи и прозы Италіянской, всѣ трое равно любимцы музъ, образовались въ школѣ трубадуровъ, и превзошли ихъ, заимствуя отъ нихъ многія красоты, но создавая свои собственныя литературныя богатства.

Сильный, своенравный и смѣлый генiй Данта создалъ Италiянскiй языкъ, и придалъ ему характеръ силы и свободы, простоты и энергiи — печать собственной его оригинальности. Странность предмета, несвязность плана, неровность въ слогѣ, недостатокъ интереса въ его поэмѣ, злоупотребленiе просвѣщенiя и ума искупаются блестящими красотами, чертами возвышенными, и мѣстами въ высшей степени патетическими.

Петрарка угадалъ всѣ богатства Италiянскаго языка; онъ сдѣлалъ его нѣжнымъ, гибкимъ, гармоническимъ; его поэзiя—восхитительная музыка. Любовь, платоническая Философiя и Христiанская религiя перемѣшаны въ его безсмертныхъ сонетахъ; они бы еще болѣе были достойны безсмертiя, если бы въ нихъ владычествовала одна Лаура, и если бы страсть поэта также была велика въ его сердцѣ, какъ въ головѣ: но въ нихъ онъ показываетъ болѣе ума, нежели воображенiя и чувства.

Боккачiо первый сталъ писать постоянно-изящною и чистою классическою прозою. Можетъ быть, онъ слишкомъ располагалъ перiодъ Италiянскiй по перiоду Латинскому; далъ ему круглоту, лишивъ энергiи, и обременяя его вводными фразами, отнялъ достоинство быстроты. Его Декамеронъ есть образецъ пра-

вильности; повѣсти преисполнены часто простоты и граціи.

Петрарка и Боккачіо равно заслуживаютъ уваженія по трудамъ, которые они предпринимали для открытія, спасенія и сохраненія образцовыхъ произведеній древности, — прототиповъ истинно изящнаго. Страстные къ языкамъ Греческому и Латинскому, они первые стали распространять къ нимъ вкусъ, облегчать изученіе ихъ, чтò уже было начато Римскимъ Правомъ. Бѣдствія Константинополя, и особенно завоеваніе сего города, заставившее ученыхъ Грековъ искать убѣжища въ 1453.
Италіи, поддержали успѣхи Петрарки и Боккачіо, усилили и распространили сообщенное ими движеніе. Наконецъ изобрѣтеніе книгопечатанія, въ половинѣ XV столѣтія, ускорило успѣхи просвѣщенія, сдѣлавшагося истиннымъ могуществомъ новаго рода. Просвѣщеніе оказало съ своей стороны безчисленныя заслуги искусствамъ, промышлености и торговлѣ. Народное богатство повлекло за собою развитіе умовъ; развитіе умовъ увеличило народное богатство.

Приведенныя нами причины, измѣнили въ исходѣ XV столѣтія, видъ Европы. Онѣ создали массу трудовъ и богатствъ, достаточную для покрытія издержекъ на обширные проэкты; онѣ вездѣ почти соединили въ одномъ лицѣ источники управленія, сблизили на-

собіями для смиренія могущественнаго дворянства, которое во зло употребляло свою власть и соперничествовало съ властію королевскою. Наносимые имъ удары возбудили сопротивленіе. На сеймѣ Монтемажорскомъ, онъ возсталъ противу дворянства, съ намѣреніемъ лишить его богатства и права суда. Составился опасный заговоръ вельможъ; главою его былъ герцогъ Браганцскій. Казнь герцога послужила поводомъ къ новымъ заговорамъ. Іоаннъ собственною рукою закололъ зятя своего, герцога Визео. Такая строгость и такое наказаніе устрашили аристократію и упрочили королевскую власть. Не смотря на внутренніе безпорядки, Король былъ душею многочисленныхъ внѣшнихъ предпріятій. Евреевъ изгнали изъ Испаніи: это доставило Іоанну случай пріобрѣсти дѣятельныхъ подданныхъ, которые для него могли быть чрезвычайно полезны въ торговыхъ дѣлахъ. Хотя онъ воспользовался этимъ, но варварское обращеніе съ несчастными выходцами есть вѣчное пятно для его памяти. При немъ приготовлялась экспедиція, исполненная въ послѣдствіи сыномъ его Еммануиломъ: она нанесла жестокій ударъ Италіянской торговлѣ, перевела всю Индѣйскую торговлю къ Португальцамъ, утвердила за ними выгоду быть Европейскими поставщиками, создала морскую державу и образовала бога-

тый народъ. Отсюда начинается вѣкъ славы, перiодъ юности и силы Португалiи.

Испанiя. Испанiя упрочила свое существованiе другими путями. Всѣ части полуострова составляли уже одно цѣлое, и пространство между Пиринеями, Средиземнымъ моремъ, Португалiею и Океаномъ, повиновалось одному Монарху. После покоренiя Испанiи Аравитянами, 712. въ Астурiйскихъ горахъ сохранились остатки Готѳскаго могущества. Отсюда, подъ предводительствомъ Дона Пелага и храбрыхъ его преемниковъ, выходили отряды воиновъ, которые сначала прiобрѣтали маловажныя выгоды, но потомъ переходили отъ одной побѣды къ другой. Въ X вѣкѣ, на сѣверѣ Испанiи, явились многiя малыя государства. Королевства Аррагонское и Наварское, Кастильское и Леонское, прежде отдѣльныя другъ отъ друга, въ XII вѣкѣ образовали двѣ главныя массы. Раздоры между малыми независимыми государствами, происшедшими отъ раздробленiя монархiи Оммiадовъ въ Испанiи, препятствовали Аравитянамъ противудѣйствовать успѣхамъ 1038. Христiанскихъ Государей, угрожавшихъ съ сѣвера. Съ другой стороны также враждовали между собою Короли Аррагонскiй и Наварскiй, Леонскiй и Кастильскiй, и слѣдственно не могли вооружиться противу общаго врага. Такъ продолжалось около восьми вѣковъ. Мирные договоры были только минутными пере-

миріями. Испанцы, занятые борьбою съ невѣрными, или мало или вовсе не участвовали въ Крестовыхъ походахъ. Государи чувствовали необходимость въ дворянствѣ, чтобы защищаться противу Аравитянъ; это обстоятельство усилило аристократію. Безпрерывныя сношенія съ Маврами наложили на Испанское рыцарство печать учтивости и вѣжливости, совершенно другаго рода въ сравненіи съ прочею Европою. Оно отличалось гордостію, важностію и пылкостію, говорило языкомъ, украшеннымъ восточными выраженіями; любовь имѣла характеръ тихой и нѣжной меланхоліи; турниры были гораздо многочисленнѣе; празднества великолѣпнѣе; ненависть къ врагамъ сильнѣйшая; а женщины пользовались такимъ уваженіемъ, что почти были неприступны. Слабость Генриха IV, Короля Кастильскаго, хитрая политика юнаго Фердинанда, наслѣднаго принца Аррагонскаго, раздражавшаго еще болѣе неудовольствіе подданныхъ, и обѣщавшаго недовольнымъ свою помощь; уваженіе къ великимъ качествамъ Изабеллы, сестры слабаго Генриха; честолюбивые, но дурно расчитанные виды Кастильскихъ вельможъ — всѣ сіи обстоятельства произвели переворотъ, резуль-
1469. татомъ котораго было соединеніе Испаніи въ одну монархію. Бракосочетаніе Фердинанда съ Изабеллою приготовило это великое собы-
1479. тіе. Онъ наслѣдовалъ отцу своему, Іоанну II.

Изабелла занимала уже Кастильскій престолъ съ 1474 года. При всемъ различіи характеровъ, общія выгоды и честолюбивые замыслы соединили ихъ вмѣстѣ.

Фердинандъ отличался умомъ дѣятельнымъ, глубокимъ; онъ обнималъ всю Европейскую политику; дальновидность его распространялась вездѣ; честолюбіе не пренебрегало никакими средствами. При такой обширности ума, душа его представляла совершенно противное: хитрость, вѣроломство были отличительными его чертами; онъ восхищался своими поступками, и только думалъ о достиженіи цѣли, не обращая вниманія на употребляемыя средства. Властолюбіе заглушило въ Фердинандѣ всѣ прочія страсти; онъ игралъ природными чувствами, не считалъ жертвъ своихъ предначертаній.

Изабелла съ предпріимчивымъ геніемъ соединяла душу великую и благородную; ея характеръ отвергалъ всѣ безнравственныя средства; она наказывала и прощала благородно. Болѣе заботясь о собственной своей славѣ, чѣмъ о властолюбіи, она въ состояніи была создавать и осуществлять высокія идеи и, въ случаѣ, умѣла соглашать энтузіасмъ съ расчетомъ; она угадывала дарованія, не страшилась добродѣтели, и съ довѣренностію предавалась имъ. Религія не была у ней такою лицемѣрною маскою, какъ у супруга; но, къ несчастію, для славы Изабеллы и для блага Испаніи, благо-

честіе ея часто вдавалось въ суевѣріе и производило всѣ пагубныя слѣдствія фанатизма. Она удивлялась Фердинанду, но не уважала его; любила его, какъ увѣряютъ, но не отдавала своей власти надъ Кастиліею, а только соединила свои силы съ его силами для изгнанія Мавровъ.

Послѣдняя война продолжалась десять лѣтъ.
1492. Послѣ девятимѣсячной осады пала Гренада. Боабдилъ, послѣдній Гренадскій владѣтель, съ горестію оставилъ стѣны, которыхъ не могъ защищать, и вся Испанія подчинилась Фердинанду и Изабеллѣ. Тогда постоянно и искусно стали они стремиться къ ея утвержденію и усиленію. Всѣ ужасы феодализма терзали Испанію во время продолжительныхъ войнъ. Угнетенные тщетно прибѣгали къ покровительству законовъ; сильные свирѣпствовали безнаказанно. Чтобы искоренить такое зло, надобно было употребить дѣйствительныя средства. Фердинандъ и Изабелла, соединивши свои силы, учредили Св. Германдаду для поддержанія общественнаго спокойствія и наказанія виновныхъ, щадя однако, повидимому, кровь подданныхъ. Завоеванія умножили ихъ коронныя владѣнія. Фердинандъ владычествовалъ надъ тремя рыцарскими орденами: Алькантарою, Калатравою и Св. Іакова. Сдѣлавшись единственнымъ раздавателемъ командорствъ, онъ держалъ дворянство въ страхѣ и надеждѣ. Но Фердинандъ

и Изабелла, благодѣтели Испаніи, съ такимъ умомъ и съ такою твердостію водворившіе въ ней порядокъ, учреждая инквизицію, въ то-же время ввели тиранію, не менѣе опасную ими уничтоженной. Та же нетерпимость, или та же ложная политика заставляла ихъ издавать несправедливые указы противъ Мавровъ и Евреевъ, указы, которые уничтожили земледѣліе и разрушили промышленость. Изабелла нѣкоторымъ образомъ загладила такія жестокія ошибки дарованіемъ Коломбу средствъ привести въ исполненіе предчувствія его генія; но въ эту эпоху Испанія видѣла въ открытіи Америки одинъ неисчерпаемый рудникъ золота и серебра. Принимая знакъ богатства за самое богатство, и пренебрегая трудомъ, она сама себѣ грозила бѣдностію посреди собираемыхъ ею сокровищъ. . . . .

Францiя, еще болѣе облагодѣтельствованная природою, стремилась къ благосостоянію и могуществу внутреннимъ развитіемъ своихъ силъ. Прекрасная страна сія, омываемая двумя морями, прилежащая къ Пиринеямъ, Юрѣ и Альпамъ, пересѣкаемая во всѣхъ направленіяхъ множествомъ судоходныхъ рѣкъ и рѣчекъ, производящая всѣ необходимые для жизни и удовольствія предметы, была обитаема народомъ живымъ и остроумнымъ, воспринимающимъ всѣ впечатлѣнія и всѣ идеи, для котораго дѣятельность есть первая потребность, Франція.

ображеніемъ и славолюбіемъ. Моратская и Грансонская битвы ослабили этого опаснаго врага Франціи, а въ сраженіи при Нанси онъ былъ
1477. убитъ. Но Людовикъ не умѣлъ воспользоваться его смертію. Вмѣсто того, чтобы чрезъ бракосочетаней получить все наслѣдство послѣ Карла, онъ лучше хотѣлъ насиліемъ овладѣть только одною частію. Счастливый Максимиліянъ Австрійскій женился на Маріи, единственной наслѣдницѣ Бургундіи, и чрезъ то Франція должна была выдержать трехъ-вѣковую войну. Англія, занятая внутренними раздорами, не могла безпокоить Франціи. Людовикъ XI поддерживалъ эти раздоры, льстя надеждами, или подавая помощь то Іоркской, то Ланкастерской партіи: съ одной стороны, онъ увѣрялъ въ дружбѣ Едуарда IV, государя довѣрчиваго и легкомысленнаго, съ другой, доставлялъ войско и деньги той знаменитой Маргаритѣ Анжуйской, женщинѣ съ величайшими дарованіями, которая была душею Ланкастерской партіи. Но пользуясь пособіями Франціи, она принимала отъ хитраго Людовика только необходимое для своей поддержки: политика болѣе полезная, нежели мудрая. Людовикъ, увѣренный въ своихъ сосѣдяхъ, пользуясь благопріятными обстоятельствами, безопасный отъ внѣшнихъ враговъ, могъ все свое вниманіе обратить на утвержденіе монархичестой власти; самые гордые вельможи склонились предъ его скипетромъ. Онъ поступалъ деспотически, и, можетъ быть,

самый знаменитый союзъ, извѣстный подъ названіемъ Союза Общественнаго Блага, взялъ бы надъ нимъ перевѣсъ, если бы онъ болѣе думалъ объ общественномъ благѣ и не измѣнилъ слишкомъ скоро тайнѣ своихъ страстей и частныхъ выгодъ. Людовикъ, называвшій палача своимъ кумомъ, страшась приближающейся кончины, волнуемый подозрѣніями и страхомъ, кончилъ жизнь свою въ ужасныхъ страданіяхъ.
Ему наслѣдовалъ сынъ его, Карлъ VIII; но по 1483.
малолѣтству регентство приняли сестра. Его, Анна Божё, и герцогъ Бурбонскій, Петръ II, ея супругъ. Герцогъ Орлеанскій, долженствовавшій въ послѣдствіи составить счастіе Франціи и заслужить названіе отца народа, почитая право регентства принадлежащимъ себѣ, возжегъ войну.
Въ сраженіи при Сентъ-Обенѣ, онъ былъ разбитъ 1488
и взятъ въ плѣнъ: это успокоило Францію. Государственые чины, созванные въ Турѣ на основаніи государственныхъ постановленій, подавали надежду на полезное преобразованіе во всѣхъ частяхъ управленія; надежды эти не исполнились. Больные сами должны были знать о лекарствѣ для искорененія зла; но они его не знали, или боялись употребить. Смерть Франциска 1488.
II герцога Бретанскаго, неоставившаго наслѣдниковъ мужескаго пола, представляла случай присоединить эту важную провинцію, и Карлъ VIII воспользовался имъ. Онъ женился на принцессѣ Аннѣ, единственной дочери и наслѣдни-

цѣ послѣдняго герцога. Такимъ образомъ Франція составила одно могущественное цѣлое, котораго составныя части хотя и были разнородны, но ни что не могло препятствовать ихъ совокупности.

Германія. Германія, болѣе обширная и болѣе населенная, имѣющая выгодное положеніе для торговли внутренней, но не для морской, была обработываема народомъ основательнымъ, чуждымъ, по счастливому темпераменту характера, всѣхъ крайностей, дѣятельнымъ и прямодушнымъ, глубокомысленнымъ, нескоро рѣшающимся на какое нибудь предпріятіе, но за то постояннымъ въ исполненіи своихъ предначертаній. Въ царствованіе императоровъ изъ Швабскаго дома, Германія, повидимому, болѣе Франціи подвигалась къ самодержавной монархіи. Въ концѣ XV вѣка, она состояла изъ союза независимыхъ владѣтелей и вольныхъ городовъ, которые смотрѣли на императора, какъ на старшаго между ними, а не почитали его истиннымъ властителемъ. Такой порядокъ вещей установился въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ, во время споровъ папъ съ императорами и походовъ Гогенштауфеновъ въ Италію. Пользуясь этимъ, Германскіе князья сдѣлались независимыми. Императоры не пріобрѣли Италіи, а потеряли Германію. Здѣсь-то болѣе нежели гдѣ нибудь, до XV вѣка, не было ни порядка, ни устройства — одно отсутствіе
7. власти, согласія и единства. Карлъ IV, изъ

Люксенбургскаго дома, хотѣлъ прекратить зло, дарованіемъ Германіи письменныхъ законовъ. Зо- 1356.
лотая булла, почитавшаяся, до раздробленія имперіи, основаніемъ общаго Германскаго права, касалась только до формы, мѣста и образа избранія императоровъ, до обрядовъ при коронованіи, но она не опредѣляла положительно устройства, имперіи и не создала единодержавной власти. Домъ Габсбургскій снова явился на императорскомъ престолѣ. Этотъ знаменитый домъ, удивлявшій и удивляющій своимъ быстрымъ и прочнымъ возвышеніемъ Европу, прославленъ счастливымъ и мудрымъ Родольфомъ, избраннымъ послѣ великаго междуцарствія. Онъ 1273.
совершилъ самое трудное: сдѣлалъ первый шагъ къ могуществу. Хотя въ это время императорская корона и не утвердилась еще въ его домѣ, но онъ уже пріобрѣлъ Австрію и предварительныя права на Богемію. Послѣ государи Австрійскаго дома не теряли изъ виду первоначальнаго плана основателя своего величія, т. е. не допускали образоваться въ Германіи массѣ наслѣдственныхъ владѣній, а старались утвердить за собою престолъ и придать значительность императорскому титулу. Фридрихъ III, преемникъ Альберта II, пятьдесятъ три года царствовалъ безъ блеска и безъ пользы для Германіи. Послѣ смерти сего государя, друга наукъ, болѣе привязаннаго къ удовольствіямъ ученыхъ занятій, на престолѣ явился Максимиліанъ; чрезъ брако- 1493.

сочетаніе съ принцессою Маріею, онъ присоединилъ къ Австріи богатую Бургундію. Одаренный тѣмъ легкимъ умомъ, который заставлялъ его приниматься за все съ жаромъ, но лишенный силы характера, которая не допускаетъ оставлять однажды задуманное, жадный къ предпріятіямъ, но неимѣющій средствъ исполнить ихъ, всегда великолѣпный и бѣдный, энтузіастъ и часто терявшій присутствіе духа, Максимиліянъ скорѣе могъ назваться человѣкомъ любезнымъ и блистательнымъ, нежели великимъ. Впрочемъ Германія обязана ему многимъ: его можно почитать виновникомъ законнаго порядка въ имперіи. Происшедшія въ это время перемѣны основывались на важныхъ обстоятельствахъ и были требуемы общимъ голосомъ; но онъ чувствовалъ ихъ важность и не противился благу. На Вормскомъ сеймѣ объявленъ былъ знаменитый земскій миръ, который долженствовалъ прекратить право сильнаго и остановить безпрерывную войну вассаловъ и городовъ, монарховъ и подданныхъ. Давно уже было запрещено князьямъ и дворянству самимъ производить судъ и расправу; но, упроченный временемъ, этотъ безпорядокъ возобновлялся. На Вормскомъ сеймѣ положено было основаніе императорской камерѣ для рѣшенія всѣхъ споровъ между Германскими владѣніями. Она долженствовала быть законною порукою за самобытность и права членовъ союза, и замѣнить силу

правосудіемъ. Но, чтобы постановленія камеры не могли подвергаться прихотливымъ измѣненіямъ, для этого надобно было ввести понуждающую власть, которая бы заставляла уважать эти постановленія. На самыя Германскія владѣнія возложено было исполненіе приговоровъ, и съ этою цѣлью вся Германія была раздѣлена на округи. Такое устройство, клонившееся ко введенію общественнаго порядка, чистое въ основаніи, достойное удивленія по своей теоріи, но трудное въ примѣненіи, было однако же всегда несовершеннымъ и для владѣній сильныхъ и для слабыхъ. Слабыя владѣнія оказывали къ нему уваженіе только до тѣхъ поръ, пока въ Германіи не возникли могущественныя государства, имѣвшія опору въ своемъ сопротивленіи.

Между Рейномъ, Юрою и Альпами существовала избирательная республика, прославившая себя въ борьбѣ съ могущественнымъ Карломъ Смѣлымъ, герцогомъ Бургундскимъ. Еще въ самыя отдаленныя времена долины, образуемыя Рейномъ, Рейссомъ, Лимматою, Ааромъ и Роною, были обитаемы сильными и бѣдными пастухами; бѣдность укрывала ихъ отъ ига сосѣдей. Посреди грозныхъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ горъ, на берегахъ обширныхъ озеръ, въ восхитительныхъ плодоносныхъ долинахъ размножилось поколеніе людей крѣпкихъ и храбрыхъ, готовыхъ всегда къ защитѣ, простыхъ, у Швейцарія.

которыхъ нравы замѣняли законы, семейственные обычаи—удовольствія и празднества, невѣжество—мудрость. Эти пастушескіе народы никогда не думали объ образованіи обществъ, никогда не составляли политическихъ оюзовъ; но собственность и бсзопаснюсть ихъ всегда оставались неприкосновенными; такой порядокъ вещей былъ для нихъ порядкомъ самой природы. Во времена паденія Западной Римской имперіи, разные сѣверные народы проходили чрезъ ихъ страну. Самая плодоносная и открытая часть нынѣшней Швейцаріи, получившая отъ Римлянъ законы и нѣкоторыя свѣдѣнія, была занята Бургундцами. Въ горахъ удержались древніе обитатели, которые обѣщали преемникамъ Карла Великаго быть покойными, а они съ своей стороны обѣщали имъ свое покровительство. Германскіе императоры также не касались ихъ самобытности, и за то свободно могли проходить чрезъ Альпы. Родольфъ Габсбургскій, увеличившій наслѣдіе предковъ обширными владѣніями графовъ Кобургскихъ, обратилъ на себя вниманіе храбрыхъ горцевъ. Они имѣли къ нему полную довѣренность за его Гельветическое происхожденіе, уважали его за доблести и удивлялись его подвигамъ; наконецъ избрали его своимъ покровителемъ, но не властителемъ: онъ уважалъ ихъ древнія постановленія. Сынъ его, Албертъ, незнавшій неукротимаго характера горцевъ, сталъ посылать къ Гельветамъ пра-

вителей, которые обращались съ ними, какъ съ ра-
бами Германіи. Мельхталь, Штауфахеръ, Фюрстъ 1308.
и многіе другіе, всѣ почти или жертвы или свидѣтели угнетенія, рѣшились прекратить угрожавшія бѣдствія всеобщимъ возстаніемъ. Эти простые люди, руководимые здравымъ разсудкомъ, характеромъ энергическимъ и твердымъ, чуждые корыстолюбія, славы и любви къ нововведеніямъ, собираясь ночью въ Гритли *) хотѣли только передать своимъ дѣтямъ образъ своего существованія, завѣщанный предками: ихъ виды не простирались далѣе; они не думали о возмущеніи, но хотѣли только удалить притѣснителей и сохранить въ цѣлости свои постановленія, нарушаемыя исполнителями воли Алберта. Австрійскіе правители были изгнаны. Виновнѣйшій между ними, Гесслеръ, погибъ, пронзенный стрѣлою юнаго Гельвета, Вильгельма Телля, который однимъ и тѣмъ же ударомъ отмстилъ и за свои личныя обиды и за оскорбленія цѣлой страны. По изгнаніи намѣстниковъ, освободители Швейцаріи поклялись уважать права и собственности Австріи; кантоны: Ури, Швицъ и Унтервальденъ, гдѣ происходили всѣ событія, торжественно обѣщались другъ другу защищать свои постанов-

*) Гритли — лугъ, омываемый озеромъ Луцернскимъ. Его можно почитать колыбелью Гельветической независимости.

1318. ленія и независимость. Вотъ начало Гельветическаго союза. Примѣру трехъ кантоновъ
Отъ послѣдовали и прочіе. Число союзниковъ уве-
1332. личивалось. Люцернъ, Цюрихъ, Гларусъ, Бернъ
до были допущены къ союзу. Каждый кантонъ
1353. имѣлъ особенное устройство; но, по обстоятельствамъ и по мѣстности, всѣ постановленія были принаровлены другъ къ другу. Всѣ сіи политическія узаконенія употребляли разныя средства для достиженія цѣли общественнаго порядка, но всѣ они стремились къ утвержденію свободы лицъ и собственности имуществъ. Тождество выгодъ сближало эти государства аристократическія, демократическія и даже монархическія, а общая защита соединила ихъ вмѣстѣ.
1315. Побѣды при Моргартенѣ, Земпахѣ, Нефельсѣ
1386. напомнили о чудесахъ битвъ Мараѳонской и
1388. Платейской, и вторично доказали, что люди, одушевляемые любовію къ отечеству и чувствомъ справедливости, благопріятствуемые обстоятельствами, не считаютъ числа своихъ противниковъ, и всегда торжествуютъ надъ усиліями властолюбивыхъ завоевателей. Послѣ побѣдъ, одержанныхъ надъ Карломъ Смѣлымъ, оставившемъ въ Гельвеціи кости воиновъ, какъ памятникъ своего тамъ пребыванія, Солотурнъ, Шафгаузенъ, Фрибургъ, Базель также вступили въ союзъ.

1444. Людовикъ XI, имѣвшій случай испытать при Сенъ-Жакѣ храбрость горцевъ, согласил-

ся лучше быть союзникомъ ихъ, нежели врагомъ, и заключилъ съ нимъ договоръ.

Всѣ Европейскіе монархи искали ихъ союза. Швейцарская пѣхота почиталась непобѣдимою; но несмѣтная добыча, собранная Швейцарцами послѣ пораженія Бургундовъ, породила новыя потребности, и корыстолюбіе угрожало чистотѣ нравовъ.

Государи верхней Италіи, питая ихъ корыстолюбіе и льстя гордости, приготовили такимъ образомъ обычай брать на жалованье Гельветическую храбрость: Швейцарцы, переходя Альпы, орошали своею кровію Ломбардскія равнины.

Всѣ бѣдствія Италіи происходили оттого, что папы никогда не допускали образоваться въ этой прекрасной землѣ господствующей власти. Они попремѣнно вооружали Итальянскіе города противъ императоровъ, сѣверъ противъ юга, югъ противъ сѣвера, а въ верхней Италіи всегда посѣвали раздоры между возраждающимися государствами, дабы ни одно изъ нихъ не пріобрѣло рѣшительнаго перевѣса. Сосѣдственныя державы не были такъ сильны, чтобы рѣшиться на какія нибудь предпріятія. Франція была слаба, Австрійскій домъ не достигъ еще прочности: этотъ порядокъ вещей, можетъ быть, благопріятствовалъ независимости городовъ, успѣхамъ ихъ развитія и промышлености. Сосѣдство возбудило между ними Италія.

соревнованіе, споспѣшествовавшее искусствамъ и торговлѣ. Въ концѣ XV столѣтія надобно было желать, для блага Италіи, чтобы въ ней образовалась власть, способная остановить властолюбіе Англіи и Австріи, и воспрепятствовать кровавымъ событіямъ; но подобнаго ничего не было. Италія состояла изъ множества мелкихъ государствъ, изъ которыхъ ни одно, взятое отдѣльно, не могло играть этой прекрасной роли, а для общаго соединенія они не были приготовлены, по недостатку соображеній.

Въ XV вѣкѣ, Венеція распространила свои владѣнія. Республика сія, основанная во время
452. вторженія Аттилы на Италію, людьми, искавшими спасенія на небольшихъ островахъ сѣверной части Адріатическаго моря, достигла болѣе или менѣе чувствительными переходами до высочайшей степени благосостоянія. Городъ оставался въ одинаковомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока мѣстопребываніе правительства не было перенесено въ Ріальто. Первый дожъ, или герцогъ, былъ Паолучи Анафесто. Сначала власть его, какъ военачальника, была значительна, но потомъ постепенно уменьшалась. Демократическое правленіе существовало до тѣхъ поръ, пока мало было гражданъ, имущества были равны, или по крайней мѣрѣ невелики, гражданскія и политическія отношенія просты и немногосложны. Море приглашало Венеціянъ къ торговлѣ. Войны, веденныя про-

тиву Аравійскихъ и Истріотскихъ пиратовъ, были для нихъ превосходнымъ училищемъ мореплаванія. Съ X вѣка, Венеціяне имѣли уже торговыя привиллегіи во многихъ гаваняхъ Средиземнаго моря; самое географическое положеніе благопріятствовало такимъ сношеніямъ, какъ будто природа назначила Венецію для соединенія Востока съ Западомъ. Съ успѣхами предпріятій увеличивались богатства, подлѣ которыхъ помѣстились нужда и нищета. По естественному слѣдствію такого порядка, политическія права сдѣлались собственностію одного класса народа: вся власть сосредоточивалась въ рукахъ богатыхъ фамилій, болѣе образованныхъ, болѣе независимыхъ и болѣе интересующихся общимъ дѣломъ. Крестовые походы, увеличивая богатства, еще болѣе произвели несоразмѣрности въ мнѣніяхъ и кредитѣ высшаго гражданства. Дожъ Петръ Градениго, съ рѣдкою проницательностію соединявшій геній и твердый характеръ, превратилъ представительное
правленіе въ наслѣдственную аристократію. Съ 1298.
этого времени постановлено было, чтобы всѣ члены верховнаго совѣта оставались таковыми на всю жизнь, и даже передавали свое достоинство дѣтямъ. Мужество и рѣшительность Градениго восторжествовали надъ заговорами Тіеполо и Бадоера. За такимъ замѣчательнымъ переворотомъ послѣдовало въ Венеціи правленіе, въ которомъ аристократія предоставляла полную

свободу промышлености и торговлѣ; народъ не жалѣлъ о потерѣ политической свободы и не завидовалъ власти патриціевъ. Республика, наблюдая въ своихъ дѣйствіяхъ единство и послѣдовательность, и направляя всѣ силы свои къ опредѣленной цѣли, пріобрѣла, частію завоеваніями, частію покупкою, силою или хитростію, Тревизу, Виченцу, Верону, Бассано, Фельтру, Беллуно, Падую, Бресчію, Бергамо и Кремону; другое пріобрѣтеніе совершено было на счетъ владѣтелей Каррары и де ла Скала, особенно же чрезъ безпокойства, волновавшія
От 1388 до 1452. Миланцевъ. Въ продолженіе полустолѣтія, Венеція быстро распространялась, и владычествовала отъ береговъ моря Адріатическаго до Адды. Арсеналы ея всегда были полны; многочисленный флотъ съ успѣхомъ противился Османамъ; торговля произвела изобиліе въ деньгахъ, и по своимъ дѣламъ имѣла сношенія съ Востокомъ и Западомъ. Но уже готовились событія, долженствовавшія склонить къ упадку такую степень возвышенія.

Фамилія Сфорцовъ господствовала въ Медіоланѣ. Это герцогство, основанное недальновиднымъ императоромъ Венцеславомъ въ пользу Галеаса Висконти, находилось подъ правле-
1395. ніемъ сего дома до прекращенія мужеской линіи. Увеличенное и укрѣпленное паденіемъ знаменитой фамиліи де ла Торре, и пріобрѣтеніями отъ Ломбардскихъ городовъ, герцогство пе-

решло въ руки одного счастливца-воина, искусно воспользовавшагося обстоятельствами. То былъ Франдискъ Сфорца, счастливый и храбрый кондотьери. Женившись на побочной дочери последняго Висконти, онъ симъ утвердилъ себя на престолѣ; но преемники его не наслѣдовали ни его генія, ни счастія. Юный герцогъ Галеасъ-Марія подчинился дядѣ своему Людовику Мору, человѣку вѣроломному и жестокому, который, какъ мы увидимъ, игралъ важную роль въ Итальянскихъ войнахъ.

Знаменитый Савойскій домъ, происходившій отъ графа Берхтольда, какъ утверждаютъ, потомка Витикинда, медленно и умѣренно достигалъ до степени значительной державы. Онъ умѣлъ воспользоваться и немногими обстоятельствами, но особенно одолженъ своими пріобрѣтеніями счастливой смѣлости и твердому благоразумію своихъ государей, которые изъ внутреннихъ странъ верхнихъ Альповъ положили основаніе своему величію. Будучи прежде простыми графами Моріенскими, они сдѣлались обладателями Савоіи, Піемонта и Ниццы. Карлъ II занималъ герцогскій престолъ въ исходѣ XV столѣтія. Положеніе его было критическое, потому что отвсюду онъ былъ окруженъ сильными и властолюбивыми сосѣдями.

Генуя, которой исторія до исхода XI вѣка смѣшивается съ исторіею прочихъ Италіянскихъ республикъ, сдѣлалась соперницею Пизы

и Венеціи. Ея колоніи и конторы простирались до Каффы, въ Крыму. Послѣ продолжительныхъ кровавыхъ войнъ, она восторжествовала надъ
1290. Пизою, но возбудила этимъ зависть Венеціи и сама, въ свою очередь, смирилась предъ ея могу-
1328. ществомъ. Торговля поселила раздоры. Возгорѣлась война, кончившаяся къ невыгодѣ Генуезцевъ. Въ послѣдствіи, взятіе Турками Костантинополя нанесло имъ смертельный ударъ. Къ тому же демократическія формы всегда были для Генуи источникомъ безпокойствъ, и по видимому, она не могла сносить ни свободы, ни подчиненности; повиноваться она не умѣла и также была неспособна управлять сама собою. Тогда Генуя купила спокойствіе цѣною езависимости, и признала власть Медіоланскихъ герцогствъ.

Переворотъ, открывшійся въ среднемъ вѣкѣ въ Италіи, между рѣками Макрою и Тибромъ, и доставившій свободу городамъ, имѣлъ слѣдствія гораздо медленнѣйшія. Пиза, Флоренція, Сіенна, Лукка стали выходить изъ неизвѣстности неранѣе XV столѣтія. Въ сихъ городахъ завязалась борьба между дворянствомъ и народомъ. Побѣжденное дворянство видѣло себя лишеннымъ политическихъ правъ. Флоренція возвысилась быстро, пользуясь бѣдствіями Пизы; но она перешла всѣ степени волненій демократіи, испытала всѣ политическія постановленія, но не могла найти

такого, которое бы согласило формы демократическія съ правительствомъ, постоянно твердымъ. Наконецъ геній и доблести одной знаменитой фамиліи водворили миръ и благоденствіе. Іоаннъ Медичи, сыновья его, Козьма и Лаврентій, Петръ, сынъ Козьмы, Лаврентій и Юлій завѣдывали общественными дѣлами и, не имѣя никакихъ титуловъ, имѣли въ рукахъ почти неограниченную власть. Они одолжены возвышеніемъ своимъ личнымъ качествамъ и богатствамъ, которыя употребляли на покровительство и ободреніе искусствъ. Эта купеческая фамилія оказала незабвенныя услуги наукамъ и искусствамъ.

После владычества надъ всею Европою, и послѣ права располагать престолами, папы долго имѣли весьма ограниченную и непрочную власть. Римъ особенно чувствовалъ свои потери послѣ перенесенія папскаго престола въ Авиньонъ, и во время великаго западнаго раскола. Мартинъ V, назначенный папою по опредѣленію 1415.
Констанцскаго собора, нашелъ умы болѣе расположенными къ повиновенію. Николай V, хит- 1447.
трый, твердый въ дѣлахъ, любезный въ обы- 1455.
кновенной бесѣдѣ, когда науки облегчали его въ трудностяхъ правленія, укрѣпилъ замокъ Св. Ангела, и эта цитадель удерживала безпокойныхъ Римлянъ. Павелъ II улучшилъ законы 1464.
и усовершенствовалъ общественный порядокъ. 1471.
Въ описываемую нами эпоху, на папскомъ

престолѣ былъ Борджія, безчестившій его своимъ поведеніемъ и жестокостями. Съ именемъ Александра VI соединяется воспоминаніе обо всѣхъ порокахъ: онъ старался всѣми средствами доставить блистательное званіе Цезарю Борджія, достойному сыну такого отца, котораго происхожденіе было уже не весьма нравственнымъ примѣромъ.

Неаполь повиновался Фердинанду, сыну короля Аррагонскаго Альфонса V, преемника королевы Іоанны II. Это королевство, основанное храбростію нѣсколькихъ Норманскихъ рыцарей, сначала перешло въ домъ Гогенштауфенскій, а потомъ въ Анжуйскій. Политика папъ наиболѣе имѣла на него вліянія. Дань, платимая Неаполитанскими государями, какъ будто давала первосвященнику право на эту страну. Кончилась та блистательная эпоха, когда, подъ скипетромъ Фридриха II, Неаполь наслаждался благосостояніемъ, былъ колыбелію искусствъ и убѣжищемъ ученыхъ людей. Непрочная власть королей или честолюбивые ихъ замыслы, поставили ихъ въ зависимость отъ бароновъ. Въ другихъ частяхъ Европы аристократія теряла свои права, а въ Неаполѣ она пріобрѣтала ихъ.

Домъ Эсте, обязанный безсмертіемъ музамъ Аріоста и Тасса, извѣстный своими образованными государями, друзьями и покровителями наукъ, господствовалъ въ Моденѣ. Пар-

ма и Піаченца на короткое время были присоединены къ Медіолану.

Таково было состояніе Италіи въ исходѣ XV столѣтія. Раздробленная на мелкія владѣнія съ различными видами и намѣреніями, она не могла съ успѣхомъ противиться могущественному непріятелю. Она даже не думала объ опасностяхъ, угрожавшихъ ей со стороны Франціи, и въ этомъ отношеніи оставалась совершенно безпечною. Но за то опасалась Турокъ, внимательно наблюдала за ихъ предпріятіями, и безпокоилась ихъ побѣдами.

Орда Курдовъ, долгое время слабая и не- Турція.
извѣстная, сдѣлалась страшнымъ и знаменитымъ народомъ. Съ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, Османскіе Турки ринулись на Малоазіятскія области; по мѣрѣ успѣховъ увеличивались и силы ихъ, а по мѣрѣ способовъ распространились и замыслы. На развалинахъ Сельджукскаго могущества они основали свое. Завоеванія Монгольскихъ Татаръ, подъ предводительствомъ Джингисъ-Хана, проложили имъ путь и уничтожили всѣ могущія встрѣтиться препятствія. Османъ, отъ котораго они и заимствовали свое названіе, ознаменовалъ себя первыми побѣдами, въ исходѣ XIII столѣ- 1299.
тія. Съ этого времени успѣхи Турокъ были быстры, блистательны, изумительны. Орканъ, сынъ Османа, учредилъ корпусъ пѣхоты въ такое время, когда она едва была извѣстна въ 1326.

Европѣ, и опредѣлилъ войскамъ жалованье. Мурадъ I усовершенствовалъ эту пѣхоту образованіемъ Янычаръ, многочисленнаго войска, составленнаго изъ избранныхъ военно-плѣнныхъ, долгое время непобѣдимаго и опаснаго какъ для враговъ государства, такъ и для самихъ государей. Преемники Оркана и Мурада отличались всѣ храбростію, воинственностію и предпріимчивостію; ихъ примѣръ и довѣренность, внушенная войску, были главными источниками торжествъ. Покоривши, въ исходѣ XIV столѣтія, всю западную Азію, они перешли въ Европу, гдѣ побѣды также оставались имъ вѣрными. Баязетъ I, прозванный *Молніею*, покорилъ Сербію, Булгарію, Боснію и Славонію. Побѣда при Никополѣ надъ Сигизмундомъ открыла ему путь въ Венгрію. Вскорѣ Тимуръ познакомилъ Баязета съ превратностями судьбы: послѣ сраженія при Ангорѣ, Турокъ попался въ въ руки Монгола. Впрочемъ это событіе не уничтожило могущества Османовъ. Преемники Баязета возвратили имъ прежнюю увѣренность и умѣли поддержать стремительность, данную первыми султанами. Кон-
1453 стантинополь былъ взятъ Магометомъ II. Послѣдній императоръ знаменитаго дома Палеологовъ, не желая пережить своей имперіи, палъ съ оружіемъ въ рукахъ. Греція и острова, отдѣляющіе ее отъ Азіи, повиновались варварамъ, долженствовавшимъ истребить всѣ плю-

ды дарованія. Униченные Венеціяне потеряли островъ Негропонтъ. Одни рыцари Св. Іоанна Іерусалимскаго, подъ предводительствомъ безсмертнаго Обюссона, останавливали нѣсколько времени разрушительный потокъ.

Венгрія опасалась вторженія Турокъ. Татары, утвердившіеся, подъ именемъ Маджаровъ или Угровъ, въ богатыхъ странахъ, орошаемыхъ Савою, Дравою, Тиссою и Дунаемъ, сдѣлались народомъ земледѣльческимъ и богатымъ. Потомки Альмы, перваго ихъ предводителя, царствовали до конца XIII вѣка. Стефанъ, сынъ Гейзы, въ исходѣ X столѣтія, ввелъ Христіанскую вѣру, которая распространила между жителями нѣкоторыя нравственныя идеи и укротила ихъ нравы. Но народъ, созданный для войны, а не для мирныхъ занятій, умѣлъ только сражаться и торжествовать. По прекращеніи царствовавшаго дома, корона сдѣлалась избирательною. Иногда такая форма давала Венгріи достойныхъ государей, но она повлекла также за собою безпокойства, междоусобныя войны, вліяніе иностранцевъ, такъ, что престолъ чаще всего принадлежалъ богатѣйшему и счастливѣйшему претенденту. Іоанъ Гуніадъ, и сынъ его Матѳій Корвинъ, возведенный на престолъ семнадцати лѣтъ, доказали, что дарованія бываютъ часто и наслѣдственныя. Оба заслужили довѣренность народа, и вмѣстѣ, съ геніемъ предпріимчивымъ соединяли силу воли

Венгрія.

897.

исполнительную. Польша, Богемія, Турція попеременно чувствовали мощную руку Корвина, и принуждены были уважать его рѣдкія дарованія. Этотъ великій человѣкъ, заботившійся обо всемъ, одинаково старался и о просвѣщеніи
1490. своей страны и объ ея независимости. Смерть остановила его предпріятія, и такая потеря была невознаградима для Венгріи. Слабый Владиславъ Богемскій, которому поднесли прославленную Гуніадомъ корону, не былъ въ состояніи итти по слѣдамъ своего предшественника.

Богемія. Въ это время Богеміею еще не управляли государи изъ Австрійскаго дома, который имѣлъ древнія права на сіе королевство, точно также, какъ и на Венгрію; но минута этихъ правъ еще не наступила. Послѣдній государь изъ дома Люксенбурскаго, императоръ Сигизмундъ, возжегъ въ Богеміи, чрезъ свою слабость, пламя междоусобной войны. Подъ предводительствомъ Жижки, Гусситы восторжествовали надъ всѣми силами имперіи и далеко распространили ужасъ и опустошеніе. Простой дворянинъ, Георгій Подибрадъ, достигшій престола великими дарованіями, усмирилъ безпокойства и придалъ Богеміи значительность. Современникъ, другъ, соревнователь Гуніада, Подибрадъ, равнялся съ нимъ дарованіями, хотя не имѣлъ его возвышенной души и благородныхъ чувствованій. Послѣ его смерти начались опять волненія.

Сѣверныя государства, чуждыя событій и политическихъ связей, происходившихъ на театрѣ юга, явились на сцену гораздо позднѣе.

Польша, съ VI вѣка, была обитаема Славянами, занявшими въ это время восточную Европу. Потомки Піяста, управлявшаго Польшею подъ именемъ герцога, занимали престолъ болѣе пяти столѣтій. Мечиславъ ввелъ Христіанскую вѣру. Болеславъ принялъ титулъ короля. Ягеллоны, потомки Ягеллона, князя Литовскаго, и Софіи, Русской княгини, наслѣдовали потомкамъ Піяста. Казимиръ IV, вступившій на престолъ изъ этого дома, ознаменовалъ себя счастливыми войнами противу рыцарей Тевтоническаго ордена. Польша совершенно сохраняла правленіе феодальное, и, къ своему несчастію, сохраняла его долго. Многочисленное и богатое дворянство имѣло въ рукахъ своихъ всю власть; король украшался только однимъ титуломъ.

Польша. 842-1328. 965. 1025. 1386. Умеръ въ 1492.

Пруссія, завоеванная, обращенная въ Христіанскую вѣру и просвѣщенная рыцарями Тевтоническаго ордена, скрѣпила еще болѣе узы давнишней своей зависимости отъ Польши. Казимиръ IV отнялъ западную Пруссію у ордена, призваннаго туда Конрадомъ, герцогомъ Мазовійскимъ. Онъ принужденъ былъ признать себя въ зависимости отъ Польши, на правѣ вассала.

Пруссія. 1226.

Россія начинала выходить изъ первобытна-

Россія.

го состоянія. Въ этой обширной странѣ, населенной въ древности Славянами, Рюрикъ съ братьями и Норманскою дружиною, положилъ начало продолжительному для своихъ потомковъ господству. Великое движеніе Монголовъ, подъ предводительствомъ Джингисъ-Хана, сообщилось сосѣдственнымъ народамъ и распространилось до Русскихъ предѣловъ. Явились княжества Кіевское, Владимірское и Москов-
1462. ское. Іоаннъ III Васильевичъ, заслужившій названіе Великаго, можетъ быть, почитаемъ нѣкоторымъ образомъ основателемъ Русскаго государства. Онъ соединилъ въ одно цѣлое всѣ отдѣльныя владѣнія, послѣ продолжительной и кровавой войны покорилъ Новгородъ, торговую республику, бывшую подъ покровительствомъ Польши, и наконецъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Казань.

Швеція и проч. Швеція, Норвегія и Данія тѣсно соединенныя Кальмарскимъ договоромъ, геніемъ и искус-
1397. ствомъ Маргариты, дочери Вальдемара, въ продолженіе цѣлаго столѣтія стремились къ разнымъ цѣлямъ: однѣ скрѣпить узы, а другія разорвать
1448. ихъ. Домъ Ольденбургскій вступилъ на Датско-Норвежскій престолъ въ особѣ графа Христіерна. Хотя онъ и оставилъ преемникомъ
1481. сына своего, но Швеція не признавала его власти. Подъ правленіемъ Стенона Стура, она наслаждалась внутреннимъ спокойствіемъ. Этотъ необыкновенный человѣкъ уже въ сіе время превос-

ходствомъ своего генія владычествовалъ надъ умами. Удерживая честолюбивые замыслы духовенства, уничтожая въ самомъ началѣ мятежи, уважая права дворянства и защищая права народа, онъ пріобрѣлъ любовь однихъ, внушалъ страхъ другимъ, и былъ предметомъ общаго удивленія.

Подъ мирнымъ скипетромъ Генриха VII, вступившаго въ бракъ съ послѣднею Іоркскою принцессою, и такимъ образомъ соединившаго права алой и бѣлой розы, Англія старалась забыть и загладить обуревавшія ея бѣдствія. Назначенный владычествовать надъ морями, быть вмѣстилищемъ просвѣщенія, представлять удивительное соединеніе трудовъ, промышлености, искусствъ и торговли, счастливый подъ защитою законовъ, этотъ прекрасный островъ покрывали кровь и развалины въ ту эпоху, когда графъ Ричмондъ одержалъ надъ ненавистнымъ Ричардомъ III, Босвортскую побѣду. Глубокомысленный, степенный Анлійскій народъ, одаренный глубокою чувствительностію и сильнымъ воображеніемъ, болѣе приверженный къ предметамъ прочнымъ нежели наружно блестящимъ, обязанъ морю, отдѣляющему его отъ материка, гораздо болѣе чѣмъ политическимъ и гражданскимъ учрежденіямъ, національнымъ отпечаткомъ, истинно неизгладимымъ. Уже въ это время Англичанинъ таилъ въ себѣ зародышъ качествъ, съ такимъ блескомъ и успѣхомъ развитыхъ въ послѣдствіи; событія же нисколько

Англія.

1485.

законъ на отечественномъ языкѣ; до сихъ поръ употребляли или Французскій или Латинскій языкъ. Денегъ въ государствѣ было мало, въ сравненіи съ прочею Европою, исключая Нидерланды и Италію; жизненныя потребности дешевы, потому что страна была бѣдна; плата за работу также умѣренная. Судьи получали только двадцать фунтовъ стерлинговъ жалованья. Шерстяныя мануфактуры и хлѣбная торговля составляли два главные источника народнаго богатства.

Ирландія. Ирландія, завоеванная при Генрихѣ II, осталась подъ властію Англійскихъ королей; но власть ихъ была неточна, неопредѣленна. Страхомъ и строгостію держали они въ повиновеніи этотъ варварскій народъ, который не хотѣлъ принимать отъ своихъ сосѣдей ни законовъ, ни просвѣщенія.

Шотландія. Въ Шотландіи феодализмъ господствовалъ еще со всѣми своими злоупотребленіями, да и самое свойство страны поддерживало его. Это королевство, долго волнуемое скрытнымъ и явнымъ властолюбіемъ Едуарда I, короля Англійскаго и его преемниковъ, успокоилось во время внутреннихъ смутъ, ослаблявшихъ Англію. Знаменитый и несчастный домъ Стуартовъ занималъ шаткій престолъ Шотландскій.

ГЛАВА III.

Карлъ VIII вступаетъ на Французскій престолъ. Первыя войны, веденныя Французами въ Италіи.

Успѣхи труда, торговли, просвѣщенія и гражданскаго устройства создали во многихъ государствахъ, въ исходѣ XV столѣтія, массу значительной силы. Сила эта, при истинномъ ея употребленіи, могла быть вѣрнымъ залогомъ независимости каждаго государства, но въ то же время она могла угрожать державамъ сосѣдственнымъ. Сила существовала, а у народовъ, точно такъ какъ и у каждаго человѣка, она всегда бываетъ или охраненіемъ справедливости или смертельнымъ его врагомъ. При томъ порядкѣ вещей, когда всякій хотѣлъ давать законы, но никто не принималъ ихъ, верховной власти не было; всѣ однако жъ чувствовали необходимость сосредоточить ее, и вездѣ она стала утверждаться и принимать ходъ законный и прочный. Имѣя въ рукахъ власть, государи были въ состояніи восторжествовать надъ волею частныхъ людей и ввести одну общую волю. Средства правительства могли утвердить спокойствіе народовъ, но можно было также совратить эти средства съ пути ихъ истиннаго назначенія. Войны, и притомъ войны прихотливыя и властолюбивыя, могли произойти изъ тѣхъ же самыхъ постанов-

леній, которыя единственно клонились къ поддержанію мира. Франція, Испанія, Австрія и Англія достигли степени сильныхъ державъ и заставляли опасаться себя; но эти опасенія были неопредѣленны, слабы и отдаленны до тѣхъ поръ, пока онѣ не сдѣлались существенными, явными. Однако злоупотребленіе силы не заставляло желать, чтобы она не существовала и чтобы Европа снова впала въ состояніе безсилія и варварства, въ которыхъ такъ долго томилась: средство было бы хуже самаго зла. Но завоевательныя предположенія Франціи въ эту эпоху долженствовали повлечь за собою сопротивленіе другихъ державъ. Вскорѣ убѣдились, что благо для независимости народовъ существуетъ только при томъ условіи, если силы государствъ, дѣйствуя другъ на друга, взаимно удерживаютъ себя въ предѣлахъ права. Общая безопасность могла быть только при равновѣсіи способовъ нападенія и защиты. Трудно было создать это равновѣсіе, еще труднѣе утвердить его; чѣмъ болѣе усилій прилагали съ одной стороны къ его нарушенію, тѣмъ болѣе съ другой старались поддержать его. Походъ Карла VIII на Италію послужилъ первымъ поводомъ къ мѣрамъ такого рода, и его можно почитать началомъ политической Европейской системы, которой перевороты намѣрены мы изложить вмѣстѣ съ развитіемъ ея хода и характеристики ея различныхъ эпохъ. Причины войнъ и ихъ слѣдствія займутъ въ

нашемъ изображеніи болѣе мѣста нежели самыя войны. Подробности военныхъ дѣйствій не относятся къ моему плану: только люди, опытные въ теоріи и практикѣ искусства, могутъ представлять ихъ съ успѣхомъ и пользою.

Карлъ VIII, оставшись послѣ отца четырнадцати лѣтъ, не умѣлъ ни читать ни писать. 1483.
Людовикъ XI, изъ политики, достойной своего недовѣрчиваго характера, оставлялъ сына въ невѣжествѣ. По малолѣтству Карла, сестра его, Анна Божё, управляла королевствомъ съ титуломъ правительницы. Между тѣмъ Карлъ ревностно старался вознаградить пренебреженіе отца, и пристрастился къ чтенію, особенно записокъ Юлія Цезаря и жизни Карла Великаго, переведенной для этого учителемъ короля Робертомъ Гагень, (Général des Mathurins). Чтеніе воспламенило отъ природы живое вообраҗеніе Карла, внушило ему страсть къ военной славѣ и, можетъ быть, имѣло рѣшительное вліяніе на характеръ и царствованіе его. Въ маломъ и слабомъ тѣлѣ, едва ли созданномъ для героическихъ ролей, заключалась душа болѣе пылкая нежели сильная, умъ болѣе легкій нежели вѣрный и глубокій. Онъ жаждалъ славы, и видѣлъ ее только въ чрезвычайныхъ предпріятіяхъ; самъ онъ составлялъ въ умѣ предпріятія обширныя, но неопредѣленныя, героическія, но болѣе чудовищныя; на опасности, на средства исполненія онъ не обращалъ вниманія.

Любитель тщеславнаго великолѣпія, чувствительный и слабый, дѣятельный, но слишкомъ легкомысленный для послѣдовательности и поддержанія предпріятій, Карлъ въ частной жизни былъ бы безпокойнымъ и несчастнымъ человѣкомъ; но на престолѣ онъ явился человѣкомъ съ смѣлыми планами, съ намѣреніемъ предпринимать несправедливыя войны, и безъ причины нарушать спокойствіе мира.

Послѣ Людовика XI, государство осталось сильнымъ: монархическая власть была утверждена; войска были постоянныя и получали жалованье. Сосѣди уважали Францію и не могли быть для нее опасными; народъ, хотя и недовольный, былъ усмиренъ; его легко можно было заставить любить то правленіе, котораго онъ боялся при Людовикѣ XI. Дворянство, при всемъ своемъ негодованіи, также было спокойно. Введеніе постояннаго налога открыло монарху новый источникъ доходовъ; государственные чины, собранные еще при Людовикѣ въ Турѣ, возвысили этотъ налогъ до милліона пятисотъ тысячъ ливровъ, — но Карлъ могъ надѣяться увеличить его еще болѣе, привлекая на свою сторону вельможъ и народъ, страшившихся отца его.

Первые годы Карлова царствованія были ознаменованы возмущеніемъ герцога Орлеанскаго, объявившаго свои притязанія на реген-ство, какъ первый принцъ крови [illegible] ся за оружіе; непріятели Фран[illegible]

вали его возстаніе; но храбрый ла Тремуйль погасилъ огонь междоусобной войны побѣдою при Сентъ-Обэнѣ. Съ виновными въ мятежѣ поступили строго, и самъ герцогъ Орлеанскій былъ сначала заключенъ; однако жъ Карлъ, неподозрительный и немстительный, возвратилъ емусвободу. 1490. 1482.

Дочь Максимиліяна I, Маргарита, съ малолѣтства была объявлена невѣстою Французскаго короля; ее даже воспитывали въ Парижѣ съ тѣмъ, чтобы она приняла нравы и обычаи Французскіе. Она была отправлена обратно къ отцу, и это обстоятельство на время поселило раздоръ между Австріею и Франціею. Тѣмъ болѣе долженъ былъ Максимиліянъ оскорбиться, что Карлъ тотчасъ же женился на Аннѣ Бретанской, которая любила императора и даже обѣщала ему свою руку. Частію по обстоятельствамъ, частію по принужденію, она вышла за Карла, который внушилъ ей къ себѣ отвращеніе, и не могъ сравняться съ своимъ соперникомъ ни наружнымъ видомъ, ни умомъ. Этотъ бракъ, счастливый для Бретани, не менѣе былъ счастливъ и для Франціи, которая пріобрѣла чрезъ него обширную, плодоносную область, выгодную для торговли, и отняла у Англіи всѣ средства къ какому либо притязанію. Максимиліянъ, справедливо приведенный въ негодованіе, грозилъ Карлу войною. Но не имѣя денегъ, худо вспомоществуемый Брабантскими и Фландрскими штатами,

которые оспоривали у него регентство, не надѣясь на свои наслѣдственныя земли, оставленный прочими Германскими князьями, императоръ съ удовольствіемъ принялъ выгодныя предложенія Карла. Карлъ возвратилъ ему Франшъ-Конте и Артуа: слѣдовательно Максимиліянъ однимъ почеркомъ пера получилъ болѣе, нежели сколько онъ могъ надѣяться даже и послѣ блистательныхъ побѣдъ.

Въ то же самое время Карлъ купилъ, неменѣе значительными пожертвованіями, миръ у Англіи и Испаніи. По видимому, Генрихъ VII и Фердинандъ, дѣйствовали за одно съ императоромъ и не ошиблись въ расчетѣ. Генрихъ, любившій деньги, получилъ отъ Французскаго короля огромныя суммы. Фердинандъ, воспользовавшись случаемъ, возвратилъ себѣ Руссильонъ и Сердань, купленныя Людовикомъ XI за триста тысячъ золотыхъ экю, и такимъ образомъ сдѣлался властителемъ Пиринеевъ.

И такъ Карлъ, безъ всякой нужды, пожертвовалъ драгоцѣнными и вѣрными выгодами; незнавшіе его характера, непонимавшіе его тайны, не могли понять такого поступка. Въ умѣ Карла составлялись блистательные, но непрочные проекты, которымъ онъ всѣмъ жертвовалъ.

Владѣя уже въ воображеніи землями, которыя могъ завоевать, онъ, подобно Александру, располагалъ отцовскимъ наслѣдіемъ; ему хотѣ-

лось выгнать Турокъ изъ Европы, взять Константинополь и возстановить Греческую имперію во всемъ блескѣ. Андрей Палеологъ, племянникъ послѣдняго императора Константина, павшаго при защитѣ столицы, долженъ былъ уступить Карлу свои права за ничтожное вознагражденіе. Несчастный Зизимъ, братъ султана Баязета II, убѣгая его мщенія за притязанія свои на престолъ, думалъ найти убѣжище при дворѣ Александра VI, и долженъ былъ вспомоществовать намѣреніямъ Французскаго короля, который хотѣлъ употребить его для раздѣленія Турецкихъ силъ, и приготовить паденіе Турціи чрезъ раздоръ внутренній.

При всей странности, предпріятіе это согласовалось съ характеромъ короля. Тщеславіе отвергало почти непреодолимыя трудности, или увѣряло, что онъ созданъ побѣждать ихъ. Онъ смотрѣлъ на свое могущество, какъ на средство ослабить или уничтожить могущество другихъ, а королевство свое почиталъ опорною точкою того орудія, которымъ онъ могъ завладѣть частію міра. Онъ видѣлъ только одну славу успѣховъ, и не чувствовалъ, что эти успѣхи, при всемъ блескѣ, могутъ быть бѣдствіемъ для Франціи. Еще менѣе опасался онъ неизгладимаго стыда при неудачѣ въ предпріятіи. Его увлекалъ блескъ Крестовыхъ походовъ; юное сердце восхищалось будущими торжествами; онъ уже слышалъ похвалы уче-

ныхъ, жившихъ, послѣ паденія Константинополя, въ Италіи и Франціи, за возвращеніе въ Грецію изгнанныхъ музъ.

Завоеваніе Неаполя могло облегчить исполненіе намѣренія Карла, а права Франціи на эту страну давали благовидный предлогъ для прикрытія честолюбивыхъ видовъ. Домъ Ан-
1468. жуйскій былъ низложенъ съ Неаполитанскаго престола домомъ Аррагонскимъ. Альфонсъ V, умирая, завѣщалъ королевство сыну своему, Фердинанду; Карлъ Мэнь, послѣдній наслѣдникъ Анжуйскаго дома, не будучи въ состояніи противиться, передалъ свои титулы Людовику XI и его преемникамъ. Людовикъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ это сомнительное дѣло; притомъ же присутствіе его было необходимо въ собственныхъ владѣніяхъ. Карлъ, обрадованный представлявшимися правами, рѣшился поддержать ихъ оружіемъ. Успѣхъ казался несомнѣннымъ: Фердинандъ, король Неаполитанскій, былъ ненавидимъ Неаполитанцами за ненасытимое корыстолюбіе, за меркантильныя спекуляціи, недостойныя монарха. По недовѣрчивости и подозрѣніямъ, онъ ни кому не давалъ пощады, и вооружилъ противу себя гордое и сильное дворянство. Посредственный умъ и несовсѣмъ пріятная наружность, не могли ни извинить его пороковъ, ни скрыть ихъ въ глазахъ народа. Ученые, привлеченные имъ ко двору, превозносили его качества, но ихъ

похвалы, диктованныя признательностію или интересомъ, не перемѣнили общественнаго мнѣнія. Народъ даже не могъ утѣшить себя надеждою на добродѣтели преемника Фердинандова: страсти и правила его, еще въ худшемъ видѣ, отражались въ лицѣ сына его, Альфонса, герцога Калабрскаго. Слѣдовательно Карлу можно было предполагать, что Неаполитанцы не окажутъ сильнаго сопротивленія, и что этотъ народъ, легкомысленный и склонный къ новизнѣ даже и при хорошемъ правленіи, съ восторгомъ приметъ вѣсть о новомъ государѣ. Князья Санзеверины, удалившіеся изъ Неаполя отъ жестокостей Фердинанда, и желавшіе возвратиться съ торжествомъ и мщеніемъ, увеличивая неудовольствіе согражданъ и убаюкивая Карла лестными надеждами, приглашали его поспѣшить къ нимъ.

Можетъ быть, Карлъ и отложилъ бы еще на время исполненіе своего плана, если бы сама Италія не приглашала его перейти чрезъ Альпы: то были убѣдительныя просьбы Людовика Мора, человѣка хитраго и вѣроломнаго, и совѣты Французскихъ министровъ, подкупленныхъ золотомъ и обѣщаніями Людовика.

Людовикъ, сынъ знаменитаго Франциска Сфорцы и дядя юнаго Іоанна Галеаса, герцога Медіоланскаго, похитилъ регентство и опеку надъ племянникомъ у матери его, Бонны

Савойской. Онъ съ намѣренiемъ оставлялъ, умнаго и смѣлаго отъ природы, Iоанна Галеаса, въ невѣдѣнiи и слабости, чтобы именемъ его управлять Медiоланомъ. Но и этимъ не довольствовался Людовикъ: онъ самъ рѣшился быть монархомъ. Преступленiе не могло остановить его; надобно только было совершить его осторожно, чтобы вполнѣ воспользоваться плодами. Iоаннъ Галеасъ женился на Изабеллѣ, внукѣ Фердинанда Неаполитанскаго: эта принцесса, болѣе дальновидная и болѣе дѣятельная нежели ея супругъ, проникла намѣренiя Людовика. Обижаясь уничиженiемъ, въ которомъ томился Галеасъ, высокомѣрнымъ обхожденiемъ регента, страшась его преступныхъ замысловъ, она увѣдомила Неаполитанской дворъ объ угрожавшемъ Медiолану переворотѣ. Фердинандъ и Альфонсъ изъявили свою готовность предупредить зло и наказать Людовика. Папа Александръ VI также обѣщалъ вспомоществованiе, предвидя, что раздоры Италiи будутъ содѣйствовать его собственному возвышенiю и возвышенiю Цезаря Борджiи. Петръ Медичи, управлявшiй Флоренцiею, единственно изъ уваженiя къ добродѣтелямъ и генiю его предковъ, также примкнулъ къ дѣлу юнаго Галеаса, и хотѣлъ способствовать къ низложенiю Людовика Мора.

Существованiе, силы и намѣренiя этого союза не могли укрыться отъ прозорливости Людо-

вика, и сильно его безпокоили. Такимъ образомъ основныя начала политическаго равновѣсія были уже извѣстны въ Италіи, тогда какъ прочая Европа не имѣла объ немъ ни малѣйшаго понятія. Сосѣдство многихъ государствъ, возбуждавшихъ взаимное опасеніе, и бывшихъ въ состояніи противиться другъ другу, было причиною, что въ Италіи рано почувствовали необходимость принять такія благоразумныя мѣры, которыя служатъ залогомъ права, и которыя съ малаго театра перешли потомъ на обширнѣйшій. По примѣру древне-Греческихъ державъ, Италіянскія государства строго и завистливо наблюдали другъ за другомъ, и соединяя или раздѣляя свои выгоды и силы, старались утвердить свою независимость. Слѣдственно въ то время, когда южныя государства соединялись противъ Людовика, онъ могъ надѣяться найти союзниковъ на сѣверѣ. Венеція, Піэмонтъ, Феррара, Болонья, Модена и Мантуя могли, въ этомъ равновѣсіи, образовать силу противудѣйствующую Неаполю, Флоренціи и папской власти. Людовикъ Моръ зналъ, что Медіоланскіе союзники будутъ защищать это герцогство противъ Неаполя; но онъ зналъ также, что они будутъ трудиться не въ его пользу, а въ пользу Галеаса: ему извѣстны были ненависть и презрѣніе къ себѣ большей части сосѣдей.

Эта ненависть и это презрѣніе были спра-

ведливы. Людовикъ Моръ обладалъ умомъ тонкимъ, дѣятельнымъ, проницательнымъ, и не имѣлъ также недостатка въ свѣдѣнiяхъ, но нравственности онъ былъ чуждъ. Правила справедливости казались ему полезною маскою и хорошимъ средствомъ къ какому нибудь поступку. Угадывая мысли другихъ, но скрывая свои, вѣрно зная вкусы, виды, качество и недостатки своихъ сосѣдей, онъ съ каждымъ изъ нихъ говорилъ особеннымъ языкомъ. Скорый на обѣщанiя, потому что игралъ ими, расточительный на клятвы, равнодушный ко всѣмъ дѣйствiямъ, онъ не зналъ другаго правила, кромѣ своей выгоды, кромѣ успѣховъ своего честолюбiя; онъ достоинъ былъ служить прототипомъ Макiавелевскаго государя, относительно лукавства, вѣроломства и привычки къ обманамъ. Все это, вопреки сказанiямъ нѣкоторыхъ писателей, отнюдь не было слѣдствiемъ высшаго генiя; умъ Людовика не былъ обширенъ; виды его не были видами государственнаго человѣка; онъ былъ превосходенъ въ подробностяхъ, но не въ цѣломъ; даже часто Людовикъ запутывался самъ въ своихъ хитростяхъ, и чтобы выйти изъ затруднительнаго положенiя, составлялъ еще большiя, такъ что настоящее занимало его болѣе будущаго. Такой-то человѣкъ, рожденный къ несчастiю Италiи, рѣшился призвать иностранцевъ въ сiю прекрасную страну съ тѣмъ, чтобы про-

ложить себѣ путь къ престолу. Онъ не обращалъ на то вниманія, что эта мѣра преисполнитъ Италію бѣдствіями войны, лишь бы только осуществить свои проекты и быть монархомъ. Хотя мѣра сія могла угрожать ему самому опасностями новаго рода, т. е. что онъ долженъ былъ опасаться посредничества чуждой державы за свою независимость и, можетъ быть, остаться при одномъ титулѣ, однако онъ такъ занялся предметомъ своего честолюбія, что не смотрѣлъ на слѣдствія, или онъ надѣялся легко избавиться отъ друзей, коль скоро не будетъ имѣть въ нихъ нужды; короче, онъ пригласилъ Французскаго короля въ Италію.

Карлъ, дышавшій только военною славою, долгое время питавшійся самыми химерными проектами, съ удовольствіемъ принялъ пред- 1493.
ложеніе Людовика и папы, который отложился отъ Неаполитанскаго союза. Иначе и не могло быть: предложеніе это вполнѣ согласовалось съ его вкусомъ и владычествующими идеями. Министры поддерживали его въ этомъ. Стефанъ de Vex, изъ простаго служителя возвысившійся до достоинства сенешаля, дѣйствовалъ за одно съ Вильгельмомъ Бриссоне, епископомъ Сенъ-Мало. Эти два любимца Карла только льстили его наклонностямъ и превозносили похвалами его предначертанія, потому что оба они были подкуплены Людовикомъ. Одному обѣщали герцогство въ Неапо-

литанскомъ королевствѣ, другому кардинальскую шапку; слѣдственно, на совѣтѣ, они всѣми силами утверждали о необходимости похода въ Италію. Тщетно адмиралъ Гравиллъ, совѣтникъ дальновидный и искренній, съ намѣреніями чистыми, мужъ глубокаго ума, побѣдоносно опровергалъ намѣреніе короля; тщетно представлялъ ему трудности предпріятія, недостатокъ въ деньгахъ, вѣроломство Людовика, неуспѣхъ и наконецъ, что Франція, даже при счастливой войнѣ, только потерпитъ потери: гласъ добродѣтельнаго сановника не былъ услышанъ; Стефанъ de Vex и Бриссоне противупоставили логику страстей логикѣ разсудка: война была объявлена.

Англія, Испанія и Австрія не могли безпокоить Французскаго короля, потому что онъ большими пожертвованіями купилъ ихъ неутралитетъ; кромѣ того, державы сіи должны были содѣйствовать сами тому предпріятію, которое, вдали отъ нихъ, истребитъ силы и средства могущественнаго и опаснаго сосѣда. Карлъ занялся приготовленіями; на время отсутствія ввѣрилъ правленіе государствомъ герцогу Бурбонскому, и опредѣлилъ въ области правителей испытанной вѣрности. На великолѣпномъ Ліонскомъ турнирѣ, окруженный избраннымъ дворянствомъ, онъ объявилъ свои намѣренія; рыцарскія идеи воспламенились; всѣ вельможи, помышляя только о войнѣ и о

славѣ, рукоплескали объявленію короля и горѣли нетерпѣніемъ слѣдовать за нимъ. Это происходило въ августѣ: маршалъ Desquerdes, главноначальствующій надъ войскомъ, хотѣлъ дождаться весны для открытія кампаніи, но ни кто не могъ удержать нетерпѣливаго Карла. Desquerdes внезапно скончался, къ общему сожалѣнію. Между множествомъ храбрыхъ и предпріимчивыхъ воиновъ, мало было людей опытныхъ, способныхъ двигать массою арміи. Оказался недостатокъ въ деньгахъ,—заняли въ Генуѣ и Медіоланѣ; Людовикъ много обѣщалъ, но мало далъ, и король за двѣсти тысячъ ливровъ заложилъ часть своего имѣнія. Всѣ средства казались ему приличными. Онъ оставляетъ Ліонъ, предводительствуя войскомъ. Войско состояло изъ тысячи шести сотъ копейщиковъ, двѣнадцати тысячъ пѣхоты Швейцарской или Гасконской, многочисленнаго корпуса волонтеровъ, до двадцати четырехъ тысячъ; артиллерія простиралась до ста сорока орудій. Самого Карла сопровождали сто придворныхъ и четыреста стрѣльцовъ. До сего времени не видали арміи, болѣе блистательной, и такъ хорошо дисциплинированной. Кавалерія, вся составленная изъ отборныхъ людей, была вооружена богато; пѣхота умѣла маршировать, сражаться, отступать массою и сомкнутыми рядами; пушки отличались легкостію и удобствомъ. Италія устрашилась при появле-

нiи такого войска; Европа дивилась новому зрѣлищу; сама Францiя съ изумленiемъ смо-
1494. трѣла на свои силы.

Общее собранiе войскъ было назначено въ Асти. Карлъ отправился чрезъ Гренобль, и вступилъ въ Альпы изъ Дофине. Бланка Монферратская, вдова герцога Савойскаго, открыла ему свободный проходъ чрезъ горы, послала на встрѣчу малолѣтнаго своего сына, приняла великолѣпно короля, даже предложила ему свои бриллiанты для залога, по издержкамъ войны. Ничто, по видимому, не могло задержать Французской армiи,—какъ вдругъ Карлъ заболѣлъ оспою; однако жъ чрезъ семь дней, преведенныхъ въ Асти, онъ былъ уже внѣ опасности, и между тѣмъ получалъ хорошiя извѣстiя о своихъ войскахъ. Герцогъ Орлеанскiй и Обиньи уничтожили намѣренiя Неаполитанскаго короля.

Фердинандъ не существовалъ: страхъ и безпокойство ускорили его кончину. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Альфонсъ, который составилъ планъ напасть на Людовика Сфорцу и уничтожить его до прибытiя Французовъ въ Италiю. Съ этою цѣлiю онъ хотѣлъ проникнуть въ Медiоланъ, со стороны Генуи и Романьи; но былъ предупрежденъ: герцогъ Орлеанскiй прибылъ въ Геную съ двумя тысячами Швейцарцевъ и съ флотомъ, который хотя и уступалъ Неаполитанскому, но принудилъ короля удалиться. Обиньи съ тремя стами Французскихъ и пятью

стами Италіянскихъ копейщиковъ, подъ предводительствомъ графа Каяццо, остановилъ войска, шедшія чрезъ Романью въ значительномъ числѣ. Между тѣмъ выздоровѣлъ Карлъ; выступилъ въ походъ, прошелъ Аппенины, и нигдѣ не встрѣтилъ сопротивленія. Флоренція, союзница Неаполя, могла и должна была воспротивиться Французамъ. Монпансье взялъ приступомъ Фивицано, первую крѣпость Флорентинцевъ. Это распространило всеобщій ужасъ, и Петръ Медичи поспѣшилъ вступить въ переговоры. Неспособный отклонить отъ отечества опасности, которыхъ самъ былъ причиною по союзу съ Неаполемъ, недостойный преемникъ великихъ людей, нѣсколько разъ спасавшихъ Флоренцію, Петръ совѣтовался только съ своею робостію и предложилъ Французамъ переговоры. Постыдный трактатъ, заключенный съ ними, возмутилъ Флорентинцевъ. Медичи переодѣлся въ платье слуги и бѣжалъ; Бентиволіо, другъ его въ счастіи, не принялъ его въ Болоньѣ. Вмѣсто того, чтобы остаться поблизости Флоренціи и ожидать дѣйствій своихъ приверженцевъ, онъ удалился въ Венецію. Флорентинцы, возобновивши переговоры съ Французскимъ королемъ, получили отъ него выгодныя условія и обѣщали отворить городскія ворота. Карлъ, спѣшившій впередъ, соглашался на всѣ просьбы; пылкое краснорѣчіе и вдохновенный тонъ Іеронима Саванаролы по-

служили къ пользѣ Флорентинцевъ. Этотъ странный человѣкъ, изъ знаменитой Падуанской фамиліи, сынъ врача герцога Феррарскаго, соединялъ въ себѣ всѣ роды фанатизма или, можетъ быть, только соблюдалъ одну наружность фанатика, чтобы удовлетворить своему честолюбію и страстямъ. Неистовый проповѣдникъ, дерзкій демагогъ, онъ испрашивалъ у Неба орудія для владычества надъ землею; обманывалъ другихъ, а иногда и самого себя; хотѣлъ свободы Флоренціи и реформы въ Церкви; изгналъ Медичи и тоже готовилъ папѣ, чтобы захватить власть того и другаго. Его пламенное воображеніе, неукротимая запальчивость и хитрая месть овладѣли на время умомъ Карла, ласкавшаго гордость Флоренціи и склонявшагося на ея желанія. Но, по легкомыслію и по привычкѣ ни кому ни въ чемъ не отказывать, Карлъ разрушилъ свое твореніе, даровавъ свободу Пизѣ, угнетенной Флорентинцами. Неосмотрительный поступокъ сей отдалилъ отъ него этотъ народъ, котораго дружбою онъ
1494 долженъ былъ дорожить, для поддержанія сво-
17 ноября. его предпріятія. Изъ Флоренціи, куда онъ имѣлъ торжественный въѣздъ, походъ продолжался счастливо, и уже изъ Сіенны Французы угрожали Риму.

Папа рѣшительно не имѣлъ никакихъ средствъ къ защитѣ; безъ существенной силы онъ не могъ полагаться на силу мнѣнія, ко-

торое, вооружилъ противъ себя своими пороками. Нерѣшительный и робкій, Александръ не зналъ что дѣлать: ожидать побѣдителя, или бѣжать. Наконецъ онъ рѣшился удалиться въ замокъ Св. Ангела. Карлъ вступаетъ въ Римъ, оставленный тотчасъ же Неаполитанскими войсками, безъ сопротивленія. Въѣздъ былъ ночью, при свѣтѣ факеловъ, отражавшихся на блестящихъ оружіяхъ: это была прекраснѣйшая минута въ жизни короля. Римляне, съ удивленіемъ и страхомъ взирая на такое зрѣлище, не знали, что подумать и на что рѣшиться. Карлъ, въ упоеніи воспламененнаго воображенія, едва удовлетворявшаго чувству собственнаго величія, помышляя о всѣхъ историческихъ герояхъ, ставилъ себя наравнѣ съ тѣми, которыхъ Римъ почтилъ тріумфомъ. Александръ не удержался въ стѣнахъ замка Св. Ангела: сдался непріятелю, заключилъ съ нимъ невыгодный трактатъ, съ намѣреніемъ уничтожить его въ благопріятное время. Французскій король, какъ побѣдитель, оказалъ побѣжденному почести, приличныя ему какъ первосвященнику, но вовсе несоотвѣтственныя какъ человѣку, въ нравственномъ отношеніи.

Но въ то время, когда Карлъ наслаждался въ Римѣ полною славою, а папа расточалъ предъ нимъ обѣщанія и клятвы, въ Неаполѣ происходили важныя событія. Альфонсъ, жестокій и надменный въ счастіи, показалъ се-

бя слабымъ, малодушнымъ при приближеніи опасности. Убѣжденный въ ненависти къ себѣ подданныхъ, устрашенный радостію народа при извѣстіи объ успѣхахъ Французскаго короля, онъ отказался отъ престола въ пользу сына своего, Фердинанда; онъ надѣялся, что Неаполитанцы будутъ усердно защищать дѣло юнаго государя, подававшаго лестныя надежды своими качествами; самъ же, единственно занятый собственною безопасностію, оставляетъ Неаполь, и удаляется въ Маццару, въ Сициліи. Но его удаленіе не спасло королевства. Карлъ, узнавши о возмущеніи, поспѣшилъ оставить Римъ, вытребовавши у Александра Зизима и Цезаря Борджіо, какъ заложниковъ. Папа еще прежде продалъ жизнь Зизима Баязету; его отравили ядомъ предъ выдачею Французамъ, и несчастный кончилъ жизнь въ ихъ лагерѣ. Борджія спасся. Карлъ долженъ бы былъ отмстить за смерть Зизима, и обратить свое вниманіе на вѣроломство Александра; но увѣренный въ счастіи, онъ отправился къ Неаполю, не предвидя, или не опасаясь враждебныхъ намѣреній папы. Въ самомъ дѣлѣ, побѣда осталась вѣрною Французскимъ знаменамъ. Юный Фердинандъ, почитая умы народа расположенными къ сопротивленію, собралъ войско, которое заняло выгодную позицію на берегахъ Гарильяно. Очарованіе Фердинанда скоро кончилось. При первомъ

появленіи Карлова авангарда, Неаполитанцы обратились въ бѣгство, разсѣялись по городамъ, и такимъ образомъ ускорили торжество Французовъ. Фердинандъ, приведенный въ отчаяніе низкимъ поступкомъ войскъ, сдѣлалъ послѣднее покушеніе: онъ хотѣлъ пріобрѣсти сожалѣніемъ и удивленіемъ то, чего не могъ получить уваженіемъ и любовію. Народъ былъ созванъ въ Неаполѣ; въ патетической рѣчи король изъявилъ желаніе отказаться отъ престола, разрѣшилъ подданныхъ отъ присяги въ вѣрности, и сожалѣлъ, что не могъ составить ихъ счастія. Онъ надѣялся произвести въ свою пользу великодушное дѣйствіе; но хотя несчастіе сдѣлало его краснорѣчивымъ, однако народъ выслушалъ рѣчь равнодушно, и только жаждалъ новостей. Несчастный государь, не желая попасть въ руки непріятелей, съ горестію оставилъ столицу и удалился съ нѣкоторыми членами семейства и съ сокровищами на островъ Искію, для ожиданія временъ счастливѣйшихъ. Карлъ продолжалъ свой торжественный походъ; ничто не противилось 1495
ему; всѣ города спѣшили отворять ворота; по- 14 Февраля.
бѣдитель вступилъ наконецъ въ Неаполь, при рукоплесканіяхъ несмѣтнаго множества народа, кидавшаго ему цвѣты и привѣтствовавшаго его какъ освободителя Италіи.

ГЛАВА IV.

Союзъ противъ Карла VIII. — Французы лишаются Италіи. — Смерть Карла.

Карлъ прошелъ чрезъ всю Италію болѣе какъ законный государь, нежели какъ побѣдитель, потому что нигдѣ не встрѣчалъ сопротивленія. Число и превосходство войскъ, отличная артиллерія, быстрота похода, отсутствіе связи между непріятелями, паническій страхъ Петра Медичи, поведеніе Александра VI, слабость Неаполитанскаго короля, разрѣшившаго подданныхъ отъ присяги въ ту минуту, когда надобно было соединить ихъ противъ Французовъ — все благопріятствовало Карлу, и событія оправдывали совѣты де Вех и Бриссоне. Король торжествовалъ, и повидимому достигъ цѣли своего предпріятія.

Но гораздо труднѣе было удержать за собою завоеванія. Счастіе исполнило свою ролю; мудрость, умѣренность, предусмотрительность должны были утвердить созданіе фортуны, а Карлъ сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы разрушить его. Упоенный успѣхами, онъ занялся удовольствіями и празднествами. Бриндизи и Галлиполи, многіе города въ Калабріи и, между прочимъ, Реджіо, остались на сторонѣ Фердинанда; на эти города не обратили вниманія, тогда какъ они могли служить сбор-

нымъ мѣстомъ для враговъ. Дворянство раздѣлилось въ мнѣніи; домъ Аррагонскій имѣлъ еще своихъ приверженцевъ. Вмѣсто того, чтобы привлечь на свою сторону дворянство уваженіемъ его собственности, Карлъ, всегда неосмотрительный и великодушный къ благу другаго и своему собственному, по совѣту придворныхъ, раздѣлилъ между ними земли. Народъ принялъ Французовъ съ восторгомъ; легко было поддержать его въ этомъ чувствѣ, лаская его гордость, уважая его предразсудки и собразуясь съ его обычаями; но Французы поступали совершенно иначе: ни въ чемъ не отказывали себѣ для удовлетворенія страстей; явно презирали нравы, обычаи, мнѣнія Неаполитанцевъ. Изъ національной гордости, усиленной успѣхами, они смотрѣли на Италіянцевъ какъ на варваровъ, и считали для нихъ честію свои побѣды. Неаполитанцы, забывши прежнія оскорбленія Аррагонцевъ, изъявили тайныя желанія касательно возстановленія ихъ владычества. Карлъ, погруженный въ удовольствія, не зналъ объ этой перемѣнѣ, столь для него пагубной; онъ забылъ о предпріятіяхъ своихъ на Грецію, которыя, можетъ быть, частію и исполнилъ бы въ это время; онъ не думалъ о впечатлѣніи, произведенномъ его успѣхами на державы верхней Италіи. Въ такомъ-то непонятномъ бездѣйствіи онъ ничего не видалъ, ничего не боялся, ни объ чемъ не ду-

малъ, а полагалъ, что онъ также твердъ на престолѣ Неаполитанскомъ, какъ и на Французскомъ, ожидая между тѣмъ времени коронованія своего императорскими украшеніями.

Напротивъ, его враги и вѣроломные друзья, болѣе дѣятельные и еще болѣе опасные, составили планъ изгнать его изъ Италіи, и приготовляли къ тому средства. Людовикъ Моръ, достигнувъ коварной своей цѣли, первый замѣтилъ свою ошибку. Несчастный Галеасъ, отравленный дядею, скончался въ то время, когда Карлъ былъ еще въ Піаченцѣ. Думая только о своемъ предпріятіи, Карлъ скрывалъ свои чувства, вопреки справедливому негодованію цѣлой арміи, громогласно требовавшей наказанія за такое ужасное преступленіе. Людовикъ же, достигнувъ престола злодѣйствомъ, наслаждался плодами своего преступленія; но, чтобы дать законный видъ похищенію и имѣть залогъ, онъ выпросилъ за деньги инвеституру на Медіоланъ у Максимиліяна. Императоръ, всегда корыстолюбивый, потому что всегда былъ бѣденъ, и даже женившійся на племянницѣ Людовика, призналъ его владѣтелемъ Медіолана. Тогда-то Людовикъ, видя власть свою утвержденною, началъ безпокоить успѣхами Французовъ. Измѣняя свои поступки, но имѣя въ виду одну цѣль, онъ вознамѣрился или изгнать изъ Италіи призванныхъ имъ Французовъ, или приготовить имъ могилу. Герцогъ Орлеанскій имѣлъ права не Медіоланъ по бабкѣ

своей Валентинѣ Висконти. Карлъ оставилъ его въ Асти съ отрядомъ войскъ, для поддержанія сообщенія съ Франціею. Герцогъ овладѣлъ Новарою; пользуясь обстоятельствами, онъ могъ надѣяться на успѣхъ. Даже самъ Карлъ могъ думать о покореніи Медіолона, если бы и не нужно было наказывать Людовика. Медіоланскій герцогъ не былъ такимъ человѣкомъ, который колебался между политикою и признательностію; скорѣе онъ вовсе не зналъ послѣдней, и только думалъ о своей безопасности. Проектъ союза противъ Карла образовался въ его головѣ, способной на такія дѣла, а дѣятельность привела его въ исполненіе.

Неблагоразумный король Французскій самъ приготовилъ стихіи этого союза, и, по легкомыслію своему, былъ причиною недовѣрчивости всѣхъ державъ и вмѣстѣ съ тѣмъ надежды ихъ на успѣхъ. Людовикъ вооружилъ противъ него императора Максимиліяна, Филиппа Красиваго, эрцъ-герцога Австрійскаго, владѣтеля Нидерландъ, Фердинанда Католика и Венеціянъ. Максимиліянъ, не сомнѣваясь въ намѣреніяхъ Карла на Константинополь, и полая, что онъ пріобрѣлъ отъ Андрея Палеолога его титулъ, особенно былъ раздраженъ тѣмъ, что Французскій король, во время вступленія своего въ Неаполь, приказалъ нести предъ собою императорскую державу, и тѣмъ предъявлялъ свои притязанія на корону Германскую. Кромѣ того,

Максимиліанъ боялся, чтобы Франція не овладѣла Медіоланомъ, да и по характеру своему, дѣятельному и непостоянному, онъ готовъ былъ участвовать во всѣхъ предпріятіяхъ. Фердинандъ не имѣлъ никакой личной вражды съ Карломъ; но по глубокому уму своему, онъ предвидѣлъ всѣ отдаленныя слѣдствія событій. Онъ также любилъ вмѣшиваться въ дѣла, потому что умѣлъ извлекать пользу и уклоняться отъ вреда. Филиппъ Красивый принялъ сторону отца своего, Максимиліана, и Фердинанда, на дочери котораго хотѣлъ жениться; но болѣе здравая политика заставляла его принимать всѣ мѣры для ослабленія Французовъ. Венеціяне сохраняли мудрый неутралитетъ при прибытіи Карла въ Италію; быстрыя его завоеванія и поступокъ въ Пизѣ, справедливо взволновали ихъ: они опасались, нѣтъ ли намѣренія возвратить свободу тѣмъ Италіанскимъ городамъ, которые утратили ее? Притомъ же Венеціяне чувствовали, что они ничѣмъ не жертвуютъ, объявляя себя противъ Карла въ сію критическую минуту, а надѣялись пріобрѣсти нѣкоторые приморскіе города отъ Неаполя. Александръ VI, не объявляя себя противникомъ, тайно участвовалъ въ союзѣ. Еще до сего времени онъ старался вооружить Баязета II противъ Карла, и съ этимъ-то намѣреніемъ погубилъ несчастнаго Зизима.

Переговоры производились въ Венеціи съ та-

кою тайною, что самъ Комминъ *), посланный туда своимъ государемъ въ началѣ кампаніи, чтобы поблагодарить Венеціянъ за ихъ услуги, при всей своей проницательности, не зналъ о существованіи союза. Дожъ извѣстилъ его объ этомъ, и онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ празднествъ по сему случаю. Карлъ получилъ отъ него увѣдомленіе объ угрожавшей опасности, и хотя не зналъ какъ предупредить ее, однако жъ освободился отъ летаргическаго сна: собралъ войска, съ намѣреніемъ возвратиться во Францію тѣмъ самымъ путемъ, которымъ шелъ въ Неаполь, и началъ стараться, чтобы непріятели не могли заградить ему прохода чрезъ Аппенины. Это было единственное средство; флота онъ не имѣлъ, слѣдственно не могъ получить изъ Франціи ни вспоможенія, ни отправиться туда моремъ. Кромѣ того, на несчастный случай онъ не сберегъ и денегъ, а армія простиралась только до девяти тысячъ человѣкъ. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ нельзя было оставить достаточнаго количества силъ для удержанія его; но изъ тщеславія, Карлу не хотѣлось лишиться своихъ завоеваній, и потому онъ отрядилъ пятьсотъ воиновъ и двѣ тысячи пятьсотъ Швейцарцевъ, подъ начальствомъ Обиньи, для сохраненія покорныхъ провинцій. Жильбертъ Бурбон-

*) Нѣкоторые историки говорятъ, что Комминъ проникнулъ въ тайны союза, но слишкомъ поздно.

скій, графъ Монпансье, наименованъ былъ правителемъ всего королевства. Обратный походъ Карла совершился съ чрезвычайною быстротою. Изъ Рима, откуда папа бѣжалъ отъ его праведнаго мщенія, король отправился въ Сіенну. Флоренція предлагала ему деньги и войско, но по совѣту де Линьи онъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что недостойно было бы его сана возвратить Пизу Флорентинцамъ. Дефилеи, отдѣляющіе Пизу отъ Сарзаны и Сарзану отъ Понтремоли, пройдены счастливо; Нѣмецкіе солдаты на рукахъ перенесли его артиллерію почти по непроходимымъ дорогамъ. Приблизившись къ равнинамъ Ломбардскимъ, онъ прибылъ въ Форнову, селеніе, недалеко отъ Піаченцы, при подошвѣ Аппениновъ. Здѣсь онъ нашелъ сорокатысячную армію, подъ начальствомъ маркиза Мантуанскаго и графа Каяццо: она заградила ему путь. По приказанію Карла, Комминь вступилъ въ переговоры о свободномъ проходѣ короля во Францію съ войскомъ. Союзники отказали; и потому должно было прибѣгнуть къ собственному могуществу и къ храбрости солдатъ. Храбрость и твердость, оказанныя Карломъ въ этотъ знаменитый день, заглаживаютъ его многочисленныя ошибки; если до сихъ поръ онъ торжествовалъ безъ славы, то хотѣлъ быть побѣжденъ съ честію. Храбрые воины его горѣли тѣмъ же чувствомъ. Съ непостижимымъ упорствомъ Французы одолѣвали силу въ четыре

раза превосходную. Нападенiе было ужасно, но кратко; ряды Италiянскiе разсѣялись. Карлъ, подвергая жизнь свою опасности, спасенъ; остервененiе войскъ увеличивается; союзная армiя обращается въ бѣгство, оставляя на полѣ битвы четыре тысячи человѣкъ; въ плѣнъ брали мало.

Послѣ сей побѣды, Карлъ благополучно прибылъ въ Асти. Если бы онъ воспользовался первымъ страхомъ, то могъ бы наказать вѣроломнаго Людовика; но предавшись удовольствiямъ въ Трино, потерялъ время. Герцогъ Орлеанскiй запертъ былъ въ Новарѣ герцогомъ Медiоланскимъ. Осажденный многочисленнымъ войскомъ, не получая помощи, угрожаемый голодомъ, онъ хотѣлъ уже сдаться. Для спасенiя его Карлъ почелъ необходимымъ вступить въ переговоры съ Людовикомъ, и заключилъ съ нимъ Версельскiй трактатъ, въ силу котораго Францiя единственно прiобрѣла только освобожденiе Новарскаго гарнизона. Герцогъ Медiоланскiй требовалъ еще совѣщанiя съ Карломъ, который однако жъ отказался отъ него: онъ спѣшилъ во Францiю, ведя съ собою только остатки армiи.

Единственнымъ плодомъ предпрiятiя было горькое чувство потери храбрыхъ сподвижниковъ, воспоминанiе объ эфемерномъ его величiи, опасенiе стыда и насмѣшекъ и обманчивая надежда — удержать Неаполитанское королевство отправленiемъ вспомогательныхъ войскъ.

Едва только Французы оставили Неаполь,

какъ Фердинандъ, вышедъ изъ своего уединенія, возвратился на твердую землю, и съ торжествомъ былъ принятъ подданными. Народъ какъ будто хотѣлъ восторгомъ изгладить пріемъ, сдѣланный незадолго предъ тѣмъ Французамъ. Обиньи и Монпансье старались недостатокъ войска замѣнить бдительностію и дѣятельностію; храбрость солдатъ вспомоществовала имъ въ этомъ случаѣ. Фердинандъ прислалъ небольшой отрядъ на помощь Неаполитанскому королю; но этимъ отрядомъ начальствовалъ тотъ Гонзальвъ Кордуанскій, который одинъ замѣнялъ собою цѣлую армію. Полководецъ сей, извѣстный въ Исторіи подъ именемъ великаго полководца, заслуживалъ это названіе, данное ему современниками, своими дарованіями. Разсудительный, благоразумный, хитрый, въ дѣйствіяхъ своихъ употреблялъ онъ болѣе искусства нежели смѣлости. Въ вѣкъ рыцарскій онъ не имѣлъ ни праводушія, ни искренности, ни благородныхъ качествъ истиннаго рыцаря: достойное орудіе намѣреній своего монарха, столь же скрытный и хитрый, онъ открыто признавался, что успѣхъ предпочитаетъ чести. Присутствіе его ободрило Неаполитанцевъ. Хотя Обиньи и одержалъ побѣду при Семинарѣ, но она не улучшила состоянія Французовъ. Карлъ, завертѣвшійся въ вихрѣ празднествъ, какъ будто забылъ о непостоянствѣ фортуны; то же легкомысліе, съ которымъ онъ предпринималъ эту необдуманную экспедицію, утѣшало

его въ потеряхъ, когда онъ получалъ объ нихъ извѣстія. Монпансье умеръ отъ чумы, на островѣ Прочидѣ. Несчастные Французы, бѣжавшіе отъ голода, болѣзней или меча непріятельскаго, возвратились въ отечество въ жалкомъ 1496.
состояніи. Таковы были слѣдствія войны, предпринятой безъ всякой нужды, начатой при благопріятныхъ обстоятельствахъ, оконченной со славою, но безъ существенной пользы для Франціи. Война сія внушила другимъ державамъ новыя идеи; новыя опасности произвели средства къ подавленію ихъ. Союзъ, составленный въ Венеціи противъ Французовъ, есть замѣчательная эпоха въ Исторіи политики: это былъ первый опытъ, хотя несовершенный, но обильный слѣдствіями. Тогда явились неудобства, почти всегда неразлучныя при союзахъ державъ, стремящихся къ разнымъ выгодамъ, и только на минуту сближенныхъ. Всѣ хотятъ извлечь выгоды изъ союза; каждое государство имѣетъ свои частные виды, въ пользу которыхъ оно жертвуетъ, явно или тайно, общему плану, а взаимное національное соперничество и зависть препятствуютъ продолжительному согласію. Союзники не довѣряютъ другъ другу и страшатся взаимныхъ успѣховъ. Война противъ Карла VIII производилась почти исключительно на счетъ Венеціи, которая отъ того всего болѣе и потерпѣла. Члены союза, достигнувъ своей цѣли — изгнанія Французовъ изъ Италіи, заклю-

чили съ ними отдѣльные трактаты, и опасаясь другъ друга, послѣ битвы при Форновѣ не оказывали уже прежней дѣятельности.

Карлъ между тѣмъ думалъ о вторичномъ походѣ: ему хотѣлось изгладить стыдъ, отмстить за оскорбленіе и возвратить завоеванныя области. Недоставало денегъ: опять усилили подати до четырехъ сотъ тысячъ ливровъ и требовали отъ главныхъ городовъ необходимой суммы для снаряженія флота. Парижъ обязанъ былъ внести сто тысячъ экю. Однако жъ требуемыя суммы не поступали; да если бы онѣ поступили, то не были бы достаточны. Герцогъ Орлеанскій, долженствовавшій отправиться впередъ съ частію войска, боялся оставить Францію въ ту минуту, когда здоровье короля находилось въ сомнительномъ положеніи. Самъ Карлъ, вопреки обыкновенной своей живости, не спѣшилъ приготовленіями: любовь къ одной изъ придворныхъ дамъ умѣрила его пылкость. Однако жъ Италія взволновалась, начала составлять проекты союзовъ; вездѣ открылись переговоры; стали принимать всѣ мѣры для отвращенія новыхъ
7 апрѣля бѣдствій, какъ вдругъ Карлъ умеръ на двадцать
1498. восьмомъ году, отъ удара въ голову, полученнаго имъ при проходѣ чрезъ галлерею. Въ послѣднее время онъ поселился въ Амбоазѣ, гдѣ началъ строить великолѣпныя зданія, подъ надзоромъ Италіанскихъ художниковъ. Комминь говоритъ: »Oncques ne fut meilleure créature. Davantage,

la plus humaine et douce parole d'homme que jamais fut; car je crois que jamais à homme ne dit chose, qui pût lui deplaire. Къ несчастію Франціи, кротость эта обращалась въ слабость, а доброта неопредѣленнаго, двумысленнаго достоинства, не препятствовавшая удовлетворять всѣмъ порывамъ фантазіи, не удержала его ни отъ одной ошибки въ продолженіе всего царствованія. Прямое чувство, умъ вѣрный, характеръ твердый могли бы сдѣлать изъ Карла истиннаго монарха.

ГЛАВА V.

Людовикъ XII наслѣдуетъ Карлу VIII. — Покореніе Медіолана.

Смерть Карла не произвела никакой перемѣны въ политической системѣ Европы, потому что страсть къ войнѣ и къ завоеваніямъ въ Италіи перешла къ его преемнику. Эта великая ошибка въ царствованіи Людовика XII, если не уничтожила любезныхъ качествъ и прекрасныхъ дѣяній сего государя, то по крайней мѣрѣ помрачила ихъ блескъ. Онъ созданъ былъ для того, чтобы составить счастіе Франціи и чтобы утвердить свое могущество на прочномъ основаніи управленія мудраго, твердаго и дѣятельнаго. Италіянскія же войны, отнимая вре-

мя, истребляя силы его и средства, и отвлекая его вниманіе, рѣдко позволяли ему заниматься главнымъ предметомъ. Надобно соединить въ одно цѣлое всѣ добродѣтели Людовика, чтобы извинить эту болѣзнь воображенія, которая всегда влекла его къ войнѣ, и чтобы назвать его *отцемъ народа*, не смотря на разорительные походы, которые заставляли его забывать истинныя выгоды государства. Людовикъ вступилъ на престолъ въ возрастѣ зрѣломъ, и Франція могла надѣяться, что въ 36 лѣтъ онъ не будетъ имѣть ни этого безпокойнаго ума, который принимаетъ всякое движеніе за дѣятельность, ни легкомысленнаго характера, презирающаго наставленіями опытности. Первыя лѣта его юности заставляли болѣе опасаться, чѣмъ надѣяться. Людовикъ XI, страшившійся добродѣтели и ненавидѣвшій просвѣщенія, потому что хотѣлъ обманывать другихъ, вовсе не хотѣлъ дать хорошаго воспитанія юношѣ, герцогу Орлеанскому. Мать его, Марія де Клевъ, старалась не исполнять приказаній короля, и собственными уроками и примѣромъ доказывала несообразность методы, употребляемой наставниками сына. Людовикъ между тѣмъ, выходя уже изъ юношескихъ лѣтъ, не умѣлъ еще ни примѣнить своихъ силъ къ полезнымъ предметамъ, ни подавить своихъ страстей. Жертва дурныхъ совѣтовъ, льстившихъ его честолюбію, онъ на-

чалъ свою роль возмущеніемъ; былъ взятъ въ плѣнъ, послѣ сраженія при Сентъ-Обэнѣ, и въ этомъ-то состояніи узналъ школу бѣдствій, лучшую изъ всѣхъ школъ. Несчастія способствовали къ развитію прекрасной его чувствительности; опасное положеніе изощрило его прозорливость и образъ мыслей; праздность заставила трудиться. И потому, послѣ освобожденія своего, онъ явился болѣе разсудительнымъ, болѣе просвѣщеннымъ, болѣе мудрымъ, такъ что прежніе поступки, подвергнувъ его бѣдствіямъ, сдѣлались главною основою его величія. Во время Италіянской войны онъ доказалъ свое мужество и искусство. Карлъ поручалъ ему важныя дѣла, и Людовикъ всегда соотвѣтствовалъ такой великодушной довѣренности. Предпріятіе его на Новару скорѣе можно почесть за желаніе облегчить отступленіе Карлово, а не за намѣреніе доставить себѣ личныя выгоды. Бѣдствія Италіянской войны, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, могли бы явить ему урокъ разительный, но Людовикъ приписывалъ, можетъ быть, сіи бѣдствія неспособности Карла и ошибкамъ его; можетъ быть, воинственный характеръ, сообразный съ понятіями тогдашняго вѣка, увлекалъ его къ другимъ размышленіямъ, или, можетъ быть, онъ почиталъ необходимымъ дать внѣшнее занятіе кипучей дѣятельности своего народа, и въ особенности безпокойному дворянству, мо-

ный въ достоинство перваго министра, обладалъ полною его довѣренностію и, кажется, заслуживалъ ее. Происходя отъ одной знаменитой фамиліи, онъ съ раннихъ лѣтъ раздѣлялъ съ Людовикомъ всѣ его проступки и опасности, и долѣе находился въ заточеніи. Когда Людовикъ объявилъ прощеніе Ла Тримулью, сказавши, что король Французскій не долженъ мстить за оскорбленія, нанесенныя герцогу Орлеанскому, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ почиталъ справедливымъ наградить и оказанныя ему заслуги: вотъ почему Амбуазъ участвовалъ съ нимъ въ правленіи. Постепенно онъ былъ возвышаемъ въ званіе архіепископа Руанскаго, кардинала, папскаго легата, и едва не достигъ престола первосвященническаго; но заслуги его не соединялись вмѣстѣ съ такимъ быстрымъ возвышеніемъ. Обладая умомъ, познаніями и дѣятельностію, онъ болѣе отличался ловкостію придворнаго и дарованіями посредника, нежели характеромъ и видами государственнаго человѣка. Болѣе занятый собственнымъ возвышеніемъ, нежели благомъ Франціи, болѣе старавшійся о сохраненіи благоволенія Людовика, нежели о службѣ, во многихъ случаяхъ онъ доказалъ, что любилъ самого себя, а не отечество.

Если бы Людовикъ XII продолжалъ такимъ образомъ свое мирное царствованіе, то Франція могла бы быть монархіею сильною и сча-

стливою. Къ сожалѣнію, Людовикъ, невнимавшій урокамъ опытности, жаждавшій болѣе блеска, чѣмъ истинной славы, или, обманывая себя необходимостію новыхъ предпріятій, началъ приготовляться къ походу въ Италію. Онъ хотѣлъ возобновить права на Медіоланъ, по бабкѣ своей, Валентинѣ Висконти *), наказать Людовика Мора и завоевать Неаполь. Планъ этотъ льстилъ вкусу воинственнаго дворянства, для котораго движеніе и война сдѣлались необходимостію; народъ же, предвидя одни только успѣхи, торжествовалъ заранѣе и такимъ образомъ одобрялъ господствующую страсть своего государя. Людовикъ привлекъ на свою сторону папу Александра VI почестями, которыми осыпалъ недостойнаго сына его, Цезаря Борджію, выказывавшаго при Французскомъ дворѣ ту роскошь, которая была плодомъ его преступленій. Цезарь получилъ достоинство герцога Валентиноа, отрядъ изъ ста оруженосцевъ и, кромѣ того, льстился надеждою вступить въ бракъ съ сестрою королевы Наварской. Если Людовикъ поступалъ такъ съ симъ чудовищемъ, то конечно это была одна изъ величайшихъ жертвъ, принесенныхъ имъ

---

*) Людовикъ XII былъ внукъ Людовика, герцога Орлеанскаго, брата Карла VI и Валентины, единственной сестры послѣдняго герцога изъ фамиліи Висконти и единственной его наслѣдницы.

политикѣ. Въ это время Борджія, думая только о верховной власти, которую надѣялся получить чрезъ Людовика XII, оставилъ управленіе Церковію. Венеціяне должны были раздѣлить съ Французами герцогство Медіоланское; Кремона и земли по берегамъ Эча обѣщаны имъ были Людовикомъ, если только они поддержатъ его предпріятіе. Сенатъ согласился на такое условіе, можетъ быть, потому, что увлекся идеею обладанія прекрасными областями, и забылъ объ опасностяхъ, которыя могли угрожать республикѣ, если Французскій король завладѣетъ Медіоланомъ. Впрочемъ, можетъ быть, сенатъ также надѣялся, что Французы не удержатся въ завоеванныхъ земляхъ. Въ этомъ случаѣ политика его, дурная или хорошая, смѣшала вмѣстѣ всѣ надежды и уничтожила всѣ расчеты. Франція, съ своей стороны, не могла опасаться Максимиліяна: онъ былъ занятъ несчастною войною съ Швейцарцами, и слѣдственно не могъ вмѣшиваться въ дѣла Италіи.

Бдительный Людовикъ Моръ предвидѣлъ бурю, готовую надъ нимъ разразиться, и потому старался противопоставить врагамъ союзника своего, короля Неаполитанскаго, Флорентинцевъ, герцога Феррарскаго и маркиза Мантуанскаго. Но Фридрихъ, дядя и преемникъ Фердинанда Неаполитанскаго, мало имѣлъ способовъ къ войнѣ, а еще менѣе той дѣятельно-

сти, которая, при хорошемъ употребленіи, усиливаетъ способы. Флоренція, допустивъ Саванаролу захватить излишнюю власть, по внушенію папы Александра VI, предала его смертной казни. Надѣясь возвратить Пизу, она желала поддержать Людовика Мора, но рѣшительность ея была медленна и силы не велики. Герцогъ Феррарскій отказался отъ предложеній своего зятя, который лишилъ его Полезины д'Есте, а маркизъ Мантуанскій, который по личнымъ качествамъ могъ имѣть большой вѣсъ въ союзѣ, ожидалъ начала самаго дѣла. Слѣдовательно Людовикъ Моръ остался при своихъ только силахъ, впрочемъ значительныхъ. Денегъ у него было много, а въ то время съ деньгами можно было имѣть и войско. Не имѣя воинскихъ дарованій и даже личной храбрости, онъ принужденъ былъ ввѣрить армію такимъ людямъ, которые или не могли поддержать его дѣла, или могли измѣнить ему. Сфорца имѣлъ даръ предупреждать опасности, предвидѣть переломъ событій, а иногда и отдалять ихъ; но у него не доставало той силы и той душевной твердости, которыя, стоя выше обстоятельствъ, покоряютъ ихъ себѣ и владычествуютъ надъ ними.

Подъ предводительствомъ Тривюльса, д'Обиньи и графа де Линьи, Французы выступили въ походъ. Войско, состоявшее изъ тысячи шестисотъ копейщиковъ и тринадцати

тысячъ мушкетеровъ, въ томъ числѣ пяти тысячъ Швейцарцевъ, перешло чрезъ Альпы въ исходѣ іюля. Юный Филибертъ, герцогъ Савойскій, за извѣстную сумму денегъ пропустилъ Французовъ. Силы герцога Медіоланскаго почти равнялись силамъ короля Французскаго, съ тою разницею, что воины не были такъ храбры и одушевлены. Сильнаго сопротивленія Французы нигдѣ не встрѣчали. Крѣпости сдавались, или по ненависти къ своему государю, или по вѣроломству начальниковъ. По первому требованію сдались Валенція, Базиньяна, Вогера и Тортона. Галеасъ Сенъ Северинъ, графъ Каяццо, два полководца Людовика, удалились при приближеніи непріятеля. Людовикъ старался усильными просьбами и слезами вооружить всѣхъ жителей Медіолана; но зная, что народъ, нелюбившій его, не сдѣлаетъ никакихъ пожертвованій, бѣжалъ изъ столицы въ Инспрукъ, въ надеждѣ укрыться у Максиміліана. Въ двадцать дней Медіоланъ былъ завоеванъ; торжественно вступилъ Людовикъ въ столицу своего врага; осыпалъ благодѣяніями народъ, и обѣщалъ еще большія. Маршалъ Тривюльсъ, Медіоланскій сеньоръ, назначенъ правителемъ покоренной области. Этотъ необдуманный выборъ не понравился новымъ подданнымъ Людовика, потому что Тривюльсъ былъ изъ партіи Гвельфовъ. Надменный, гордый, жестокій, онъ всѣхъ вооружилъ противъ

себя, тогда какъ надобно было кротостію пріобрѣтать всеобщую довѣренность.

Пока сѣмена неудовольствія еще таились и ожидали благопріятнаго случая къ полному развитію, Людовикъ Сфорца старался привлечь на свою сторону Швейцарцевъ за значительную сумму денегъ. Храбрые горцы, ослѣпленные своими успѣхами, почитая себя непобѣдимыми, начали болѣе дѣйствовать по страсти и интересу; обѣщанныя Медіоланскимъ герцогомъ деньги заставили ихъ забыть обязанности относительно Франціи; они стали какъ будто опасаться честолюбивыхъ замысловъ Людовика XII, и въ числѣ восьми тысячъ спустились въ долины Медіоланскія. Сфорца тотчасъ же возвратилъ все потерянное; Французы остались при одной Новарѣ. Однако жъ торжество его было кратковременно. Въ апрѣлѣ того же года Французы снова напали на Медіоланъ съ силами значительнѣйшими. Швейцарцы, служившіе въ войскѣ Людовика XII, отклонили своихъ соотечественниковъ, бывшихъ въ арміи Мора, отъ союза съ нимъ. Тщетно призывалъ онъ ихъ къ себѣ просьбами, обѣщаніями и угрозами; Швейцарцы дозволили ему только спастись въ одеждѣ Францисканскаго монаха; но и это не удалось: Французы узнали его, схватили и отвезли въ замокъ де Лошъ, въ Берри, гдѣ онъ и провелъ остальную жизнь. Ни кто не вступился за него, потому что всѣ его ненави-

дѣли. Окруженный одними воспоминаніями, сожалѣніемъ и тщетною надеждою когда либо вступить на престолъ, видя плодомъ своихъ преступленій одно горькое чувство ихъ безполезности, Людовикъ кончилъ жизнь послѣ про-
1510. должительнаго заключенія.

Французскій король, снова обладая Медіоланомъ и почитая себя упроченнымъ въ этомъ завоеваніи, составилъ проектъ нападенія на Неаполь. Максимиліянъ, къ которому удалились оба сына Людовика, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на Французовъ въ Ломбардіи, и желалъ бы ихъ выгнать оттуда, но дѣла Германіи, недостатокъ въ деньгахъ, убѣжденія сына его, Филиппа, заставили его вступить въ переговоры съ Людовикомъ, которому онъ обѣщалъ инвеституру на герцогство. Со стороны Фердинанда Католика, Французскій король могъ ожидать большихъ препятствій сколько по его могуществу, по связямъ съ линіею дома Аррагонскаго, царствовавшаго въ Италіи, столько и по глубокой и вѣрной его политикѣ. Въ слѣдствіе сего Людовикъ тайно предложилъ ему раздѣлъ замышляемаго завоеванія, полагая, что призваніемъ Фердинанда въ Италію онъ ничего не потеряетъ, пріобрѣтая половину Неаполя. Обрадованный симъ предложеніемъ, Фердинандъ, въ надеждѣ получить въ послѣдствіи гораздо больше, согласился на раздѣлъ, не останавливаясь на мысли, что низвергаетъ государя кровнаго, который никогда не

хотѣлъ и не могъ вредить ему. Испанскій король предпочиталъ политическія дѣла священнѣйшимъ правамъ, Французскій король—ложные расчеты честолюбія истиннымъ выгодамъ.

Подъ начальствомъ Стуарта д'Обиньи, Французская армія двинулась къ Неаполю; Фердинандъ свое войско отправилъ на превосходномъ, многочисленномъ флотѣ, подъ предводительствомъ Гонзальва Кордуанскаго, увѣряя между тѣмъ Неаполитанскаго короля въ дружбѣ. Легковѣрный государь размѣстилъ своихъ тайныхъ враговъ по нѣкоторымъ городамъ. Съ прибытіемъ д'Обиньи Испанцы объявили себя противъ Фридриха, который, не надѣясь на защиту, самъ распустилъ войско, находившееся въ Сенъ-Жерменѣ, Аверзо и Капуѣ. Города сіи сдались Французамъ. Несчастный Фридрихъ, съ четырьмя дѣтьми, былъ отвезенъ на островъ Искію; но почитая себя не въ безопасности отъ вѣроломнаго Фердинанда, вступилъ въ переговоры съ Людовикомъ, болѣе великодушнымъ, чувствительнымъ и вѣрнымъ въ данномъ словѣ. Французскій король обѣщалъ ему графство Мэнъ въ замѣну тѣхъ земель, которыя Фридрихъ, въ слѣдствіе раздѣльнаго трактата, долженъ удержать за собою въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Парламентъ воспротивился этому обмѣну. Людовикъ, чтобы вознаградить Фридриха, назначилъ ему значительную на содержаніе сумму денегъ. Монархъ, несправедливо низверженный съ престола, ста-

рался въ пріятностяхъ частной жизни забыть о своемъ величіи и бѣдствіяхъ: подъ прекраснымъ небомъ Турени музы утѣшали его въ
1504. несправедливости людей. Онъ умеръ въ Турѣ, безъ сожалѣнія и раскаянія.

Едва только Фридрихъ удалился изъ своихъ владѣній, простившись съ ними навсегда, какъ Фердинандъ и Людовикъ уже поссорились между со-
15 ноября 1500. бою. По раздѣльному трактату, заключенному между королями Французскимъ и Испанскимъ, и ратификованному въ Гренадѣ, Фердинандъ долженъ былъ получить Апулію и Калабрію. Остальное, вмѣстѣ съ столицею и титуломъ Неаполитанскагокороля, доставалось на долю Людовика. Раздѣлъ сей, взволновавшій и устрашившій Европу, могъ бы повлечь за собою многочисленныя слѣдствія, если бы не легко было предвидѣть раздора между раздѣлившими. Раздоръ открылся; начали спорить объ округахъ Базиликатѣ и Капитанатѣ, лежавшихъ между областями обоихъ государей. Людовикъ думалъ кончить споръ полюбовно, согласившись съ Филиппомъ Красивымъ, что спорныя области останутся въ его рукахъ до предполагаемаго бракосочитанія эрцъ-герцога Карла съ Французскою принцессою Клавдіею, и потому остановилъ военныя дѣйствія. Фердинандъ, напротивъ, приказалъ продолжать ихъ Гонзальву, полководцу столько же искусному, сколько монархъ его былъ вѣроломенъ. Антоній де Левъ напалъ на д'Обиньи въ равнинахъ Се-

минарасскихъ и разбилъ его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за восемь лѣтъ онъ одержалъ побѣду. Гонзальвъ также поразилъ при Сериньолѣ герцога Немурскаго, который и палъ съ оружіемъ въ рукахъ. Послѣ сихъ двухъ побѣдъ, Неаполь остался за Фердинандомъ. Людовикъ въ третій разъ отправилъ войско, чтобы загладить стыдъ и наказать вѣроломнаго Испанскаго короля; но Амбуазъ, предпочитая честолюбивые свои замыслы славѣ государя и отечества, остановилъ эту армію близъ Рима, чтобы заставить кардиналовъ избрать себя папою послѣ смерти Пія III. Кардиналъ Ла Роверъ воспрепятствовалъ этому выбору, а между тѣмъ Гонзальвъ, имѣвшій время увеличить свои силы, разсѣялъ Французское войско. Гаэта, послѣднее 28 декабря
владѣніе Французовъ, сдалась ему; и это блистательное завоеваніе долженствовало остаться за Испаніею болѣе двухъ сотъ лѣтъ.

Хотя Амбуазъ, жертвуя успѣхами Французовъ своимъ честолюбивымъ замысламъ, и измѣнилъ своему монарху, но самъ сдѣлался игрушкою человѣка съ такими же намѣреніями и, къ несчастію Италіи, достигшаго своей цѣли. Александръ VI кончилъ жизнь, преисполненную преступленій: ядъ, приготовленный имъ для другихъ, послужилъ ему же на собственную гибель. Це- 1503.
зарь Борджія, который, послѣ примиренія отца своего съ Людовикомъ XII, не страшился наказанія, велъ съ городами и мелкими владѣльцами

Романьи жестокую войну, ознаменованную всевозможными злодѣйствами, и чтобы захватить нѣсколько десятинъ земли, онъ употребилъ такія измѣны, вѣроломства и преступленія, какихъ не находимъ въ лютыхъ завоевателяхъ, стремившихся къ обладанію большей части земнаго шара. Борджія, раздѣляя съ отцемъ послѣднее преступленіе, долженъ бы былъ раздѣлить съ нимъ и смерть; но имѣя крѣпкое сложеніе и принявши тотчасъ же дѣйствительное противуядіе, избѣгнулъ достойной его смерти, не достигнувъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ и нѣкоторымъ образомъ трудившись для другихъ. Обманутый Гонзальвомъ Кордуанскимъ, отправленный плѣнникомъ въ Испанію, но найдя средство къ освобожденію, онъ возмутилъ Наварру, и умеръ съ оружіемъ въ рукахъ.

По интригамъ кардинала Ла Ровера, желавшаго отклонить Амбуаза и проложить себѣ дорогу къ тіарѣ, на папскій престолъ вступилъ слабый старецъ, Францискъ Пикколомини, подъ именемъ Пія III; чрезъ двадцать пять дней онъ умеръ. Тогда Ла Роверъ, не щадя ни обѣщаній, ни денегъ, достигъ своей цѣли и принялъ названіе Юлія II.

ГЛАВА VI.

Юлій II.—Союзъ въ Камбре; слѣдствія его.—Союзъ противъ Франціи.

Юлій II, родомъ Генуэзецъ, обладалъ многими блистательными качествами, но не имѣлъ ни одной добродѣтели своего сана. Созданный для составленія и исполненія обширныхъ предпріятій, а не для однообразной и спокойной жизни первосвященника, неукротимый и жестокій, презиравшій не только свои обязанности, но и выгоды, онъ въ то же время не былъ врагомъ хитрости, притворства, и умѣлъ ихъ употреблять кстати; однако мужество, твердость и гордость заставляли его предпочитать пути открытыя и средства смѣлыя. Сдѣлавшись папою въ такое время, когда ослабленіе духовной власти не могло укрыться отъ его проницательности, онъ рѣшился упрочить свѣтскую власть свою въ Италіи на основаніи твердомъ. Александръ трудился съ тою же цѣлію для сына своего, Цезаря Борджіи. Юлій II, рано составившій планъ, не терялъ его изъ виду, и въ продолженіе всей жизни стремился къ обладанію Италіею.

Негодуя на перемѣнное владычество въ своемъ отечествѣ Французовъ, Испанцевъ и Нѣмцевъ, называемыхъ имъ варварами, Юлій II вознамѣрился прогнать ихъ за горы и уни-

чтожить однихъ посредствомъ другихъ; но прежде ему хотѣлось употребить ихъ на смиреніе гордой Венеціи, которая на сѣверѣ препятствовала его честолюбивымъ замысламъ. Въ слѣдствіе сего онъ составилъ чрезвычайно смѣлый планъ, почти неудобоисполнимый, но оправданный самымъ событіемъ. Невѣроятнымъ казалось, чтобы можно было вооружить противъ Венеціянъ Максимиліяна I, Людовика XII, Фердинанда Католика, государей съ разными намѣреніями, опасавшихся другъ друга, соперниковъ или враговъ, неимѣвшихъ прямаго и ближайшаго интереса вооружаться противъ Венеціи. Самому Юлію надобно было опасаться, чтобы эти государи не пріобрѣли еще большаго вліянія на дѣла Италіи, не раздѣлили бы между собою сей прекрасной страны. При всемъ томъ предположенный союзъ образовался: папа составилъ одно цѣлое изъ разнородныхъ стихій. Кардиналы Ошъ и Ам-
10 декабря 1508. буазъ получили порученіе договориться объ этомъ союзѣ: онъ былъ подписанъ въ Камбре, между первымъ министромъ Людовика XII и Маргаритою Австрійскою, дочерью и вмѣстѣ министромъ Максимиліяна I. Европа съ удивленіемъ видѣла, что монархи, заклятые враги, недовѣрчивые и ненавидѣвшіе другъ друга, забыли прежнія распри для того только, чтобы напасть на государство, котораго могущество и богатство могло возбудить зависть,

котораго высокомѣріе могло быть оскорбительно, которое нѣкогда увеличивало свои владѣнія насильственными средствами, но которое теперь не угрожало ни одной изъ соединившихся державъ. Юлій, какъ будто еще болѣе воспламененный лѣтами, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на отмщеніе Венеціянамъ за то, что они не оказали ему почтенія, принявши къ себѣ фамилію Бентиволіо, изгнанную имъ изъ Болоньи, и что епископство Виченцское вручили одному благородному своему соотечественнику, а не его племяннику. Онъ уже заранѣе почиталъ своими Венеціянскія области, лежащія къ сѣверу отъ Церковныхъ Владѣній, города: Червію, Равенну, Римини, Фаэнцу, Имолу, Цезенну и другія мѣста въ Романьѣ, присужденныя ему по Камбрейскому трактату. Максимиліянъ хотѣлъ также отмстить гордымъ республиканцамъ за то, что они не позволили ему проѣхать чрезъ
свои владѣнія, для коронованія въ Римѣ, и 1507.
даже противились этому вооруженною рукою. Дѣятельный и предпріимчивый императоръ восхищался готовившимися великими событіями; на его часть доставались: Верона, Тревиза, Падуа, Виченца, Ровередо, Фріуль и Истрія. Фердинандъ надѣялся возвратить пять портовъ на Адріатическомъ морѣ: Отрантъ, Бриндизи, Трано, Монополи и Пулиньяно, уступленные великодушною признательностію послѣднихъ королей Неаполитанскихъ Венеціи, за вспомоще-

ствованіе ея въ ихъ бѣдствіяхъ. Людовикъ XII былъ увѣренъ, что Венеціяне помогали королю Аррагонскому въ войнѣ Неаполитанской, и за это хотѣлъ наказать ихъ; къ тому же онъ надѣялся снова завладѣть Кремоною и Гіаррою (прир. Аддѣ), уступленными имъ послѣ завоеванія Медіолана, и возвратить все, что Венеціяне захватили послѣ пресѣченія фамиліи Висконти.

Венеція не подозрѣвала грозившей ей опасности. Еще недавно Конделмеріо, отправленный отъ нея посланникомъ въ Парижъ, былъ дружелюбно принятъ кардиналомъ Амбуазомъ. Первое извѣстіе о Камбрейскомъ союзѣ сообщилъ Венеціи резидентъ ея въ Медіоланѣ, Яковъ Карольдіо, узнавшій объ немъ по нескромности одного Піэмонтца, пользовавшагося довѣренностію Шомона Амбуаза, Медіоланскаго губернатора. Этотъ союзъ такъ противорѣчилъ выгодамъ участвовавшихъ въ немъ державъ, что Венеціянскій сенатъ не повѣрилъ полученному извѣстію. По мнѣнію Венеціянъ, Юлій II, единственно помышлявшій объ изгнаніи изъ Италіи чужземцевъ, не могъ желать разрушенія одного Италійскаго государства, которое могло ему помочь въ любимомъ его намѣреніи. Франція и Австрія также, по ихъ мнѣнію, могли имѣть свои выгоды въ существованіи между ними сильнаго владѣнія, какъ бы оплота для обоюдныхъ предпріятій; что же касается до Фердинанда, то невозмож-

но, чтобы онъ, для котораго величіе Венеціи вовсе было неопасно, хотѣлъ на счетъ ея содѣйствовать усиленію Франціи въ Италіи. При всей вѣроятности такихъ предположеній, доказательства существованія союза такъ были явны, что сенатъ не могъ болѣе сомнѣваться въ немъ. Изумленная Венеція пыталась отклонить нѣкоторыхъ членовъ союза, сдѣлавши имъ выгодныя предложенія. Но когда попытки сіи не удались, она стала стараться вооружить противъ Франціи и Австріи естественныхъ ихъ враговъ: она предложила союзъ Англіи и Оттоманской Портѣ. Но и эти державы отказались отъ ея предложенія. Республика не теряла мужества; надѣясь на огромныя свои средства. Слабость однихъ враговъ ея, непредусмотрительность другихъ и тайная, взаимная между ними ненависть льстили ей справедливыми надеждами, и она рѣшилась противостать бурѣ. Торговая и мануфактурная дѣятельность, подчинившая ей почти всю Европу, была причиною несмѣтныхъ богатствъ, а на деньги она надѣялась собрать подъ свои знамена знаменитѣйшихъ кондотьери; арсеналы ея были наполнены всевозможными оружіями и искусными работниками; подданные были богаты и привязаны правительству, которое имъ покровительствовало. Рѣшительное намѣреніе защищаться, а не соглашаться на условія непріятелей, восторжествовало въ се-

натѣ чрезъ краснорѣчіе Тревизани. Максимиліянъ, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, не могъ первый начать дѣйствій, и потому Венеціяне только заградили путь чрезъ Альпы, которымъ онъ могъ къ нимъ проникнуть. Фердинандъ, который всѣмъ хотѣлъ пользоваться безъ большихъ пожертвованій, не посылалъ флота для опустошенія береговъ Адріатическаго залива. Надобно было опасаться одного Людовика XII, дѣятельнаго и сильнаго: противъ него-то Венеція собрала всѣ свои силы. Общій сборъ Венеціянской арміи назначенъ былъ въ Понтевико, на Огліо: сюда стеклось до двѣнадцати тысячъ кавалеріи и до тридцати тысячъ пѣхоты. Войска отправились подъ предводительствомъ двухъ полководцевъ: Альвіана и Питильяно, изъ которыхъ одинъ былъ пылокъ до дерзости, другой благоразуменъ до робости, слѣдовательно они могли бы поправлять другъ друга; но слишкомъ противоположные въ правилахъ и слишкомъ привязанные къ своимъ идеямъ, они только вредили другъ другу. Между тѣмъ Французская армія перешла Адду, при Кассано, заняла выгодную позицію, пренебреженную Венеціянскими полководцами, и напала на Венеціянъ близъ Аньяделло въ Гіаррѣ, при Аддѣ.

14 мая. 1509. Республиканскія войска потерпѣли совершенное пораженіе; раненый Альвіанъ былъ взятъ въ плѣнъ. Въ это же время Юлій громилъ отлученіями отъ Церкви, на которыя Венеція

не обращала вниманія, потомъ вступилъ въ Романію, лично начальствуя войскомъ, и всѣ города, за исключеніемъ Равенны, сдались ему.

Въ такомъ критическомъ положеніи сенатъ принялъ намѣреніе, повидимому отчаянное, но въ сущности мудрое и слишкомъ смѣлое: онъ разрѣшилъ своихъ подданныхъ отъ присяги въ вѣрности, закрылъ лагуны, оставилъ твердую землю и вступилъ въ переговоры. Такая мѣра долженствовала привлечь къ Венеціянскому правительству тотъ народъ, который онъ оставилъ для того только, чтобы избавить его отъ ужасовъ войны, ослабить усилія Французовъ, невозбуждаемыхъ болѣе сильнымъ сопротивленіемъ, и наконецъ, доведя союзниковъ до желанной цѣли, ускорить между ними раздоръ, необходимый при раздѣлѣ завоеваній. Послѣ побѣды при Аньяделѣ, Людовикъ XII овладѣлъ округами Венеціянской области, присужденными ему по раздѣлу; но всегда вѣрный данному слову, онъ не пошелъ далѣе и распустилъ часть своихъ войскъ. Сама Венеція еще не подвергалась опасности, потому что для окончательнаго завоеванія нуженъ былъ флотъ, а Фердинандъ, бывшій одинъ въ состояніи выполнить это предпріятіе, не спѣшилъ. Между тѣмъ сенатъ выигрывалъ время; онъ могъ надѣяться отклонить отъ союза нѣкоторыхъ членовъ и заключить съ ними частный миръ: это ему удалось. Юлій былъ душею союза: скло-

нить его на свою сторону, значило разрушить союзъ. Сенатъ приказалъ Равенскому губернатору отворить папѣ ворота. Дожъ написалъ къ нему почтительное письмо; республика отъ себя отправила шесть пословъ съ порученіемъ испросить разрѣшенія отъ отлученія. Юлій, съ своей стороны, овладѣвши Романьею, достигъ цѣли, и теперь, не имѣя болѣе нужды въ помощи чужеземцевъ для распространенія своихъ владѣній, возвратился къ любимой мысли: изгнать ихъ всѣхъ изъ Италіи. Вотъ почему онъ выслушалъ предложенія Венеціи. Чтобы остановить дѣйствія Испанскаго короля, Венеціяне уступили ему пять приморскихъ городовъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Фердинандъ, искавшій только предлога къ спокойствію, принявши сіи города, мало обращалъ вниманія на союзниковъ. Максимиліянъ началъ свои дѣйствія послѣ побѣды при Аньяделло, и проникнувъ съ сѣвера въ провинціи твердой земли, быстро переходилъ отъ одного завоеванія къ другому. Къ нему отправили въ лагерь, при Бассано, сенатора Джіустиніани съ мирными предложеніями. Императоръ не принялъ ихъ; но Германія, вопреки сильной рѣчи Геліана, уполномоченнаго короля Французскаго противъ Венеціи, произнесенной имъ на Германскомъ сеймѣ, худо содѣйствовала воинственному духу императора: безъ средствъ онъ не могъ продолжать войны. Проведиторъ Андрей Гритти

овладѣлъ между тѣмъ Падуею, вспомоществуемый жителями, всегдашними приверженцами прежняго правленія; примѣру сему послѣдовали другіе города, и такимъ образомъ Максимиліянъ ежедневно лишался своихъ завоеваній. Французскій король почувствовалъ, что паденіе Венеціи не принесетъ ему пользы. Юлій, видя, что стихіи союза разрушаются, сталъ содѣйствовать къ совершенному его разрушенію. Вопреки представленіямъ другихъ державъ, онъ разрѣшилъ Венеціянъ отъ проклятія и принялъ ихъ выгодныя предложенія. Республика, въ надеждѣ возвратить современемъ потерянное въ критическихъ обстоятельствахъ, согласилась на все. Она обязалась раздавать только однѣ свѣтскія должности; не взимать подашей съ духовныхъ имуществъ; дозволить всѣмъ подданнымъ Церковной Области свободное плаваніе по заливу, оставить за папою всѣ его завоеванія, и отказаться отъ всѣхъ притязаній на Церковныя владѣнія. Въ вознагражденіе же за все это, Венеціянскіе посланники сдѣлались совѣтниками и повѣренными Юлія; узнавши о новыхъ проектахъ, составленныхъ его пламенною и мстительною душею, они нашли въ нихъ средства къ совершенному разсѣянію угрожавшей имъ бури, къ отмщенію Французскому королю и даже къ возвращенію потеряннаго: потому они питали страсти Юлія, вникали въ его виды, и удивленная Европа вско-

рѣ увидѣла, что союзники, соединенные противъ общаго врага, начали кровавую войну съ однимъ изъ нихъ, именно съ тѣмъ, который дѣйствовалъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ.

Камбрейскій союзъ, образовавшись, вопреки простѣйшимъ и очевиднымъ политическимъ правиламъ, представлялъ странное зрѣлище: соединеніе враждебныхъ державъ противъ такого государства, котораго однѣ вовсе не могли опасаться, а другія даже должны были поддерживать его. Этотъ союзъ еще существовалъ, или по крайней мѣрѣ несовершенно разрушился; война продолжалась, хотя и вяло. Вдругъ неукротимый Юлій создаетъ новый союзъ, и подъ маскою религіозною скрываетъ свои чувства и честолюбивые замыслы. Людовикъ XII нанесъ Венеціи самый чувствительный ударъ; униженіе сей республики и сдѣланныя ею пожертвованія были его дѣломъ; пріобрѣтенное имъ въ эту войну могущество могло подать основательный поводъ къ безпокойству и зависти императора, короля Испанскаго и папы, которые всѣ трое желали владѣть Италіею, и изъ которыхъ каждый надѣялся, для достиженія своей цѣли, употребить двухъ другихъ. Юлій зналъ образъ мыслей Максимиліяна и Фердинанда, непостоянство одного и вѣроломство другаго; на ихъ характерѣ онъ основалъ планъ, повидимому химерный, вооружить ихъ противъ Французскаго короля, съ

которымъ они были въ союзѣ только по его внушенію. Венеція, еще страшившаяся Людовика желала изгнанія Французовъ и поддерживала папу въ его идеяхъ и надеждахъ.

Юлій лично ненавидѣлъ Людовика XII. Онъ не могъ простить Французамъ, что безъ нихъ вступилъ бы на папскій престолъ восьмью годами прежде—потеря, невознаградимая для старца предпріимчиваго, честолюбиваго, страшившагося, что время не допуститъ его привести въ исполненіе всѣ проекты! Кромѣ того, раздоръ, интриги, безпокойства были истинною потребностію его безпокойной души, которая жаждала занятія чрезмѣрнаго, происходящаго отъ страстей. Юлій искалъ только случая вооружить противъ себя Французскаго короля, и предлога призвать на помощь тайныхъ враговъ Людовика. Въ слѣдствіе сего онъ напалъ на герцога Феррарскаго, Альфонса д'Эстъ, союзника Французовъ, предполагая, что великодушный Людовикъ не оставитъ его безъ защиты. Дѣйствительно: Шомонъ, начальствовавшій Французскими войсками въ Медіоланѣ, явился на помощь и принудилъ удалиться папскія войска. Ожидавшій только этого, Юлій обвинилъ Людовика въ начатіи непріязненныхъ дѣйствій. Французскій же король, частію зная намѣренія папы, и предвидя, что эти ссоры не кончатся полюбовно, созвалъ въ Турѣ свое духовенство, и спрашивалъ у него: позволяетъ ли религія про-

тивиться папѣ? Французское духовенство, болѣе приверженное къ своему государю, потому что отъ него зависѣло болѣе нежели отъ Рима, объявило, что Людовикъ смѣло можетъ противопоставить силу несправедливости и насилію. Это еще болѣе воспламенило Юлія и ускорило исполненіе его намѣреній. Увѣренный въ помощи Фердинанда Католика и Швейцарцевъ, которые негодовали на Людовика за отказъ увеличить ихъ жалованье, и уже непріятелями вступили въ Медіоланъ, первосвященникъ усилилъ
1500. отлученіе, объявленное имъ противъ Людовика, другимъ отлученіемъ всего войска Французскаго и полководца отъ Церкви. Король не боялся его угрозъ, потому что время, когда Римъ низлагалъ государей и двигалъ народами, прошло; монархи лучше узнали свои права, а подданные ихъ свои обязанности. Тогда Юлій употребилъ противъ Франціи другое оружіе: онъ заключилъ, такъ называемый, Священный Союзъ съ Испаніею, Швейцарцами и Венеціею, который однако жъ вовсе не соотвѣтствовалъ своему названію; ибо замышляемая война была плодомъ честолюбія и интереса и прикрывалась только религіею, возбуждая фанатизмъ для погубленія жертвъ.

Людовикъ, предупредивъ папу, могъ бы съ своими войсками, находившимися въ Италіи, распространить ужасъ до самаго Рима и въ самомъ началѣ затушить пламя разрушительной войны;

но имѣя твердость для противудѣйствія Юлію, онъ не имѣлъ столько смѣлости, чтобы рѣшиться на мѣру, казавшуюся ему чрезвычайною. Анна Бретанская, женщина религіозная, употребила всю власть свою надъ умомъ Людовика, чтобы онъ пощадилъ своего врага. Можетъ быть, также любовь къ справедливости заставляла его дать своимъ поступкамъ законный видъ. Потому онъ предложилъ Максимиліяну созвать соборъ, по примѣру Констанцскаго, который бы произнесъ судъ надъ папою, низложилъ его для прекращенія безпорядковъ, выставляемыхъ Римомъ удивленному міру, преобразовалъ бы Церковь, и такимъ образомъ пресѣкъ зло въ началѣ. Пять недовольныхъ кардиналовъ, оставившихъ Юлія на пути изъ Рима въ Болонью и удалившихся въ Медіоланъ, согласились пристать къ Французскому королю для содѣйствія его намѣренію. Максимиліянъ, любитель всѣхъ чрезвычайныхъ и смѣлыхъ предпріятій, съ ревностію ухватился за эту идею: воображеніе возносило уже его на Римскій престолъ; онъ уже почиталъ себя главою Церкви и имперіи, и осуществляя сію любимую мысль, столь долго имъ питаемую, предложилъ ввести въ Церкви полезныя и неожиданныя новизны. Убаюкивая себя такими пріятными надеждами, онъ поспѣшилъ отправить къ Людовику Гурлскаго епископа, Матѳея Ланге, прелата умнаго, искуснаго дипломата, скрывавшаго подъ простою наружностію величайшую тон-

кость, для соглашенія въ средствахъ приготовить
преобразовательное собраніе. Всѣ сіи мѣры
обезпокоили только друзей Юлія, но самого
его не устрашили. Онъ отлучилъ отъ Церкви
герцога Феррарскаго и защищавшихъ его Фран-
цузовъ; и едва освободившись отъ опасной бо-
лѣзни, ослабившей его здоровье, но не страсти,
лично осадилъ Мирандолу, подвергая себя жес-
точайшему огню; самъ распоряжался осадными
работами, обѣщая солдатамъ добычу разграбле-
нія города. Городъ, во избѣжаніе этого, сдался:
Юлій вступилъ въ него со всею пышностію
тріумфатора. Переговоры были прерваны. Лю-
довикъ не щадилъ болѣе папы, для сужденія
1511. котораго былъ соборъ въ Пизѣ. Непокорные
кардиналы объявили Юлію, чтобы онъ явился
прежде перваго сентабря; но такъ какъ никто
не смѣлъ напомнить ему объ этомъ, то они при-
били обявленія на церковныхъ дверяхъ въ Рими-
ни и другихъ городахъ. Неустрашимый Юлій
противопоставилъ собору свой соборъ, созванный
въ Сенъ-Жанъ-де Латранѣ; лишилъ кардиналовъ
всѣхъ достоинствъ, если они не явятся къ нему;
а когда узналъ объ открытіи собора въ Пизѣ,
то наложилъ запрещеніе какъ на виновный
городъ, такъ и на всю Флорентійскую республику.

Теперь должно было не спорить, но сра-
жаться. Не въ первый разъ папа вооружалъ
монарховъ другъ противъ друга; не въ первый
разъ, чувствуя слабость отлученія, папа взял-

ся за другое средство, болѣе дѣйствительное и могущественное. Между тѣмъ обѣ стороны толковали объ основныхъ правилахъ, а слушались только страстей, и никто не могъ рѣшить: кому будетъ принадлежать Медіоланъ послѣ низложенія Юлія? Союзная армія выступила 1511.
въ походъ; войска папскія, Испанскія и Венеціянскія, подъ начальствомъ Раймонда Кардонскаго, приблизились къ Болоньѣ, а Швейцарцы спустились въ Медіоланскія равнины. Людовикъ ввѣрилъ управленіе Медіолана и начальство надъ арміею племяннику своему, Гастону де Фуа. Этому юношѣ было только двадцать два года, но уже первые шаги его на военномъ поприщѣ ознаменовались побѣдами; со всѣми блистательными качествами своихъ лѣтъ, онъ соединялъ тотъ геніяльный взглядъ, который предупреждаетъ опытъ, и ту пламенную дѣятельность, которая быстротою умножаетъ силы; онъ былъ храбрѣйшій рыцарь въ войскѣ, и единогласно былъ наименованъ Прекраснѣйшимъ. Всѣ сіи природныя дарованія, еще болѣе возвышавшіяся въ глазахъ солдатъ высокимъ происхожденіемъ, щедростію, обращеніемъ простымъ и благороднымъ, сдѣлали Гастона де Фуа идоломъ арміи: онъ могъ все пріобрѣсти чрезъ нее, потому что увѣрялъ, что она ко всему способна, и потому еще, что повелѣнія его дышали увѣренностію въ успѣхѣ. Юный герой сей принудилъ Швейцарцевъ переправиться за горы; по-

кость, для соглашенія въ
преобразовательное собра
обезпокоили только дру
его не устрашили. Онъ
герцога Феррарскаго и за
цузовъ; и едва освободив
лѣзни, ослабившей его здо
лично осадилъ Мирандол
точайшему огню; самъ
работами, обѣщая сол
нія города. Городъ, во
Юлій вступилъ въ
тріумфатора. Пере
довикъ не щади
1511. котораго былъ
кардиналы об
прежде перв
не смѣлъ н
били обяв
ни и др
против
въ Се
всѣх
а
то
гор

легатъ Пизскаго собора, другою кар-
Медичи, легатъ папскій. Оба прелата
присутствовать при ужасной борьбѣ,
на свой санъ. Начинается битва;
войска построились угломъ подъ на-
Раймонда Кардонскаго, Антонія де
маркиза Пескера и Фабриція Колонны; вой-
построились полумѣсяцемъ. Фран-
артиллерія, хорошо направляемая гер-
Феррарскимъ; храбрость Нѣмецкой пѣ-
превосходившая храбрость Испанцевъ;
ражeнія, сдѣланныя Гастономъ, собствен-
примѣръ и внушенный имъ энтузіасмъ, —
ютъ побѣду въ пользу Французовъ; она
приходитъ къ совершенному окончанію,
вдругъ Гастонъ, увлеченный пылкостію, пре-
дуетъ двухтысячный отрядъ Испанцевъ, от-
авшихъ въ порядкѣ, и отдаляется отъ войска;
пики повергаетъ его, двадцати-четырехъ-
няго, въ объятія побѣды и смерти. Невы-
има горесть Французской арміи; она была
бокая, всеобщая, достойная невознаградимой
ери, потерпѣнной Франціею и человѣчествомъ,
тому что юный герой, уже великій своими дѣя-
іями, но подававшій еще бо́льшія надежды въ
будущемъ, былъ однимъ изъ тѣхъ изящныхъ произ-
веденій природы, которыя служатъ къ чести чело-
вѣчества, составляютъ предметъ его гордости и
сожалѣнія. Огромная добыча, знаменитые плѣн-
ники: кардиналъ Медичи, маркизъ Пескеръ,

Петръ Наварскій, изобрѣтатель минъ, сдача Равенны, завоеваніе всей Романьи, блистательныя слѣдствія кровавой и долго оспориваемой побѣды, уничиженіе Юлія, приготовлявшагося къ бѣгству,—все это исчезло при мысли о смерти Гастона, смерти, которая предрекала рядъ однѣхъ пораженій. Дѣйствительно: Французская армія, ослабленная дорого купленными торжествами, неразлучными въ это время съ побѣдами, видѣла себя въ невозможности воспользоваться своими выгодами, и удержать за собою поле
5 маія. битвы. Юлій узналъ это; надежды его возроди-
1512. лись; онъ открываетъ соборъ въ Латранѣ.

Но въ то самое время, когда Французы одерживали въ Италіи безполезныя побѣды, новыя опасности начали угрожать Франціи. Англія, нѣкогда ея владычица, теперь объяви-
1509. ла себя ея противницею. Генрихъ VII умеръ, сопровождаемый въ могилу болѣе уваженіемъ, чѣмъ любовію своихъ подданныхъ. Генрихъ VIII, сынъ его, вступилъ на престолъ осьмнадцати лѣтъ, посреди восклицаній народа, который съ одинаковою поспѣшностію всегда питаетъ себя надеждами и лишается ихъ. Юный король съ силою и страстями соединялъ всѣ опасности юности: онъ обладалъ умомъ, но у него не доставало сужденія; образованный для своего сана и для вѣка, онъ слишкомъ нескромно почиталъ себя ученымъ; жадный къ разнообразнымъ удовольствіямъ, онъ стремился так-

же и къ славѣ; въ характерѣ его болѣе было запальчивости, нежели энергіи; властолюбивый, онъ хотѣлъ самъ управлять, а между тѣмъ боялся бремени и трудовъ правленія; храбрый, неукротимый, онъ готовъ былъ рѣшиться на всякое предпріятіе, если только оно льстило господствующей его страсти. Все это знали Юлій и Фердинандъ, и потому заставили его играть дѣятельную роль въ союзѣ противъ Франціи. Юлій, посылая ему дорогой искуственный цвѣтокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обнадеживалъ его, что онъ можетъ получить титулъ короля Христіаннѣйшаго, потерянный королемъ Французскимъ. Фердинандъ, на дочери котораго, Катеринѣ Аррагонской, Генрихъ былъ женатъ, нарочно увѣрялъ его, что онъ могущественнѣйшій монархъ въ Европѣ, и указывалъ на прежнія владѣнія королей Англійскихъ во Франціи, какъ на завоеванія нетрудныя и вѣрныя. Генрихъ, находя, что предлагаемая блистательная роль далеко превосходитъ мудрое и спокойное поведеніе покойнаго родителя, предложилъ парламенту начать войну съ Франціею, и легко убѣдилъ его въ этой необходимости. Старинная національная ненависть пробудилась; между тѣмъ кстати подоспѣли подарки Юлія. Тогда обѣ камеры одобрили намѣренія короля съ восторгомъ, и доставили ему всѣ средства къ поддержанію войны; впрочемъ первыя дѣйствія Генриха не принесли никакихъ вы-

годъ. Тесть его, Фердинандъ, всегда вѣроломный, присовѣтовалъ отправить войско и флотъ въ Фонтараби для нападенія на Гіэннь; чрезъ это онъ хотѣлъ выхватить Наварру изъ рукъ Іоанна Альберта, союзника Людовика XII, также отлученнаго папою отъ Церкви. Генрихъ послѣдовалъ совѣту Испанскаго короля, и Англичане начали угрожать южнымъ провинціямъ Франціи. Фердинандъ не совсѣмъ успѣлъ въ исполненіи своего проекта. Дорсетъ, начальствовавшій Англійскою арміею, отказался отъ участія въ этой войнѣ. Разсерженный король Испанскій пересталъ ему помогать, и воспользовавшись только однимъ его присутствіемъ, счастливо достигъ своей цѣли: низложилъ Наварскаго короля, и отправилъ обратно остатки Англійскаго войска.

Генрихъ, негодуя на такую измѣну, но всегда готовый скоро утишить свое ужасное волненіе, рѣшился съ новыми силами напасть на Францію: Вольсей, пользовавшійся полною его довѣренностію и искавшій кардинальскаго достоинства, возбуждалъ еще болѣе къ новому предпріятію. Сынъ Ипсвичскаго мясника, Вольсей съ раннихъ лѣтъ посвятилъ себя духовному званію, и вскорѣ до того возвысился, пріобрѣлъ такую власть надъ умомъ монарха, что всѣ эти успѣхи приписывали какому-то магическому очарованію. Геній дѣятельный, трудолюбивый, способный къ глубокимъ соображе-

ніямъ; характеръ твердый и гибкій; умъ живой и веселый, часто забавлявшій скучавшаго короля, искусство давать ему совѣты, показывая видъ, что самъ проситъ ихъ; научать, какъ будто самъ хотѣлъ научиться; отвлекать отъ труда, увѣряя его, что онъ трудится, и управлять имъ подъ видомъ повиновенія — вотъ что объясняетъ феноменъ возвышенія и продолжительной милости Вольсея у Генриха.

Одушевляемый и направляемый Вольсеемъ, Генрихъ переплылъ въ Кале съ многочисленною 1513.
и блистательною арміею, и приступилъ къ осадѣ города Теруана, въ Пикардіи. Максимиліянъ, котораго лѣта не могли сдѣлать ни менѣе легковѣрнымъ, ни менѣе храбрымъ, и который отказался и отъ собора Пизскаго и отъ союза своего съ Людовикомъ XII, служилъ въ этой арміи волонтеромъ. Генрихъ, восхищенный такимъ поступкомъ, спрашивалъ у Максимиліяна совѣтовъ, и весьма уважалъ ихъ. Разбивши подоспѣвшаго на помощь герцога Лонгевильскаго, Англичане овладѣли Теруаною. Впрочемъ въ этотъ день, извѣстный подъ названіемъ дня Guinegate или шпоръ, непріятель болѣе былъ обращенъ въ бѣгство, нежели разбитъ. Франція казалась однако погибшею. Италія была оставлена. Швейцарцы разбили
Ла Тремуйля при Наваррѣ и возвели на Медіолан- 1512.
скій престолъ Максимиліяна Сфорцу, сына Людовика Мора. Генуя возвратила свою свобо-

ду; Медичисы возвратились во Флоренцію; но Швейцарцы, гордясь своими успѣхами, еще болѣе были возбуждаемы противъ Франціи Шиннеромъ, епископомъ Сіонскимъ и кардиналомъ. Епископъ, игравшій въ своемъ отечествѣ роль Юлія, только въ меньшемъ размѣрѣ, управлялъ по произволу своими соотечественниками, воспламеняя ихъ простымъ, но увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Возбуждаемые имъ Швейцарцы, въ числѣ двадцати семи тысячъ, вступили въ Бургундію и, не встрѣчая сопротивленія, напали на Дижонъ. Генрихъ, послѣ одержанной имъ побѣды могъ бы распространить ужасъ до самаго Парижа; Швейцарцы, съ другой стороны, могли соединиться съ нимъ подъ стѣнами столицы, но Франція была спасена ошибками своихъ непріятелей. Генрихъ, подстрекаемый Максимиліяномъ, безъ всякой нужды осадилъ Турне. Ла Тримуйль, обѣщавъ Швейцарцамъ четыреста тысячъ экю, заставилъ ихъ удалиться; двадцать тысячъ онъ имъ заплатилъ. Хотя Людовикъ и не согласился на договоръ, однако жъ онъ произвелъ свои слѣдствія: Людовикъ XII, освободившись отъ очевидной опасности, вознамѣрился покориться обстоятельствамъ и не бороться болѣе съ неблагопріятствующею судьбою. Онъ вступилъ въ переговоры съ папою Львомъ X, преемникомъ Юлія, слѣдовавшимъ той же системѣ, но неимѣвшимъ того характера. Левъ

отрекся отъ Пизскаго собора; предоставилъ Медіоланъ Максимиліяну Сфорцѣ; Швейцарцамъ отдалъ округи Лурано, Локарно, Мендризіо и Валь-Маджію. Французскій король обязался заплатить Генриху VIII милліонъ за возвращеніе Болоньи и Турне; женился на сестрѣ его, прекрасной Маріи; забылъ въ объятіяхъ юной супруги о своихъ бѣдствіяхъ и лѣтахъ, и умеръ, сопровождаемый сожалѣніями и слезами народа. И такъ продолжительныя войны сіи были совершенно безполезны. Людовикъ за честолюбіе и излишнюю довѣренность былъ наказанъ самыми событіями. Мы видимъ, что въ его царствованіе, сношенія между сильными державами увеличиваются; что мелкія государства стараются сохранить свое бытіе подъ защитою другихъ, и что основныя начала политической системы начинаютъ мало по малу выходить изъ хаоса происшествій. Камбрейскій союзъ, безполезный и даже пагубный для большей части составлявшихъ его державъ, былъ слѣдствіемъ страстей Юлія. Но эта ошибка не долго продолжалась. Франція, нападая на Медіоланъ и Неаполь, угрожала Европѣ; союзъ другихъ государствъ вмѣстилъ ее въ прежніе предѣлы и отдалилъ отъ Италіи; но независимость этой страны долженствовала встрѣтить новую опасность въ возраставшемъ могуществѣ Испаніи.

Періодъ вторый.

1515 — 1556.

ГЛАВА VII.

Францискъ I. — Война съ Швейцарцами. — Битва при Мариньянѣ. — Завоеваніе Медіолана.

Смерть Людовика XII, дѣйствительно была народнымъ бѣдствіемъ, что доказывалось всеобщею горестію. Народъ обожалъ его, не смотря на всѣ ошибки его царствованія, на честолюбивыя и безполезныя предпріятія, на многочисленныя и заслуженыя несчастія. Войны Людовика приписывали желанію его возвысить и прославить Францію, а дурной успѣхъ обстоятельствамъ. Всѣ были увѣрены въ его любви къ народу и въ чистотѣ его намѣреній, и потому всѣ уважали его за добро, которое онѣ хотѣлъ сдѣлать, и за то, что не сдѣлалъ никакого зла. На всѣхъ Парижскихъ улицахъ раздавались крики: *Умеръ добрый король Людовикъ, отецъ народа*, и эта горесть тѣмъ была непритворна, что Франція могла угадывать качества и царствованіе его преемника. Въ самомъ дѣлѣ Людовикъ часто говаривалъ объ немъ: »*Nous avons beau faire; il gâtera tout;*« но и опасаясь наклонности своего преемника къ

расточительности, онъ отдавалъ справедливость его любезнымъ, прекраснымъ свойствамъ.

Францискъ, графъ Ангулемскій, вступившій на Французскій престолъ подъ именемъ Франциска I, былъ правнукъ Людовика, герцога Орлеанскаго, братъ Карла VI и сынъ Карла, графа Ангулемскаго и Луизы Савойской; онъ лишился отца въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Людовикъ XII ввѣрилъ воспитаніе его Гуффье Буази, дворянину извѣстнаго происхожденія, уважаемому за характеръ. Юный принцъ былъ живъ, пылокъ, страстно привязанъ къ воинскимъ занятіямъ и къ славѣ; Буази, честный, храбрый, усиливалъ въ немъ природныя наклонности вмѣсто того, чтобы умѣрять ихъ. Самъ увлекаемый идеями своего вѣка, онъ полагалъ, что Французскому королю надобно быть первымъ рыцаремъ въ государствѣ. Онъ-то и развилъ въ своемъ воспитанникѣ ту ослѣпительную храбрость, которая въ сраженіи выказывала только его одного; то великодушіе, которое умѣло награждать и прощать легко и пріятно; то благородство характера, которое не допускало измѣнять долгу и даже не позволяло подозрѣвать кого нибудь въ дурныхъ намѣреніяхъ; тотъ вкусъ къ наукамъ и искусствамъ, естественная потребность чувствительнаго воображенія, который доставилъ ему титулъ отца наукъ. Но если бы Францискъ получилъ другое воспитаніе, можетъ

быть, при такихъ прекрасныхъ свойствахъ, онъ бы менѣе пренебрегалъ заботами, неразлучными съ правленіемъ, не такъ бы былъ легковѣренъ, но отличался бы трудолюбіемъ, умѣренностію, благоразуміемъ, владычествомъ надъ собственными страстями и недовѣрчивостію къ страстямъ другихъ; его царствованіе менѣе бы имѣло блеску, но болѣе прочности; онъ бы позднѣе получилъ титулъ великаго, но за то удержалъ бы его, тогда какъ, провозглашенный великимъ въ минуту всеобщаго энтузіасма, онъ лишился его по суду болѣе строгаго и болѣе справедливаго потомства.

Францискъ вступилъ въ бракъ съ Клавдіею, дочерью Людовика XII и Анны Бретанской, вопреки желанію королевы, назначавшей
1506. дочь принцу Испанскому. Государственные штаты, собранные въ Турѣ, торжественно требовали отъ короля этого брака: всеобщее желаніе восторжествовало надъ противорѣчіемъ королевы. Бракъ сей дѣйствительно предупредилъ разные безпорядки и упрочилъ пріобрѣтеніе Бретани; но юный графъ Ангулемскій только по смерти королевы могъ исполнить это желаніе. Посреди разнообразныхъ бѣдствій, обуревавшихъ Францію въ послѣдніе годы жизни Людовика XII, Францискъ уже подавалъ на войнѣ большія надежды. Въ блистательную кампанію, когда Генрихъ VIII поразилъ Французовъ, наслѣдникъ престола при-

крывалъ Пикардійскія границы, расположившись за Соммою съ своимъ отрядомъ; здѣсь, умѣряя кипящее свое мужество, явилъ онъ ту мудрость и то благоразуміе, которымъ такъ измѣнялъ въ послѣдствіи. Бракъ Людовика XII съ Англійскою принцессою Маріею повидимому долженъ былъ отдалить графа Ангулемскаго отъ престола; онъ самъ этого боялся; но смерть Людовика рѣшила все: Францискъ наслѣдавалъ ему.

»*Я умираю*, сказалъ ему Людовикъ на смертномъ одрѣ, *и поручаю тебѣ подданныхъ моихъ.*» Простыя, но трогательныя слова сіи произвели на сердце юнаго короля минутное впечатлѣніе. Полагая, что подданные, подобно ему, только жаждутъ блеска и славы, или, можетъ быть, совѣтуясь только съ своимъ вкусомъ, упоенный властію и средствами къ завоеванію, Францискъ забылъ исторію своихъ предшественниковъ; онъ мечталъ только о первомъ военномъ дебютѣ; думалъ только объ Италіи, и эта несчастная страна еще разъ должна была сдѣлаться театромъ подвиговъ и бѣдствій Французовъ.

Францискъ имѣлъ на Медіоланъ тѣ же самыя права, какъ и Людовикъ XII. Онъ хотѣлъ выгнать оттуда Максимиліяна Сфорцу, возведеннаго Швейцарцами, и наказать сихъ горцевъ за дерзость, съ которою они требовали обѣщанныя Ла Тримуйлемъ деньги. Они угро-

жали даже вторженіемъ въ Медіоланъ. Францискъ, рѣшившись отправиться въ Италію, занялся большими приготовленіями. По совѣту канцлера Дюпра умножили число судебныхъ мѣстъ, ввели продажу должностей для покрытія издержекъ войны — мѣра неблагоразумная, которая, въ послѣдствіи, обратилась въ законъ, къ совершенному отягощенію Франціи. Она не уничтожила безкорыстія судей, но сдѣлавъ судебныя мѣста передаточными собственностями, отклонила государя отъ участія въ судѣ, препятствовала реформамъ, улучшеніямъ и развила въ парламентахъ тѣ незаконныя притязанія и тотъ противодѣйствующій духъ, которые съ сего времени характеризовали это учрежденіе.

1515. Въ августѣ, Францискъ выступилъ въ походъ. Войско его было красивѣе и многочисленнѣе войскъ Карла VIII и Людовика XII. Жандармы составляли четырехъ-тысячный избранный корпусъ изъ воинственнаго дворянства, считавшаго военную службу за единственное почтное званіе, и все благо полагавшаго въ воинской славѣ. Между сими храбрыми дворянами отличался и великодушный Баярдъ, которому даже самые соперники уступали первое мѣсто, и который въ могилу унесъ съ собою заслуженый титулъ рыцаря безъ страха и укоризны. Сорока-тысячная пѣхота, большею частію изъ иностранцевъ, состояла изъ ланскене-

товъ и знаменитыхъ черныхъ отрядовъ, подъ предводительствомъ герцога Гельдернскаго. Главнокомандующимъ арміи былъ Карлъ Бурбонъ, честь и бичъ Франціи, получившій отъ Франциска мечъ Коннетабля. Съ геніемъ онъ соединялъ предпріимчивую смѣлость, исполнительную дѣятельность, постоянство, ведущее къ окончательной цѣли обширныхъ плановъ; храбрый, подобно своему монарху, онъ былъ болѣе искуснымъ полководцемъ; честолюбивый, гордый, пламенный и мстительный, онъ рѣшался на все, для пріобрѣтенія и поддержанія славы и для мщенія. Предъ отъѣздомъ въ Италію, Францискъ поручилъ правленіе матери своей, Луизѣ Савойской, женщинѣ, которая имѣла надъ его сердцемъ власть, сколько по хитрому своему уму, столько же по чувствительности и нѣжности сына. Нѣсколько разъ Франція чувствовала эту власть; какъ женщина, желавшая нравиться и управлять, Луиза никогда не прощала тому, кто сомнѣвался въ ея власти; гордая и тщеславная, она хотѣла, чтобы ей удивлялись, или по крайней мѣрѣ, чтобы боялись тѣ, которые не могли ее любить. Зная всю нѣжность или, лучше, слабость своего сына, она безпрестанно обращалась къ нему съ новыми требованіями и получала въ нихъ удовлетвореніе. Францискъ, поручая ей управленіе государствомъ, думалъ, что онъ оказываетъ тѣмъ благо своимъ подданнымъ.

Нетерпѣливо желая отличиться, король отправился къ Альпамъ съ войскомъ. Двѣ извѣстныя дороги вели изъ Франціи въ Италію: одна чрезъ гору Ценисъ, другая чрезъ гору Женеврь. Обѣ примыкали къ дефилеямъ, гдѣ находилось тридцать тысячъ Швейцарцевъ. Безъ большихъ пожертвованій нельзя было надѣяться овладѣть сими дефилеями; потому положили отправить часть войска моремъ, подъ начальствомъ Эмара, чтобы высадить его въ Генуѣ и отвлечь Швейцарцевъ отъ горъ, угрожая имъ нападеніемъ съ тылу. Одинъ Піэмонтскій охотникъ показалъ третью дорогу, чрезъ гору Гильестръ: эту дорогу нашли удобопроходимою. Армія перешла Дюрансу и чрезъ восемь дней вступила въ маркизство Салуцци. Генуя и Венеція были на сторонѣ Франціи; папскія войска, предводительствуемыя Проспероомъ Колонною, дѣйствовали за одно съ Швейцарцами; но Колонна былъ взятъ въ плѣнъ при Виллѣ - Франшѣ Баярдомъ и Имберкуромъ въ то время, когда онъ полагалъ, что Французы еще не переходили чрезъ горы. Францискъ, оставшійся съ частію войска въ Ліонѣ, поспѣшилъ переправиться чрезъ Альпы, для соединенія съ своими отрядами, прошелъ быстро Савоію, вступилъ безъ сопротивленія въ Наварру и со всѣми силами расположился при Мариньянѣ. Швейцарцы, пораженные быстротою переходовъ Французовъ, объявили жела-

ніе вступить въ переговоры: они требовали для себя значительной суммы и пенсію въ шестьдесятъ тысячъ дукатовъ для Максимиліяна Сфорцы, и только на этомъ условіи соглашались очистить Медіоланъ. При всей тягости сихъ предложеній, Францискъ не отвергъ ихъ; заключилъ перемиріе и позволилъ соединиться двумъ Швейцарскимъ отрядамъ. Повидимому всѣ препятствія были устранены; въ главныхъ пунктахъ согласились обѣ стороны; Французскіе офицеры начали уже продавать свои вещи для собранія требуемой суммы; сумма была собрана, какъ вдругъ кардиналъ Шиннеръ пріѣхалъ въ Швейцарскій лагерь. Ненавидѣвшій Францію, онъ влилъ въ сердце всѣхъ ярость, его одушевлявшую: въ перспективѣ представилъ онъ своимъ соотечественникамъ побѣду и огромную добычу; въ одно и то же время льстилъ ихъ корыстолюбію, гордости и славолюбію, уговаривалъ ихъ прервать переговоры и напасть на Французовъ. Въ глубокомъ молчаніи Швейцарцы двинулись сомкнутыми рядами, надѣясь тѣмъ привести въ замѣшательство Французскую армію; однако жъ Коннетабль успѣлъ привести ее въ боевой порядокъ, и извѣстить обо всемъ короля. Швейцарцы прямо пошли на центръ, въ надеждѣ опрокинуть его и выиграть сраженіе тѣмъ же самымъ маневромъ, который они употребили при Наваррѣ; но ланскенеты и черные отряды, соперничествуя въ храбрости, удер-

8 сентяб. 1515.

13 и 14 сент. 1515.

ская пѣхота впервые была разбита, чрезвычайно возвысилъ въ мнѣніи и самого Франциска и храбрость его арміи. Эта побѣда имѣла рѣшительное вліяніе на всѣ событія его царствованія. Блистательные успѣхи вселили въ него чрезмѣрную довѣрчивость, усилили въ немъ склонность къ войнѣ и завоеваніямъ, а между тѣмъ, показавши его могущество и силы, естественно внушили прочимъ государствамъ опасеніе и зависть. Смиривъ Гельвитическую гордость, Францискъ сдѣлалъ великую политическую ошибку, удержавши за собою Медіоланъ. Онъ могъ оставить его Максимиліяну Сфорцѣ, или по крайней мѣрѣ составить изъ него независимое герцогство, подъ покровительствомъ Франціи. При такомъ поступкѣ всѣ бы имѣли свои выгоды, особенно Италіянскія государства; Францискъ, съ своей стороны, подалъ бы примѣръ умѣренности, который еще болѣе возвысилъ бы его власть, а другихъ разувѣрилъ бы, что онъ не употребляетъ ее во зло, и Австрійскій дворъ былъ бы принужденъ, для своихъ выгодъ, согласиться на такое постановленіе. Но честлюбивый Францискъ не хотѣлъ пожертвовать настоящимъ для будущаго, а между тѣмъ вступленіе Карла Австрійскаго на престолъ Испанскій, и соединеніе многихъ державъ подъ одинъ скипетръ, создало новыя опасенія для Франціи. Король тогда уже менѣе думалъ объ уступкѣ другимъ своего важнаго завоеванія.

Мы видѣли въ первомъ періодѣ, что Франція неблагоразумно открыла прочимъ государствамъ тайну своего честолюбія и своихъ силъ, и слѣдственно сама побуждала ихъ къ сопротивленію и внушала имъ справедливое опасеніе. Она не только не успѣла сдѣлаться державою преобладающею надъ Италіею и Европою, но всѣ несчастныя ея покушенія на преобладаніе усилили вліяніе Испаніи и приготовили величіе этой монархіи. Мы увидимъ во второмъ періодѣ, что Испанія возвысится на ту степень, которой добивалась Франція, что она пріобрѣтетъ грозный перевѣсъ и возбудитъ въ самой Франціи справедливое безпокойство. Но Франція все таки будетъ воевать съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, и охранять себя отъ опасностей, которыхъ не могла предупредить; она будетъ служить соединительною точкою для враговъ Испаніи и совокупныя ихъ дѣйствія спасутъ Европу отъ порабощенія. Равновѣсіе будетъ еще весьма несовершенно, но не будетъ совсѣмъ уничтожено; для воспрепятствованія злу всегда найдется противудѣйствіе, и система противныхъ силъ болѣе и болѣе утвердится и распространится.

ГЛАВА VIII.

Карлъ Испанскій наслѣдуетъ Фердинанду Католику. — Сравненіе Франціи съ Испаніею. —

Карлъ, сынъ Филиппа Красиваго и Іоанны Испанской, внукъ Максимиліяна и Фердинанда, былъ
1516. шестнадцати лѣтъ, когда смерть дѣда доставила ему богатѣйшее наслѣдство. Семейственныя несчастія способствовали къ увеличенію его могущества, и онъ былъ призванъ управлять большею частію Европы въ такія лѣта, когда обыкновенно человѣкъ едва умѣетъ управлять самимъ собою. Государь этотъ, самою природою исключенный изъ обыкновеннаго круга дѣйствія, въ какомъ бы состояніи онъ ни родился, одаренный проницательнымъ умомъ, душею дѣятельною, силою воли, упрочивающей успѣхи, безъ сомнѣнія многимъ былъ обязанъ счастію, которое дарованіямъ его приготовило обширный театръ; но еще болѣе онъ одолженъ былъ превосходному воспитанію, достойному монарха великой имперіи. Филиппъ Красивый ввѣрилъ юнаго Карла Вильгельму де Кроа-Шьевръ, соединявшему въ себѣ всѣ качества ума, необходимыя для столь важной обязанности. Умный наставникъ угадалъ способности и дарованія своего воспитанника, и въ первыхъ его наклонностяхъ видѣлъ уже драгоцѣнные признаки будущаго характера. Онъ ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобы дѣятель-

ность Карла обратить на предметы полезные: умъ Карла былъ наклоненъ къ размышленію, и онъ доставлялъ ему пищу въ изученіи Исторіи и Политики. Карлъ показывалъ способность къ дѣламъ; онъ съ раннихъ поръ завлекалъ его въ труды управленія, изощряя его сужденіе важнѣйшими предметами. Обращая вниманіе нетолько на умственныя, но и на тѣлесныя упражненія, придающія тѣлу силу и ловкость, онъ устремлялъ своего воспитанника къ такимъ трудамъ, которые требовали полнаго вниманія, послѣдовательности и порядка. Такіе труды, вспомоществуемые счастливыми природными способностями, не пропали: въ шестнадцать лѣтъ Карлъ хотя и не являлъ силы генія, развитаго въ послѣдствіи, но уже соединялъ съ удовольствіями юности мудрость и важность зрѣлаго возраста.

Владѣя Нидерландами, Карлъ получилъ еще въ наслѣдство Испанію послѣ смерти Фердинанда Католика. Раздраженный на Изабеллу, неоставившую ему послѣ себя управленія Кастиліею, и на зятя своего эрцъ-герцога Филиппа, не слишкомъ его уважавшаго, Фердинандъ женился на племянницѣ Людовика XII, Germaine de Foix, въ надеждѣ имѣть наслѣдниковъ, и такимъ образомъ отстранить отъ престола внука. Надежда эта не исполнилась, и онъ вознамѣрился предпочесть Карлу брата своего эрцъ-герцога Фердинанда; но желая, чтобы его почитали 1516.

основателемъ истинно колоссальной державы, онъ уступилъ всѣмъ прочимъ страстямъ, и всѣ владѣнія завѣщалъ счастливому Карлу. Слѣдственно, Карлъ собралъ всѣ плоды хитростей Фердинанда, всю жизнь обманывавшаго другихъ, и къ наслѣдію дома Бургундскаго присоединилъ всю Испанію, королевство Неаполитанское, земли, открытыя геніемъ Коломба и завоеванныя его послѣдователями; кромѣ того онъ надѣялся присовокупить къ этому наслѣдіе Максимиліяна, и воспользоваться правами Австріи на Богемію, Венгрію и Медіоланъ. Такая масса могущества въ рукахъ монарха, соединявшаго съ сими средствами дарованія и характеръ, должна была взволновать всѣ Европейскія государства, которыя могли опасаться, чтобы силы его не сдѣлались мѣриломъ его притязаній и основнымъ правиломъ предпріятій.

Франція болѣе другихъ державъ подвергалась дѣйствію этого опаснаго государства; но въ личныхъ качествахъ своего короля и въ собственныхъ силахъ она находила средства противудѣйствовать ему. Владѣнія Карла были обширнѣе, но ихъ раздѣляли моря, и онѣ не составляли одного цѣлаго. Франція была лучше округлена, такъ что изъ средоточія ея съ одинаковою быстротою можно было поспѣть ко всѣмъ окружнымъ пунктамъ. Въ Нидерландахъ болѣе процвѣтали промышленость, дѣятельность, торговля и національное богатство; руд-

ники нового свѣта, приготовляя въ будущемъ паденіе Испаніи, могли въ настоящемъ случаѣ доставлять своему монарху обильную дань; но власть Карла въ сихъ владѣніяхъ ограничивалась неприкосновенными законами и представителями народа: онъ не могъ въ нихъ по своему произволу распоряжаться всѣми средствами, потому что иначе встрѣтилъ бы въ подданныхъ опасное сопротивленіе. Францискъ распоряжался свободнѣе; его приказанія и желанія не встрѣчали препятствія; Французская конституція измѣнилась въ формѣ со временъ Людовика XI; монархическая власть не была стѣсняема въ своемъ ходѣ, и правительство повсюду находило повиновеніе. Фламандцы болѣе были привязаны къ деньгамъ, нежели къ славѣ; важные и гордые Испанцы съ недовѣрчивостію и безпокойствомъ смотрѣли на своего монарха. Живые, страстные, слишкомъ довѣрчивые и воспламеняемые воинскою славою Французы ни въ чемъ не отказывали королю, которому удивлялись; воинственный и рыцарскій характеръ народа, любовь къ государю, еще болѣе увеличивали его силы и облегчали всякія пожертвованія. Во время Италіянскихъ войнъ, Испанская пѣхота пріобрѣла заслуженную славу; Бургундскіе жандармы почитались превосходными; но Французская пѣхота по справедливости считалась первою, потому что съ Швейцарцами былъ заключенъ продолжительный миръ, да и сами Швейцар-

цы были побѣждены только одними Французами. Карлъ не имѣлъ недостатка въ искусныхъ полководцахъ: Гонзальвъ Кордовскій умеръ, но оставилъ послѣ себя учениковъ, которые превзошли его; таковы были: храбрый и любезный Пескеръ, у котораго внезапныя внушенія дарованій замѣняли умную тактику; Антоній Левъ, изъ простаго солдата возвысившійся до званія военачальника; Ланнуа, равно способный и покорять области и управлять ими, и наконецъ тотъ герцогъ Альба, который въ послѣдствіи будетъ бичемъ непріятелей своего отечества, и также бичемъ своихъ согражданъ, но котораго жестокость не заставляетъ еще забывать о его торжествахъ. Франція съ увѣренностію могла противопоставить Баярда, котораго одно имя одушевляло солдата, и который, всегда вѣрный своей обязанности, предпочиталъ честь служить со славою — честолюбію начальствовать; глубокомысленнаго Коннетабля, достойнаго пользоваться храбростію Баярда; храбраго, хотя и несчастнаго Лотрека, Ла Тримулья и Тривюльса, превосходныхъ опытныхъ совѣтниковъ, и наконецъ самого Франциска, который, по своему сану, могъ подать могущественный примѣръ.

Карлъ отличался личнымъ мужествомъ, но не тою блистательною храбростію, которая характеризовала его соперника: онъ не былъ рожденъ военнымъ геніемъ, и никогда не былъ искусенъ въ войнѣ, но умѣлъ выбирать свѣдущихъ въ

этомъ дѣлѣ людей, и довѣрялъ имъ совершенно. Францискъ, увлекаемый воображеніемъ, смотрѣлъ только на настоящій моментъ; Карлъ однимъ взглядомъ обнималъ все цѣлое, соединялъ будущее съ настоящимъ, и подробности подчинялъ главнымъ видамъ. Францискъ былъ великъ въ несчастіи и являлъ мужество въ критическихъ обстоятелствахъ: Карлъ всѣми силами старался предупреждать эти обстоятельства, и въ затруднительномъ положеніи сохранялъ все присутствіе духа. При удовольствіи Францискъ забывалъ все; веселость во всемъ его утѣшала: Карлъ, какъ въ наслажденіяхъ, такъ и во всѣхъ своихъ поступкахъ наблюдалъ умѣренность; онъ былъ болѣе спокоенъ, нежели веселъ, и всегда отъ размышленія казался важнымъ. Одинъ былъ чувствителенъ и легкомысленъ, великодушенъ и неблагоразуменъ, болѣе привязанъ къ славѣ, чѣмъ къ могуществу: другой все подчинялъ разсудку и расчетамъ, все обдумывалъ вѣрно и глубоко; но былъ чуждъ порывовъ чувствительности; смотрѣлъ только на одинъ успѣхъ, и зналъ только одну страсть — властолюбіе. Уму Карла удивлялись; душу Франциска любили, потому что она была прекрасна, а умъ его соперника высокъ.

Таковы были два соперника, которые въ продолженіе тридцати лѣтъ занимали Европу своими кровавыми раздорами; таковы были двѣ силы, которыя, чтобы препятствовать возвыше-

нію одной предъ другой, четыре раза возобновляли борьбу свою. Генрихъ VIII могъ бы предупредить эти продолжительныя войны, если бы съ твердостію объявилъ себя противъ зачинщика; но увлекаемый лестію Карла, подчиненный Вольсею, который за деньги и за тіару терялъ изъ виду истинныя выгоды отечества, онъ, по шаткости и по совершенному недостатку прочныхъ правилъ, только усиливалъ эти войны. Генрихъ увлекался тщеславіемъ точно также, какъ Францискъ славолюбіемъ, а Карлъ гордостію и честолюбіемъ. Англійскій король, также находившій свои выгоды въ самобытности и могуществѣ Франціи и Испаніи, могъ и долженъ былъ поддерживать равновѣсіе, чтобы оно не погибло, и чтобы Испанія не установила преобладающей системы, которая прочимъ государствамъ предоставила бы наружную и неопредѣленную независимость, а между тѣмъ Европѣ дала бы одного общаго властителя. Такая всемірная монархія, столь опасная для Европы, состояла бы въ рѣшительномъ перевѣсѣ одной державы: другія существовали бы по одному имени, а на дѣлѣ были подчинены ей. Она управляла бы ими самопроизвольно, заставляя ихъ исполнять всѣ свои прихоти. Единственное благое средство спасенія Европы заключалось въ союзѣ слабыхъ государствъ и или въ созданіи такой державы, которая бы могла ей противодѣйствовать.

При Карлѣ V, Европѣ впервые грозила такого рода опасность. Эта достопамятная эпоха представляетъ намъ многія любопытныя картины: четыре войны Карла съ Францискомъ; успѣхи ума человѣческаго, какъ результаты политическаго состоянія Европы; реформацію, соприкасающуюся симъ успѣхамъ, и перевороты, произведенные ею на Сѣверѣ. На эти предметы мы обратимъ наше вниманіе.

ГЛАВА IX.

Причины вражды между Карломъ V и Францискомъ 1.

Карлъ V, вступая на престолъ Испанскій, залючилъ съ Францискомъ I трактатъ въ Нойонѣ, который, оканчивая или предупреждая всякіе между ними раздоры, повидимому обѣщалъ Европѣ благодѣтельный, продолжительный миръ; но этотъ договоръ скорѣе можно было почесть дѣломъ приличія и учтивости нежели истиннымъ договоромъ. Карлъ обѣщалъ возвратить Наварру; положено было, чтобы онъ женился на Луизѣ, дочери Франциска. Къ трактату сему приступилъ и Максимиліянъ; однако легко было предвидѣть, что два монарха, юные, могущественные, честолюбивые, можетъ быть, завидовавшіе другъ другу, скоро поссорятся. Карла пожира-

1516.

ли честолюбіе и гордость; Францискъ также былъ гордъ и славолюбивъ: слѣдовательно ихъ союзъ не могъ быть ни продолжительнымъ, ни искреннимъ; оба они имѣли порукою за свою безопасность одну силу; всякій изъ нихъ могъ опасаться другъ друга, а притомъ географическое положеніе ихъ владѣній могло всегда доставить предлогъ къ разрыву. Они могли думать, что, для воспрепятствованія нападеніямъ, должно предупреждать ихъ, ослаблять своего противника, чтобы онъ не усилился, и враждебныя дѣйствія соединять съ предосторожностями, чисто оборонительными. Въ наукѣ вѣроятностей, называемой Политикою, гдѣ цѣль опредѣленная, а средства такъ измѣнчивы, нѣтъ ничего труднѣе, какъ отличать вѣроятное отъ просто-возможнаго, опредѣлять степени и оттѣнки, отдѣляющіе одно отъ другаго, расчитывать вѣроятности, умѣть кстати дѣйствовать и бездѣйствовать, не жертвовать безъ нужды настоящимъ будущему, и при необходимости припоминать себѣ, что настоящее должно приготовить, утвердить будущее. И при господствѣ холоднаго разсудка, все это не такъ легко; чего же должно ожидать, когда страсти заглушаютъ выгоды? А во время Франциска I и Карла V Политика была еще въ младенчествѣ; понятія о чести были гораздо щекотливѣе, а вкусъ къ войнѣ общій.

Императорскій Германскій престолъ былъ

первымъ поводомъ къ нарушенію того согласія, которое повидимому господствовало между королями Французскимъ и Испанскимъ. Максимиліянъ умеръ послѣ жизни, проведенной болѣе 1519.
въ волненіи нежели въ дѣятельности, послѣ многихъ начатыхъ, но неконченныхъ предпріятій, умеръ, сопровождаемый въ могилу привязанностію подданныхъ. Короли Французскій и Испанскій считали себя въ числѣ претендентовъ на его наслѣдство; Генрихъ VIII также сначала льстилъ себя надеждою, но потомъ остался въ покоѣ. Оба претендента, для успѣха въ предпріятіи, употребляли одинаковыя средства: деньги и обѣщанія, хитрость и краснорѣчіе своихъ повѣренныхъ. Курфирсты раздѣлились на партіи. Съ одной стороны опасались могущества обоихъ, и Германія боялась избрать кого нибидь изъ нихъ; съ другой стороны надобно было избрать сильнаго монарха, чтобы защитить Германію отъ нападенія Турокъ. По совѣту Фридриха Мудраго, курфирста Саксонскаго, отказавшагося отъ короны, избранъ былъ Карлъ. Вѣтренность Бонивета, Французскаго министра, несходство нравовъ обоихъ народовъ, честолюбіе Франциска, уже извѣстное, тогда какъ честолюбіе Карла было еще скрытно, можетъ быть, сильнѣе совѣтовъ Фридриха подѣйствовали на умы избирателей. Въ сущности власть, пріобрѣтаемая Испанскимъ королемъ чрезъ императорское достоинство, была малозначуща, но она возвышала

его во мнѣніи, а мнѣніе есть уже могущество. Карлъ восторжествовалъ надъ своимъ соперникомъ, и тѣмъ унизилъ его; а это предпочтеніе, выставленное на видъ цѣлой Европы, поселило въ душѣ Франциска досаду и ненависть, которыя вскорѣ обнаружились.

Карлъ былъ въ Испаніи, когда получилъ это важное извѣстіе. Неблагодарность, которою онъ заплатилъ за заслуги кардинала Хименеса, управлявшаго Испаніею въ его отсутствіе, не расположила умы въ его пользу: Испанцы справедливо негодовали на такой поступокъ. Этотъ храбрый, великодушный народъ боялся, даже ненавидѣлъ Хименеса; но онъ умѣлъ уважать его строгость къ самому себѣ и другимъ, силу души, предохранявшую его отъ страстей, и непоколебимую справедливость, никогда недопускавшую его до какого либо проступка. Совершенно истребляя частныя выгоды, и жертвуя ими общей пользѣ, этотъ великой человѣкъ достоинъ удивленія. Испанцы не могли простить Карлу, что онъ своимъ презрѣніемъ ускорилъ смерть старца, немогшаго снести неблагодарности своего монарха, что онъ даже не хотѣлъ видѣть того, кто прославилъ государство, пользовался довѣренностію Изабеллы и Фердинанда, унизилъ необузданную гордость вельможъ, покровительствовалъ слабыхъ, завоевалъ на свой счетъ Оранъ, управлялъ отечествомъ, защищалъ и обогащалъ его. Къ тому же Карлъ, не принимая основныхъ

правилъ правленія кардинала, принялъ другія, заставлявшія сожалѣть о прежнихъ. Карлъ, уроженецъ Фландріи, и какъ человѣкъ, получившій тамъ свое воспитаніе, представлялъ совершенную противоположность въ обычаяхъ и нравахъ съ Испанцами. Они видѣли въ немъ чужеземца, который не могъ или не хотѣлъ сообразоваться съ тономъ и обычаями націи. Фламандскіе министры пріѣхали съ нимъ въ Испанію для своего обогащенія. Самъ Карлъ какъ будто прибылъ только за деньгами, для приведеденія въ исполненіе честолюбивыхъ замысловъ, противныхъ, или по крайней мѣрѣ безполезныхъ для Испаніи. Кастильская конституція предоставила кортесамъ право распоряжаться налогами. Въ силу особенныхъ политическихъ постановленій Аррагоніи, великій судья стоялъ выше штатовъ и государя: при несогласіи разныхъ властей, онъ рѣшалъ все своимъ голосомъ, и слѣдственно здѣсь власть королевская еще болѣе была ограничена нежели въ Кастиліи. Фердинандъ иногда старался всѣми силами, какъ нибудь обойтись безъ этихъ постановленій; иногда, въ случаѣ нужды, сообразовался съ ними, но притомъ нечувствительно хотѣлъ всегда уничтожить ихъ. Карлъ также могъ воспользоваться сими средствами и по образу своихъ мыслей и по характеру, но замѣтивъ на собраніи штатовъ въ Коруньѣ противорѣчіе своимъ видамъ, и къ тому же желая скорѣе короноваться во Франк-

1519. фуртѣ, онъ вдругъ уѣхалъ изъ Испаніи. Сѣмена неудовольствія были уже посѣяны, а Адріанъ Утрехтскій, оставленный въ качествѣ представителя, не былъ въ состояніи истребить ихъ. Тогда недовольные, побуждаемые къ мятежу отсутствіемъ Карла, составили союзъ, извѣстный подъ названіемъ Св. Юнты (Santa Iunta). Бургосъ, Сеговія, Мадридъ, Толедо, Саламанка взялись за оружіе для защиты, какъ они говорили, своихъ правъ. Города громогласно требовали новыхъ муниципальныхъ формъ, возвращенія коронныхъ имуществъ и уничтоженія денежныхъ налоговъ дворянства; они угрожали возведеніемъ на престолъ матери Карла, несчастной Іоанны, которая послѣ смерти супруга лишилась разсудка, и погруженная въ глубочайшую меланхолію, скрывала свою горесть въ стѣнахъ Тардесиласскихъ. Главою сихъ городовъ были Антоніо д'Акунья, епископъ Заморскій, болѣе честолюбецъ, нежели фанатикъ, и Донъ Педро Гиронъ; но ихъ качества и ревность не соотвѣтствовали желаніямъ мятежниковъ. Одни запутывались въ выборѣ средствъ; другіе, подъ маскою правоты и общественнаго блага, скрывали корыстолюбіе, гордость, месть тщеславія и ненависти. Безпорядокъ усилился; мятежники овладѣли Толедо; планы ихъ распространялись вмѣстѣ съ успѣхами, и они уже видѣли свободу только въ формахъ республиканскихъ. Іоаннъ Падилья, молодой дворянинъ, преданный душею защищаемому дѣ-

лу, и супруга его Марія де Pacheco, готовая на всякія пожертвованія, замѣнили Дона Педро, и стали руководить мятежемъ. Карлу едва ли не угрожала опасность лишиться Испаніи. Если бы книгопечатаніе въ это время пустило въ оборотъ мятежныя и разрушительныя идеи; если бы дворянство не поняло, что города, нападая на королевскую власть, касаются ихъ правъ, или если бы города не такъ скоро выказали свои тайныя намѣренія, начавши проповѣдывать ложныя выгоды и прелести политическаго равенства; если бы графъ д'Оссуна не замѣнилъ слабаго и неспособнаго Адріана, правителя Испаніи, то совершенная революція могла бы ниспровергнуть эту прекрасную страну. Пораженіе 1521.
инсургентовъ возвратило порядокъ и предупредило ужаснѣйшія катастрофы.

Францискъ, зная положеніе Испаніи, воспользовался благопріятною минутою, чтобы возвратить Наварру, отнятую у Іоанна Альберта Фердинандомъ Католикомъ; но можетъ быть также, онъ питалъ себя надеждою распространить пламя войны гораздо далѣе. Порученіе возложено было на Лепара, брата Лотрека, Лескуна и графини Шатобріанъ; онъ проникнулъ въ Наварру и вступилъ въ Пампелуну. Ободренный успѣхами, полагаясь на обѣщанія инсургентовъ, онъ достигъ до Логроньо, въ Кастиліи; но присутствіе Карла возвратило на истинный путь заблудшихся. Испанское

дворянство явило мужество и мудрость, достойныя удивленія; мятежники были разбиты
1521. при Виллаларѣ; предводители ихъ погибли или на эшафотахъ, или съ оружіемъ въ рукахъ, или спаслись бѣгствомъ; Леспаръ потерпѣлъ пораженіе и взятъ въ плѣнъ въ сраженіи, которое онъ далъ въ одной мили отъ Пампелуны герцогу де Наяру и коннетаблю Кастильскому, предводителямъ Испанскихъ войскъ. Карлъ возвратился въ свои владѣнія; начались строжайшія изслѣдованія, но все кончилось мирно, когда государь безопасно могъ расточать свое милосердіе. Францискъ показалъ безсильное недоброжелательство. Испанскій король съ своей стороны не могъ болѣе ошибаться въ его видахъ и намѣреніяхъ; война была неизбѣжна, и очевидно, что Францискъ былъ ея зачинщикомъ.

ГЛАВА X.

Война между Карломъ V и Францискомъ I. — Первая война отъ 1521 — 1526. — *Мадридскій миръ. — Вторая война отъ* 1527—1529. — *Миръ въ Камбре.— Третья война отъ* 1536 — 1538.— *Перемиріе въ Ниццѣ. — Четвертая война отъ* 1542 — 1544. — *Миръ въ Крепи.*

Францискъ старался всю вину сложить на Генриха Альберта, и въ то же время уговорилъ Роберта де Ла Марка, графа Буильонскаго, не-

довольнаго императоромъ, начать военныя дѣйствія въ Нидерландахъ. Карлъ видѣлъ, что ла Маркъ только орудіе страстей Французскаго короля, и потому съ сильнымъ войскомъ осадилъ Мезьеръ. Крѣпость была дурно укрѣплена, но ее защищалъ Баярдъ, а его храбрость замѣняла всѣ лучшія укрѣпленія. Самъ Францискъ хотя и явился на помощь, но упустилъ случай разбить императорскую армію близъ Валансьена. По стараніямъ Генриха VIII, желавшаго прекратить войну, переговоры открылись въ Кале; но явное пристрастіе этого государя воспрепятствовало мирнымъ окончаніямъ. Францискъ тщетно старался привлечь на свою сторону Англійскаго короля искренностію и ласками во время своего съ нимъ свиданія; Карлъ же, болѣе хитрый и дальновидный, успѣлъ во всемъ лучше потому, что посѣтилъ лично Генриха въ Англіи и обѣщалъ Вольсею тіару. Когда Францискъ не согласился принять предложенныхъ въ Кале условій, то король Англійскій соединился противъ него съ императоромъ, и военныя дѣйствія начались въ Италіи.

Насильственные поступки маршала Лотрека въ Медіоланѣ и поведеніе Французовъ давно уже взволновали жителей герцогства; составился союзъ. Левъ X вознамѣрился возвести на Медіоланскій престолъ Франциска Сфорцу и

могъ надѣяться на успѣхъ. Просперъ Колонна, полководецъ твердый, искусный, дѣятельный безъ запальчивости и благоразумный безъ робости, начальствовалъ союзными войсками и пріобрѣталъ быстрые успѣхи. У Лотрска недоставало денегъ; финансы, назначенные для Италіянской арміи, были истощены корыстолюбивою Луизою Савойскою и слабымъ министромъ Самблансе. Лотрекъ не могъ уплатить жалованья Швейцарцамъ, которые требовали отъ него нападенія на Проспера Колонну, засѣвшаго въ Бикокскомъ паркѣ близъ Медіолана; но не смотря на всѣ благоразумныя распоряженія маршала и на его личную храбрость,
1522. онъ былъ разбитъ. Швейцарцы удалились за горы; Французы лишились Медіолана, и изъ всѣхъ завоеваній удержали только крѣпости Медіоланскую и Кремонскую. Левъ X, получивъ объ этомъ извѣстіе, чрезвычайно обрадовался, но скоро заболѣлъ и умеръ; его смерть долженствовала дать другой оборотъ дѣламъ.

Карлъ, вопреки обѣщанію, данному Вольсею, возвелъ на папскій престолъ умнаго, но слабаго Адріана, способнаго жить болѣе съ книгами нежели съ людьми, и совершенно ему преданнаго. Впрочемъ Карлъ увѣрилъ Вольсея, что больной старецъ вѣроятно недолго останется на престолѣ, и Вольсей согласился ждать. Англія торжественно объявила Франціи войну. Венеція, бывшая до сихъ поръ ея союзницею,

Флоренція, Генуя, герцогъ Феррарскій и маркизъ Мантуанскій пристали къ сторонѣ Карла.

Такой массѣ силъ Францискъ могъ противопоставить только собственное мужество, силы своего народа, неустрашимость Баярда и дарованія коннетабля. Вдругъ ужасный заговоръ еще болѣе увеличилъ его опасное положеніе, и похитилъ у Франціи героя, который одинъ могъ спасти ее. Бурбонъ сдѣлался предметомъ ненависти Луизы Савойской, и едва выносилъ всѣ поступки этой мстительной женщины, а между тѣмъ видѣлъ, какъ Францискъ осыпалъ незаслуженными милостями Бонивета. Кромѣ того у Бурбона оспоривали наслѣдство супруги его Сусанны Бурбонъ, которая, по свадебному договору, формально передала ему всѣ свои земли, и подтвердила это при смерти. Луиза Савойская, тётка принцессы, не смотря на очевидныя права коннетабля, вздумала объявить свои притязанія на его наслѣдство. Дюпра, долженствовавшій быть органомъ правосудія, но вмѣсто того бывшій орудіемъ матери короля, объявилъ рѣшеніе противъ Бурбона, и такимъ образомъ лишилъ принца богатыхъ помѣстьевъ *), столь справедливо имъ требованныхъ. Почитая себя теперь свободнымъ отъ всѣхъ обязанностей, Бурбонъ нарушилъ свя-

*) Споръ былъ о Бурбонѣ, Овернье, Маркѣ, Форе, Божоле и княжествѣ Домбъ.

щеннѣйшій долгъ. Пылая мщеніемъ и увлекаемый честолюбіемъ, онъ началъ прислушиваться къ льстивымъ предложеніямъ графа Бурена, повѣреннаго Карла: императоръ льстилъ его надеждою образовать для него независимое государство, и даже возстановить въ его пользу королевство Арльское; кромѣ того, онъ обѣщалъ ему въ супружество сестру свою Елеонору, вдову короля Португальскаго, если только онъ согласится, во время пребыванія короля въ Италіи, стать въ главѣ его друзей, многочисленныхъ вассаловъ и возмутить или раздро-
1523. бить Францію. Заговоръ былъ открытъ. Бурбонъ бѣжалъ въ Италію; императоръ ввѣрилъ ему начальство надъ своими войсками, и этотъ новый Коріоланъ, забывши обязанности и относительно себя самого и относительно Франціи, дыша однимъ мщеніемъ, всѣ свои дарованія употребилъ противъ отечества.

Францискъ, оставшись во Франціи для изслѣдованія подробностей заговора и для предупрежденія его слѣдствій, послалъ въ Италію Бонивета. Бониветъ, поставлявшій выше всего слѣпую храбрость, человѣкъ, небывшій въ состояніи упрочить успѣхи свои предусмотрительностію и пользоваться случаемъ, неблагоразумный и тщеславный, по слабости непріятеля сдѣлалъ нѣкоторыя пріобрѣтенія, завоевалъ снова почти весь Медіоланъ, но потерялъ драгоцѣнное время, а между тѣмъ союзники уве-

личили свои силы такъ, что, предводимые Бурбономъ, Пескеромъ и Ланнуа, они принудили Бонивета къ отступленію. При Біаграссѣ онъ былъ разбитъ; Баярдъ прикрывалъ его отступленіе; но, опасно раненный, герой сей умеръ 1524.
со славою въ такое время, когда Франція наиболѣе имѣла нужды въ его дарованіяхъ. Побѣжденные въ чуждой землѣ, Французы на родинѣ поддержали честь своего оружія и явились непобѣдимыми. Бурбонъ вступилъ въ Провансъ и началъ безполезную осаду Марсели; Генрихъ со стороны Пикардіи находился въ двадцати миляхъ отъ Парижа. Оба хотѣли уже проникнуть далѣе, но Францискъ принудилъ ихъ удалиться. Это торжество могло бы указать ему на истинную систему, которой должно было слѣдовать, но онъ обратился къ любимой мысли — покоренію Медіолана; перешелъ чрезъ Альпы; не остановился отъ позднаго времени года, и въ расплохъ напалъ на изумленнаго непріятеля. У Бурбона оказался недостатокъ въ войскѣ и въ деньгахъ. Медіоланъ сдался; но вмѣсто того, чтобы вытѣснить императорскую армію изъ Италіи и продолжать успѣхи, Францискъ занялся осадою Павіи, хорошо укрѣпленной, снабженной припасами и защищаемой геніемъ Антонія де Лева. Зима 1524.
прошла, а крѣпость все еще защищалась. Бурбонъ между тѣмъ подоспѣлъ съ арміею, собранною имъ съ изумительною дѣятельностію;

но легко было предвидѣть, что при недостаткѣ средствъ, она скоро разсѣется, если только непріятель продолжитъ свои дѣйствія. Францискъ, безполезно ослабивщій себя отправленіемъ одного отряда противъ Неаполя, остался у Павіи и, вопреки совѣту лучшихъ своихъ сподвижниковъ, продолжалъ осаду. Союзники напали на ретраншементы Французовъ; завязалась кровавая битва. Антоній де Левъ сдѣлалъ сильную вылазку; Пескеръ опрокинулъ Французскихъ жандармовъ чрезъ присоединеніе къ своей кавалеріи мушкетеровъ. Французы оказали чудеса храбрости, но были побѣждены. Де-
1525. сять тысячъ легло на мѣстѣ сраженія; Бониветъ былъ убитъ; самъ король, видя безполезность сопротивленія, былъ взятъ въ плѣнъ и отдалъ свою шпагу Ланнуа. Сначала его отвезли въ Пиццегетону, но потомъ, по его же просьбѣ, въ Мадридъ. При такомъ торжествѣ Карлъ скрывалъ свою радость; но показалъ себя недостойнымъ въ жестокомъ обращеніи съ Францискомъ; онъ какъ будто былъ ниже благопріятствовавшаго ему счастія, тогда какъ плѣнникъ, гордый и спокойный, являлъ себя превыше непостоянной фортуны.

Все казалось потеряннымъ, какъ писалъ Францискъ, кромѣ чести, и все было возвращено. Луиза Савойская, правительница королевства, загладила прежнія свои проступки умною дѣятельностію. Европа взволновалась по-

бѣдами Карла, и вознамѣрилась обуздать его честолюбіе. Генрихъ VIII сталъ завидовать и также безпокоиться его изумительными успѣхами, и объявилъ себя за Францію; къ этой перемѣнѣ побудилъ его и Вольсей, который негодовалъ на Карла за то, что онъ во второй разъ обманулъ его, и послѣ смерти Адріана не доставилъ ему тіары. Климентъ VII, изъ фамиліи Медичисовъ, любитель наукъ и искусствъ, наслѣдовалъ учителю Карла V. Придерживаясь прежнихъ правилъ Римскаго двора, онъ не хотѣлъ видѣть чуждаго владычества въ Италіи, и своею дѣятельностію и вліяніемъ возбудилъ противъ Карла большую часть владѣній полуострова.

Между тѣмъ плѣнъ Франциска продолжался; однако жъ императоръ, видя слабое его здоровье и опасаясь лишиться плодовъ своихъ побѣдъ, приступилъ къ переговорамъ. Карлъ долженъ бы былъ безъ всякихъ условій освободить плѣнника; а съ другой стороны Францискъ могъ бы играть въ эту минуту прекрасную роль и подать свѣту великій примѣръ: ему стоило только объявить, что онъ никогда не подпишетъ унизительнаго предложенія; что судьба Франціи не соединена въ этомъ случаѣ съ судьбою его особы; что онъ не согласится возвратить своей свободы, жертвуя государствомъ. Утверждая такимъ образомъ это благородное объявленіе, онъ долженъ былъ провозгласить ко-

6 мая. Римъ взятъ былъ приступомъ. Бурбонъ пер-
1528. вый приставилъ къ стѣнѣ лѣстницу и былъ убитъ. Не зная какъ поправить, оправдать или забыть свою измѣну, онъ томился жизнію и искалъ случая освободиться отъ тяжкаго бремени; смерть на тридцать восьмомъ году была для него благодѣяніемъ. Римъ подвергся грабежу войска: христіанскіе воины, признававшіе власть папы, превзошли въ жестокостяхъ варваровъ, нѣкогда грабившихъ столицу міра. Климентъ VII, вмѣсто того, чтобы бѣжать, удалился въ замокъ Св. Ангела и тамъ попался въ плѣнъ. Карлъ выслушалъ это извѣстіе съ притворною горестію, и приказалъ совершать во всей Испаніи молитвы объ освобожденіи первосвященника.

Францискъ и Генрихъ также готовились возвратить ему свободу: одинъ собралъ войско, другой прислалъ денегъ, и тогда Французская армія двинулась къ Риму. Императорское же
1527. войско, ослабленное заразительными болѣзнями, не могло сопротивляться; Климентъ былъ освобожденъ. Лотрекъ, прибывши къ Неапо-
1528. лю, началъ осаду сего города, а между тѣмъ Андрей Дорія блокировалъ его со стороны моря. Филиппъ Дорія, племянникъ этого великаго человѣка, одержалъ совершенную побѣду надъ Гуго де Монкадесъ, вице-королемъ Неаполитанскимъ, и надъ маркизомъ Гуа-

стомъ, воспитанникомъ Пескера. Монкадесъ былъ убитъ въ сраженіи, Гуастъ взятъ въ плѣнъ; но всѣ эти торжества не принесли никакой пользы. Лотрекъ потерялъ время; чума опустошала ряды его войска; Францискъ не посылалъ болѣе денегъ. Дорія, предметъ клеветы придворныхъ, взволнованный неблагодарностію короля, который не уплачивалъ ему назначенной суммы, отказался отъ плѣнниковъ и какъ будто хотѣлъ благопріятствовать Савоіѣ относительно Генуи. Дорія отправилъ въ голодный Неаполь припасы, возвратился съ флотомъ въ Геную и убѣдилъ свое отечество попрать иго Французовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ ему мудрые законы, доставилъ покровительство императора, и такимъ образомъ упрочилъ его внѣшнюю независимость. Лотрекъ, оставленный и ослабленный, упорствовалъ еще въ осадѣ Неаполя; но отъ горестей и болѣзни скончался, оставивъ по себѣ память храбраго, но несчастливаго въ дѣлахъ полководца. Остатки арміи возвратились во Францію. И на слѣдующій годъ Французы не были счастливѣе: графъ Сенъ-Поль, начальствовавшій въ Медіоланѣ, потерпѣлъ пораженіе при Ландріанѣ, гдѣ Антоній де Левъ разбилъ его съ малыми силами.

Карлъ и Францискъ желали мира: одинъ боялся успѣховъ Турокъ, и хотѣлъ остановить ихъ; другой былъ истощенъ. Переговоры от- 1529.

крылись въ Камбре между Маргаритою Савойскою, тёткою императора, и Луизою, матерью Франциска; обѣ искусныя и хитрыя въ тайнахъ политики, даровали миръ Европѣ. Для Испаніи онъ былъ выгоденъ и почетенъ; для Франціи унизителенъ. Правда, Бургундія осталась за Франціею, но Карлъ удержалъ на нее права свои. Францискъ уступилъ свои притязанія на Артуа и Фландрію, и обязался заплатить два милліона экю за выкупъ сыновей. Генуя осталась свободною; Францискъ Сфорца возведенъ на Медіоланскій престолъ; Флоренцію императоръ подчинилъ Александру Медичи, племяннику папы Климента VII, и выдалъ за него побочную дочь свою Маргариту. Слѣдственно нарушеніе Мадридскаго мира послужило только къ распространенію и утвержденію могущества Испаніи. По изгнаніи Французовъ изъ Италіи, Карлъ остался какъ будто единственнымъ властителемъ Европы.

1529 Семь лѣтъ продолжалось спокойствіе; но
до потомъ борьба опять возобновилась. Франція
1536. въ продолженіе этого времени могла поправиться отъ истощенія. Сія прекрасная страна, въ которой щедрая природа старалась исправить слѣдствія ошибокъ человѣческихъ, съ удивительною легкостію собралась съ новыми силами. Время изгладило глубокое впечатлѣніе, произведенное бѣдствіями Франциска, и по мѣрѣ того, какъ это воспоминаніе удалялось, преж-

нія страсти, не совсѣмъ истребленныя, а только замолкшія, начали возрождаться. Король видѣлъ средства, которыми могъ располагать, сталъ помышлять о новыхъ войнахъ и искалъ только предлога. Онъ представился. Францискъ Сфорца приказалъ обезглавить Мервеля, 1534.
агента Французскаго двора, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ былъ виновенъ въ какомъ-то убійствѣ, но въ сущности для того, чтобы угодить Карлу, который опасался Мервеля и его тайныхъ будто бы сношеній въ Италіи. Францискъ, желавшій возвратить Медіоланъ, ухватился за этотъ благопріятный случай. Хотя онъ не могъ полагаться на союзъ Англійскаго короля, занятаго внутренними дѣлами своего государства, но въ это время Карлъ былъ занятъ войною на Варварійскихъ берегахъ противъ Каиръ-Едина-Барберуссы, опустошавшаго Испанію со стороны Средиземнаго моря. Французскій король вздумалъ воспользоваться симъ отсутствіемъ; вступилъ въ Италію; овладѣлъ землями Карла, герцога Савойскаго, оспоривавшаго у него наслѣдство матери. Смерть Франциска Сфорцы подала между тѣмъ новыя 1535.
надежды королю Французскому.

Савоія, Піемонтъ, Медіоланъ не могли сильно сопротивляться оружію Французовъ. Брессъ и Бюже покорились; Шамбери также; герцогъ Савойскій удалился изъ Турина, куда Французы и вошли побѣдителями. Франциску легко

было овладѣть Медіоланомъ; но обыкновенная живость повидимому оставила его, и дѣйствія затянулись; а прибытіе Карла въ Неаполь сдѣлало потерю времени невознаградимою, и совершенно измѣнило ходъ дѣлъ.

Побѣдителемъ возвратился Карлъ съ торжествомъ изъ Африканской экспедиціи. Онъ взялъ Гуллетту, смирилъ Тунисъ, и тридцать тысячъ освобожденныхъ христіанскихъ невольниковъ по всей Европѣ разглашали о его великодушіи и подвигахъ. Карлъ отправился къ Риму: здѣсь, въ полномъ собраніи, въ присутствіи посланниковъ Франциска, онъ объявилъ папѣ и цѣлой Европѣ о нарушеніи договора Французскимъ королемъ. Тогда папскій престолъ занималъ Павелъ III, изъ фамиліи Фарнезе. Кроткій и миролюбивый, онъ тщетно старался успокоить враждебный духъ Карла и отвратить отъ Италіи новыя бѣдствія. Императоръ, дѣйствуя и на словахъ и на самомъ дѣлѣ, выгналъ Французовъ изъ Медіолана, Піемонта и Савоіи; сталъ угрожать самой Франціи, проникнулъ въ Провансъ, между тѣмъ какъ другой арміи, подъ начальствомъ Бурена, повелѣно было напасть на Пикардію. Францискъ опять съ успѣхомъ принялся за оборонительную систему. Монморанси расположился лагеремъ при сліяніи Дюрансы съ Роною; Марсель и Арль сильно оборонялись; остальная часть Прованса была опустошена самими

Французами; жители удалились во внутренность страны со всѣми пожитками; города и села опустѣли. Карлъ видѣлъ уменьшеніе своихъ войскъ отъ утомленія, болѣзней и голода. Франція была спасена. Внезапная смерть Дофина, девятнадцати-лѣтняго принца съ прекрасными надеждами, сильно опечалила короля.

Францискъ, болѣе нежели когда нибудь взволнованный противъ Карла, заключилъ союзъ съ Солиманомъ II. Необходимость внушила ему такую мѣру. Австрійскій домъ былъ всегдашнимъ врагомъ Оттоманской Порты и Франціи. Францискъ, поставляя себя выше господствовавшихъ въ его время идей, отвергавшихъ всякой союзъ съ невѣрными, понялъ выгоды Франціи, и преемникамъ своимъ начерталъ путь, по которому они постоянно и съ успѣхомъ слѣдовали. Онъ заключилъ оборонительный договоръ съ Солиманомъ, въ слѣдствіе котораго Турецкое войско напало на Венгрію, а Барберусса между тѣмъ съ сильнымъ флотомъ опустошалъ берега Неаполитанскаго королевства. Карлъ, измѣривъ всю опасность этого союза, много безпокоился имъ. Павелъ III также устрашился этого союза; онъ было предлагалъ свое посредничество, но напрасно. Оба короля и папа отправились въ Ниццу для совокупнаго сужденія о средствахъ къ окончанію войны: здѣсь заключено было перемиріе на десять лѣтъ, въ продолженіе ко-

тораго императоръ и король Французскій должны оставаться при прежнихъ владѣніяхъ до окончательнаго мира. Карлъ, захватившій Медіоланъ послѣ смерти Сфорцы, льстилъ Франциска надеждою уступить ему это герцогство: Францискъ, всегда довѣрчивый, снова позволилъ обмануть себя. Императоръ, проѣзжая чрезъ Парижъ, для наказанія возмутившихся жителей Гента, торжественно обѣщалъ Медіоланъ герцогу Орлеанскому, и опять нарушилъ это обѣщаніе.

Это новое вѣроломство внушило Французскому королю справедливое негодованіе, усиленное еще болѣе ужаснымъ преступленіемъ. Вопреки народному праву и главнѣйшимъ правиламъ справедливости и человѣчества, маркизъ Гуастъ, Медіоланскій правитель, въ слѣдствіе тайныхъ повелѣній Карла, приказалъ умертвить двухъ Французскихъ посланниковъ, Ринкона и Фрегоссу, чтобы захватить ихъ бумаги. Одинъ изъ нихъ былъ отправленъ въ Константинополь, другой въ Венецію. Францискъ, пылая мщеніемъ, вдругъ вооружилъ пять армій, которыя стали угрожать Испаніи со стороны Руссильона, Нидерландамъ со стороны Люксенбурга, Италіи со стороны Монферрата. Этотъ обширный планъ дѣйствій былъ предложенъ новыми министрами Франциска: адмираломъ Аннебо и кардиналомъ Турнономъ; впрочемъ его вскорѣ оставили, и Италія со-

сдѣлалась главнымъ театромъ войны. Не смотря на побѣду, одержанную герцогомъ Енгіенскимъ при Церизолѣ надъ императорскими войсками, подъ начальствомъ маркиза Гуаста, Французы не сдѣлали ничего рѣшительнаго; недостатокъ единства въ мѣрахъ и бѣдность въ исполнительныхъ средствахъ уничтожили плоды завоеванія Монферрата. Кромѣ того Франція должна была вызвать свои войска, потому что Генрихъ VIII, подстрекаемый Карломъ, вторгнулся и взялъ Булонь. Самъ Карлъ овладѣлъ Сенъ-Дизье, проникнулъ въ Шампань, взорвалъ магазины въ Шатотіерри, и остановилъ дѣйствія дофина.

Ужасъ распространился до самаго Парижа; но императоръ не могъ и не хотѣлъ воспользоваться своими выгодами; вниманіе его обратилось на дѣла Германскія и Венгерскія. Францискъ, котораго дѣятельность и страсти уменьшились вмѣстѣ съ лѣтами, самъ имѣлъ нужду въ мирѣ, который и былъ заключенъ въ Кре- 1544.
пи. Карлъ предписалъ законъ, и Франція должна была принять его. Испанія удержала свои завоеванія въ Италіи, и заговорила тономъ побѣдительницы. Франція, напротивъ, не сдѣлала новыхъ пріобрѣтеній и не получила даже сильнѣйшей поруки за свою самобытность. Францискъ отказался отъ притязаній на Неаполь и Артуа; императоръ удержалъ за собою Медіоланъ, неопредѣленно обѣ-

щавъ инвеституру на него герцогу Орлеанскому, если только онъ женится на его племянницѣ. Выгоды Наваррскаго дома предоставлены были рѣшенію Испаніи, которая не совсѣмъ отказалась отъ Бургундіи; всѣ Карловы союзники также участвовали въ этомъ договорѣ: Англійскій король получилъ Булонь. И такъ миръ сей именно поставилъ Францію въ тѣ самые предѣлы, въ которыхъ она была по смерти Людовика XII.

ГЛАВА XI.

Общія замѣчанія о войнахъ между Францискомъ I и Карломъ V.

Послѣ четырнадцати-лѣтнихъ войнъ, истребившихъ множество народа и капиталовъ, Франція и Испанія, обѣ ослабленныя и обѣднѣвшія, почти находились въ одинаковыхъ отношеніяхъ существеннаго могущества, какъ и до начатія продолжительной и кровавой борьбы. Разница была въ томъ, что въ сію эпоху дѣйствующія средства ихъ могли уравновѣситься, и что послѣ мира въ Крепи, когда потери ихъ также были одинаковы, онѣ нуждались въ спокойствіи. Однако жъ Испанія все-таки пріобрѣла бо́льшія выгоды и относительно существенной силы и относительно силы мнѣнія. При окончаніи такой войны, которая была бы предпринята для воспрепятствованія сильному и властолюбивому го-

сударству подавить своею тяжестію сосѣдственныя земли, результатъ сей могъ быть удовлетворителенъ, и по крайней мѣрѣ соотвѣтствовалъ бы цѣли войны: соразмѣрное ослабленіе воюющихъ державъ спасло бы ихъ отъ грозившей имъ опасности; онѣ пріобрѣли бы все то, чего не могли потерять, и то, въ чемъ препятствовали пріобрѣтенію другихъ. Но первыя войны Франциска I и Карла V не были войнами такого рода; онѣ были диктованы настоятельною потребностію и очевидною опасностію. Оба соперника могли и должны были опасаться другъ друга; но они не были въ такомъ положеніи, чтобы воевать другъ противъ друга для спасенія своей политической самобытности. Ихъ наступательныя и оборонительныя силы могли сохранить равенство, потому что вмѣстилища этихъ силъ были въ равновѣсіи или, лучше сказать, обѣ державы были преобладающими въ общей Европейской системѣ; и кромѣ того, умножая свои средства внутреннимъ развитіемъ силъ, соперничествуя взаимно въ мудрыхъ дѣйствіяхъ политической экономіи, Франція и Испанія чрезвычайно возвысили бы свое могущество безъ нарушенія равновѣсія. Но Францискъ жаждалъ воинской славы; онъ надѣялся затмить совершенно юнаго своего соперника. Войну съ Карломъ началъ онъ безъ причины. Карлъ долженъ былъ вооружиться; началъ пріобрѣтать успѣхи, которые заохотили его къ завоеваніямъ;

сталъ далѣе распространять свои притязанія, угрожать политической самобытности другихъ государствъ: и война несправедливая, предпринятая безъ нужды, повлекла за собою другія войны, болѣе справедливыя и болѣе необходимыя. Король Французскій взялся за оружіе не потому, что равновѣсіе было въ опасности, но онъ самъ произвольно нарушилъ это равновѣсіе. При умноженіи опасностей надобно было, чтобы онъ взялся за оружіе для возстановленія порядка вещей, который безъ него, можетъ быть, остался бы въ прежнемъ положеніи.

Послѣ многихъ перемѣнъ, Медіоланъ остался за Карломъ; Францискъ принужденъ былъ отказаться отъ него, или по крайней мѣрѣ, потерялъ всякую надежду на возвращеніе наслѣдія предковъ своихъ. Австрійскій домъ пріобрѣлъ богатую и плодоносную область; но она, по географическому положенію, составляла отдѣльную часть, и служила точкою нападенія со стороны Франціи, которую трудно было отдалить и защищать провинцію съ успѣхомъ. Франція лишилась Медіоланскаго герцогства; но вмѣстѣ съ нимъ она уничтожила ненависть Италіянскихъ государствъ, сдѣлалась ихъ союзницею и оплотомъ противъ возраставшаго перевѣса Испаніи.

Войны Карла и Франциска, предпринятыя вовсе не за безопасность обоихъ государей, поставившія ихъ въ то же самое положеніе и не измѣнившія нисколько ихъ политическихъ отношеній,

были ведены безъ послѣдовательности и порядка, безъ общаго опредѣленнаго плана. Вмѣсто того, чтобы всегда переносить театръ войны въ Италію, надобно было наносить рѣшительные удары на границѣ Нидерландовъ. Успѣхи или потери въ Медіоланѣ и Неаполѣ не могли повлечь за собою окончательнаго результата, и одну изъ воюющихъ державъ поставить въ необходимость просить мира. Потерпѣнныя пораженія прекращали споры только на время; побѣды доставляли выгоды минутныя и несовершенныя. Если бы Францискъ всѣ свои силы направилъ на Фландрію, то могъ бы, особенно въ первую войну, совершить полезныя для Франціи завоеванія и отнять у своего врага его богатѣйшія провинціи. Съ другой стороны, если бы Карлъ взялъ за начальную точку дѣйствій Фландрію, то могъ бы проникнуть въ сердце Франціи. На это онъ рѣшился только въ послѣднюю войну, да и то худо воспользовался такою мѣрою. До сего же времени всегдашнимъ театромъ его вторженій былъ Провансъ, и вторженія не могли быть успѣшны. Легко было пробраться въ южныя провинціи; но онѣ не были хлѣбородны, слѣдственно трудно было продовольствовать тамъ армію, а еще труднѣе удержаться.

Недостатокъ въ деньгахъ былъ главною причиною безполезности побѣдъ и совершеннаго отсутствія единства въ этихъ знаменитыхъ

войнахъ. Употребленіе и умноженіе артиллеріи войско на жалованьѣ и обычай содержать иностранные пѣхотные отряды, все это стоило значительныхъ суммъ; требовались огромные расходы, а денежныя средства обоихъ государей не соотвѣтствовали имъ. Дворянство уважало военную службу, но отказывалось платить подати; другія же сословія невозможно было обременять новыми податями безъ ихъ собственнаго согласія; причемъ возникали многія затрудненія. Непосредственныхъ налоговъ не знали; а налогъ поземельный не могъ выходить за извѣстные предѣлы.

Поэтому короли всегда были принуждены довольствоваться соглашеніемъ. Францискъ возвысилъ налогъ до девяти милліоновъ; но этого было мало: онъ прибѣгнулъ къ опасному источнику—продажѣ правительственныхъ мѣстъ; нѣкоторыя государственныя имущества уничтожилъ, другія продалъ; открылъ займы и обложилъ податью городскую Парижскую ратушу. Однако жъ всѣ сіи средства, внушенныя необходимостію, не могли доставить ему столько, чтобы вести дѣла послѣдовательно и быстро. Французскіе солдаты, живя въ непріятельской землѣ, предводимые королемъ, котораго они любили, безъ ропота дожидались просроченнаго жалованья; не такъ думали чужеземныя войска: Швейцарцы тотчасъ же удалялись изъ арміи, если имъ не выдавали съ точностію опредѣленной суммы.

Карлъ V былъ еще бѣднѣе Франциска.

Испанцы и Фламандцы — одни приверженцы своихъ правъ, другіе любители денегъ — не хотѣли, чтобы Карлъ произвольно располагалъ тѣмъ и другимъ. Они боялись доставлять ему оружіе противъ представительныхъ формъ, или показать, что можно обойтись ему и безъ нихъ, если только въ рукахъ его будутъ значительныя суммы Съ перваго взгляда такая тактика могла показаться имъ полезною, но не такова она была на самомъ дѣлѣ. Во всѣхъ государствахъ одно только правительство можетъ и должно рѣшать начало войны, управлять дѣйствіями; и гораздо лучше довести скорѣе дѣло до развязки, нежели затянуть его и отказывать въ нужныхъ средствахъ.

Правда, Карлъ владѣлъ Американскими рудниками. Геній Кортеса, мужество и жестокости Пизарро и Альмагро открыли и завоевали Мексику и Перу; но для окончательной организаціи управленія сими обширными странами и для извлеченія выгодъ изъ рудокопства требовалось много времени. Америка еще не осыпала Испанію большими сокровищами: они предоставлены были Филиппу, въ рукахъ котораго Перуанское золото долженствовало разорить государство и обагрить кровію Европу.

Однако жъ, при всемъ недостаткѣ въ деньгахъ, Карлъ во всѣхъ войнахъ торжествовалъ надъ своимъ соперникомъ. Объяснить это легко. Хотя Карлъ самъ былъ не такъ храбръ, не

такъ богатъ и не такъ любимъ войсками какъ Францискъ, но онъ умѣлъ выбирать людей и умѣлъ удерживать ихъ при себѣ. Францискъ находился подъ вліяніемъ свой матери, съ видами которой онъ сообразовался, и по желанію которой опредѣлялъ и увольнялъ полководцевъ. Луиза Савойская пожертвовала Лотрекомъ своему корыстолюбію. Раздраженная противъ коннетабля, она довела его до крайности — вооружиться противъ отечества. Бониветъ одолженъ былъ своимъ возвышеніемъ также Луизѣ, а чрезъ это Франція потерпѣла многія неудачи. Всѣ эти обстоятельства, повидимому ничтожныя, но важныя по своимъ слѣдствіямъ, лишили государство истинно достойныхъ людей. Не такъ было при дворѣ Карла: онъ очень хорошо выбиралъ людей, и умѣлъ цѣнить ихъ. Кромѣ того Францискъ, всегда пламенный и неукротимый, слишкомъ горячился при началѣ кампаніи, а потомъ скоро скучалъ военными трудностями. Карлъ въ исполненіи своихъ плановъ не такъ былъ скоръ, но болѣе постояненъ, и въ концѣ войны сохранялъ ту же дѣятельность какъ и въ началѣ. Притомъ же постоянное мужество и рѣшительное дарованіе къ войнѣ не могли предупредить или исправить слѣдствій политическихъ ошибокъ Французскаго короля, тѣмъ болѣе, что онѣ въ послѣднее время сдѣлались какъ будто его основными правилами. Надобно впрочемъ отдать ему спра-

ведливость въ томъ, что онъ употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для привлеченія на свою сторону Англійскаго короля. Въ то время, когда Франція не имѣла еще морской силы, Испанія, какъ первая морская держава и владычица Нидерландовъ, была непремѣнною соперницею Англіи; и если бы Генрихъ VIII зналъ истинныя выгоды своего народа, т. е. выгоды торговли, если бы онъ не предпочиталъ имъ выгоды мелкихъ страстей, своихъ собственныхъ и Вольсея, то поддерживалъ бы Франциска постоянно. Онъ этого не сдѣлалъ, и Францискъ былъ невиноватъ. Италіянскія державы также должны были бы держать его сторону; не бывши въ состояніи препятствовать водворенію иностранцевъ въ Италіи, и видя Испанію владычицею Неаполя, онѣ могли опасаться также и за Медіоланъ. Во время плѣна Францискова они и приняли эту систему, но потомъ вскорѣ оставили ее, особенно послѣ поступковъ Лотрека въ Медіоланѣ и послѣ неблагодарности Франціи, относительно Доріи. Особенно Франциска надобно упрекать въ томъ, что онъ не ранѣе заключилъ союзъ съ Солиманомъ II, и что вооружилъ противъ себя Германскихъ протестантовъ. При всей странности этого союза, безопасность государства, казалось, заставляла его подать одну руку Туркамъ, другую протестантамъ. Какой могущественный и страшный оборотъ дѣламъ въ его пользу

могли бы дать Солиманъ и союзъ протестантовъ, извѣстный подъ названіемъ Смалькальденскаго! Сношенія Франциска съ Солиманомъ начались слишкомъ поздно, и не всегда были искренни. Разность религій, или, можетъ быть, опасеніе возбудить противъ себя папу, удерживали его отъ этого. Что же касается до лютеранъ, то боявшійся ихъ Карлъ, ослаблялъ ихъ притворными ласками и лживыми обѣщаніями; а Францискъ, настоящій ихъ союзникъ, наказывалъ смертію тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которыхъ подозрѣвалъ въ приверженности къ новому ученію, и такимъ образомъ какъ будто приготовлялъ ужасы ночи Св. Варѳоломея.

ГЛАВА XII.

О вліяніи богатства, могущества и политическихъ сношеній государствъ на развитіе человѣческаго ума. — Цвѣтущій вѣкъ Льва X и Медичисовъ. — Успѣхи наукъ и искусствъ.

Въ то время, когда государства, для честолюбивыхъ и прихотливыхъ войнъ, истребляли произведенныя трудомъ національное богатство и могущество, законы природы возсоздали изъ нѣдръ успѣховъ общественнаго порядка, довольства и дѣятельности, вкусъ къ наукамъ, искус-

ствамъ и художествамъ. Тѣ же самыя причины, которыя въ южной Европѣ положили начало политической системѣ, во многихъ странахъ заронили сѣмена образованности, давшія, при изумительно-быстромъ развитіи, богатые плоды. Остановимся на этомъ любопытномъ предметѣ; онъ не чуждъ исторіи переворотовъ политической системы. Образованіе ума, блистательный знакъ народнаго могущества, есть въ то же время его результатъ и средство, дѣйствіе и причина.

Италія была театромъ, гдѣ явились всѣ тѣ блестящіе феномены генія, которые дѣлаютъ честь человѣческому роду, заставляютъ забывать о его слабостяхъ и утѣшаютъ въ его бѣдствіяхъ. Италіи дважды предоставлена была слава просвѣтить міръ. Могущественная фамилія, которая всѣ свои богатства употребляла на ободреніе наукъ, которая любила просвѣщеніе, потому что понимала его цѣну, и которая оказывала ученымъ мудрое покровительство, гораздо драгоцѣннѣйшее золота, и притомъ столь рѣдкое; монархъ, который въ блистательной степени обладалъ сими характеристическими и наслѣдственными качествами своего дома, — сообщили свое названіе прекрасной эпохѣ въ Исторіи человѣческаго ума. Это вѣкъ Медичисовъ, или вѣкъ Льва X. Хотя сей славный періодъ начался гораздо прежде Льва, и продолжался послѣ его смерти, но Левъ явился въ самую благопріятную минуту, и въ продолженіе краткаго своего

правленія много сдѣлалъ для наукъ. Карлъ V бесѣдовалъ съ великими людьми своего вѣка; но онъ не отъ души любилъ музъ и не искренно оказывалъ имъ уваженіе. Францискъ также принималъ участіе въ ихъ успѣхахъ, радовался и даже оцѣнивалъ умственные труды. Извѣстно, что онъ истинно царскими щедротами покровительствовалъ кисти Тиціана; что Леонардъ де Винчи умеръ въ его объятіяхъ; что Маро былъ благосклонно принятъ при его дворѣ; что онъ самъ даже сочинялъ стихи, отъ которыхъ не отказывался Маро; но Франція, которой суждено такъ блистательно подвизаться на литературномъ поприщѣ, въ то время совершенно была помрачена Италіею. Слѣдовательно весьма справедливо, что современники и признательное потомство назвали этотъ знаменитый вѣкъ вѣкомъ Медичисовъ и Льва X.

Начиная съ вѣка Периклова и потомъ Августова, оставившихъ послѣ себя столько образцовыхъ, безсмертныхъ и вѣчноюныхъ твореній, до упоминаемой нами эпохи, примѣчаешь одну только пустыню, которой печальное и безплодное однообразіе прерывается нѣсколькими отдѣльными растеніями; ихъ мощность поражаетъ, но не удивляетъ. Развѣ природа могла знать объ этихъ измѣненіяхъ дѣятельности и покоя, богатства и бѣдности, которыя характеризуютъ трудъ человѣка? Развѣ она производитъ не всегда съ одинаковою плодовитостію? Послѣ явленія многихъ высшихъ умовъ, могущественныхъ геніевъ,

развѣ она имѣетъ нужду въ длинномъ промежуткѣ бездѣйствія, какъ будто для отдыха послѣ истощенія? Объяснить такимъ образомъ прекрасные вѣки исторіи чрезвычайно полезно, но сообразно ли съ ходомъ природы? Всегда одинаковая, она производитъ въ другихъ родахъ также всегда одинаковое число существъ, лучше организованныхъ и болѣе совершенныхъ нежели другія, — почему же въ нравственныхъ формахъ она успѣваетъ не такъ часто, какъ въ физическихъ, и почему геній рѣже красоты?

Гораздо положительнѣе допустить, что мѣра умственныхъ силъ и число дѣйствующихъ умовъ почти всегда однѣ и тѣ же; но что причины, замедляющія или ускоряющія ихъ развитіе, не вездѣ и не всегда одинаково дѣйствуютъ. Одно разнообразіе мѣстныхъ обстоятельствъ можетъ объяснить, почему въ развитіи своемъ родъ человѣческій иногда идетъ гигантскими шагами впередъ, а потомъ назадъ съ изумительною быстротою; почему въ одной части земли онъ осужденъ на вѣчное младенчество, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ являются замѣчательные и быстрые успѣхи.

Какія же физическія и нравственныя причины и обстоятельства, благопріятствующія или противудѣйствующія успѣхамъ человѣческаго ума? Онѣ многочисленны. Нѣтъ изъ нихъ ни одной причины, которая бы, взятая отдѣльно отъ другихъ, объяснила феноменъ, требующій

объясненія. Писатели, увлекаемые страстію все упростить, хотѣли всѣ факты подвести подъ одно разрѣшающее правило, умалчивали о тѣхъ, которыя не подходили подъ ихъ систему, и въ твореніяхъ, болѣе остроумныхъ нежели основательныхъ, доказали или незнаніе свое или недовѣрчивость.

Климатъ (разумѣя подъ этимъ словомъ не только градусъ долготы и широты страны, но свойство почвы, ея произведенія, виды, образъ жизни, сколько они опредѣляются физическимъ состояніемъ ея) рѣшительно ничего не значитъ. Развѣ въ Греціи нынѣ не такой же климатъ, какъ и въ счастливыя времена ея Исторіи? а между тѣмъ она въ варварскомъ состояніи. Прошло столѣтіе, какъ Англія и Германія достигли до высшей степени образованія, а съ того времени температура и почва значительно измѣнились въ нихъ. Ктому же опытъ всѣхъ вѣковъ доказалъ, что нравственныя причины, дѣйствующія на умъ и волю человѣка, могутъ до безконечности измѣнить въ немъ дѣйствіе причинъ физическихъ, и что сіи послѣднія имѣютъ рѣшительное вліяніе только на существа, лишенныя разума и воли. Даже ни одна изъ нравственныхъ причинъ, взятая отдѣльно, кажется, не можетъ быть условіемъ развитія человѣческаго ума. Часто встрѣчаемъ эти причины у народа безъ желаннаго дѣйствія.

Форма правленія дѣйствуетъ на успѣхи об-

разованности. Раскройте Исторію, и вы увидите, что деспотисмъ и безначаліе останавливаютъ успѣхи человѣческаго ума. Науки, искусства и художества преуспѣвали во всѣхъ земляхъ, гдѣ люди находили безопасность и гражданское устройство, гдѣ была достигнута цѣль общественнаго порядка. Можетъ быть, поэтическіе геніи находятъ пищу въ волненіяхъ, неразлучныхъ съ формами демократическими; но имъ нужно спокойствіе для правильности и изящности твореній, чтобы читатели и слушатели имѣли время восхищаться ихъ вымыслами и картинами. Точно также науки, изучающія и объясняющія природу, ищутъ и любятъ правленіе покойное, прочное, при которомъ онѣ безмятежно могутъ заниматься своими наблюденіями и опытами.

Природа слѣдуетъ неизмѣннымъ путемъ въ развитіи всѣхъ существъ, и напрасно стали бы стараться совратить ее съ этой дороги, назначая каждой вещи свое время. Она помѣстила пробужденіе воображенія и мысли, минуту рожденія изящнаго и истиннаго послѣ той эпохи, когда народъ упрочилъ физическое свое существованіе удобно и пріятно, и когда, располагая большою массою средствъ, имѣетъ не только необходимое, но и излишнее. Науки и искусства, въ которыхъ участвуетъ воображеніе, предполагаютъ въ людяхъ, занимающихся ими для возсозданія или для наслажденія, отсутствіе нужды, досугъ, неизвѣстный трудящимся для

того, чтобы жить, и оспоривающимъ свое существованіе у природы. Этотъ досугъ, неизвѣстный народу бѣдному, возбуждаетъ желаніе удовольствій умственныхъ. Если есть рѣшительное и необходимое условіе для развитія человѣческаго ума, или для успѣховъ наукъ и искусствъ, то это та степень національнаго богатства, по которой народъ, освоившійся со всѣми прочими предметами роскоши, хочетъ познакомиться съ роскошью умственною, и послѣ чувственныхъ наслажденій, желая ихъ замѣнить другими, хочетъ усладить новыми забавами часы своего досуга.

Вотъ почему народъ, занимающійся звѣроловствомъ или скотоводствомъ, никогда не можетъ блистать въ искусствахъ воображенія, и съ успѣхомъ обработывать науки. Жизнь такого народа трудна, существованіе его непрочно; онъ все подводитъ подъ тѣсную посредственность: можетъ быть, онъ отъ того и счастливѣе, но это уже другой вопросъ. Одно земледѣліе не можетъ доставить народу того богатства и той потребности разнообразныхъ наслажденій, которыя влекутъ за собою науки и искусства; потому что земледѣліе ничего не значитъ, если промышленость и торговля не умножаютъ сбыта его произведеній. Земледѣліе раздѣляетъ людей; исскуства и торговля соединяютъ ихъ въ одно цѣлое и образуютъ вмѣстилище просвѣщенія умовъ. Земледѣльческая жизнь допускаетъ только простыя и немногосложныя отношенія; но для

развитія и приведенія въ дѣйствіе умовъ надобно, чтобы отношенія сіи были болѣе сложны и многочисленны. Національное богатство должно, слѣдовательно, основываться на совокупныхъ трудахъ земледѣлія, промышлености и торговли, чтобы между народомъ появлялись поэты, артисты, ученые, философы. Это богатство, столь благопріятное для развитія умовъ, можетъ быть не совсѣмъ выгодно для нравственности; доставляя пищу дарованіямъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ питать и страсти; у такого народа будетъ много идей, но мало положительныхъ правилъ, много вкусу, но мало скромности, много явится прекрасныхъ твореній, но мало будетъ хорошихъ дѣлъ. Аѳины, во времена Перикловы, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ отличались и развращеніемъ нравовъ. При Августѣ, въ Римѣ господствовали всѣ возможные пороки и красовались дарованія. Испорченность нравовъ и развитіе умовъ были результатами національнаго богатства, которымъ Аѳины были обязаны торговлѣ, а Римъ всемірному владычеству. Но несправедливо было бы предполагать, что два одновременныя слѣдствія одной и той же причины производятъ одна другую, и утверждать, что успѣхи наукъ неразлучны съ успѣхами безнравственности, потому что существуютъ часто вмѣстѣ. Какъ ни печальна эта послѣдняя истина, но она не уничтожаетъ положенія, что первое условіе развитія народа есть его богатство.

Примѣнимъ положенія сіи къ вѣку Льва X; мы увидимъ, что всѣ физичечкія и нравственныя причины, дѣйствующія на развитіе человѣческаго рода, способствовали къ созданію этой цвѣтущей эпохи; но что онѣ дѣйствовали съ успѣхомъ только тогда, когда Италія достигла высшей степени національнаго богатства, и въ этомъ отношеніи превосходила всѣ прочія Европейскія государства. Солнце Неаполя, Флоренціи и Венеціи не блистательнѣе и не дѣйствительнѣе солнца Валенціи и южной Франціи; воспитаніе почти было одинаково на всемъ югѣ Европы: оно вездѣ состояло въ упражненіяхъ тѣлесныхъ и въ изученіи мертвыхъ языковъ. Деспотисмъ и безначаліе прекратились во Франціи, въ Испаніи и Германіи точно также, какъ и въ Италіи; власть самодержавная укрощала страсти· Италія нетолько не представляла своимъ обитателямъ болѣе безопасности чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но политическія формы ея измѣнялись еще событіями, и во многихъ городахъ господствовало несогласіе. Религія, одинаковая во всей Европѣ, вездѣ представляла народамъ однѣ и тѣ же идеи поэзіи, однѣ и тѣ же картины, искусствамъ одни и тѣ же предметы; но въ началѣ XVI столѣтія, въ Италіи было болѣе богатствъ въ сравненіи съ остальною Европою. Объ этихъ богатствахъ единогласно говорятъ всѣ современные историки: Италія снабжала ими всѣ прочія земли. Трудъ разнообразный, постоянный,

обширный, привлекалъ къ ней деньги всѣхъ народовъ, и еще болѣе усиливалъ дѣятельность; цвѣтущее земледѣліе, шелковыя и бумажныя мануфактуры, фабрики: стальныхъ, серебряныхъ и золотыхъ издѣлій, торговля Индѣйская и Левантская — все это умножало способы существованія, и было причиною того, что необходимость умственныхъ удовольствій сдѣлалась общею, и требовала ученія и искусства новыхъ наслажденій. Когда Италія достигла такой степени образованности и богатства, Греки, удалившіеся изъ Константинополя, нашли въ ней почву лучше приготовленную, и еще болѣе способствовали къ ея плодородію своими наставленіями и примѣрами; книгопечатаніе шло впередъ быстрыми шагами. Тогда только зрѣлище богатой, живописной, величественной и улыбающейся природы, прекрасное небо, бросающее магическій оттѣнокъ на всѣ предметы, самыя войны, приводившія умы въ полезное движеніе, великолѣпные остатки Римскаго могущества и Греческаго искусства, нѣсколько вѣковъ равнодушно попираемые ногами Италіянцевъ — тогда только всѣ эти обстоятельства развили дарованія, воспламенили геній и породили образцовыя произведенія. Всѣ причины развитія оставались безъ слѣдствія до тѣхъ поръ, пока Италія не вступила на путь дѣятельности и богатства; эти обстоятельства вывели ихъ изъ летаргическаго сна. Медичисы, и особенно Левъ X, были въ уровень

съ этимъ блистательнымъ вѣкомъ; они явились кстати, чтобы всему удивляться, все ободрять, все награждать; поэты, историки, ученые, артисты, какъ будто родились по ихъ воззванію, чтобы украсить ихъ дворъ, прославить ихъ добродѣтели, и такимъ образомъ обезсмертить своихъ покровителей.

Возвышенный и своенравный геній Данта создалъ въ Италіи поэзію. Чувствительное воображеніе Петрарки оцвѣтило ее новыми прелестями; всегда изящный и пріятный, гармоническій и чистый, поэтъ сей разгадалъ богатства своего языка и употребилъ всѣ средства, чтобы плѣнить слухъ и сердце. Эти великіе люди имѣли слабыхъ подражателей; но въ вѣкъ
Умеръ въ 1530. Льва X они нашли себѣ достойныхъ соперниковъ. Санназаръ, другъ несчастнаго Неаполитанскаго короля Фридриха, долгое время посвящавшій напѣвы своей музы для утѣшенія низвергнутаго монарха, описалъ въ своей Аркадіи пастушескіе нравы простѣе всѣхъ своихъ соотечественниковъ, но притомъ живыми, роскошными и нѣжными красками, внушенными ему Неаполитанскимъ небомъ. Бембо умѣлъ съ достоин-
1481 до 1547. ствомъ главы Церкви соединить прелести пріятной и легкой версификаціи, и съ успѣхомъ возвысился до величественной оды. Рыцарскія сцены, эта живая и осуществленная эпическая поэма, представляли обширное поле для поэтическаго воображенія и прекрасные сюжеты для

эпопеи. Чудесное, великое пособіе для такихъ сочиненій, отвергаемое разсудкомъ, но всегда нравящееся душамъ пламеннымъ и дѣятельнымъ, господствовало въ ней, какъ бы въ собственномъ своемъ владѣніи. Чтобы искоренить это чудесное, требовалось гораздо болѣе искусства, нежели сколько нужно въ настоящее время для введенія его въ другіе предметы. Боярдо, графъ Скандіано, воспользовался такимъ родомъ, написавъ поэму: *Роландъ влюбленный*, и приготовилъ основу для Роланда неистоваго; его сочиненіе — искусно составленная ткань, по которой геній Аріоста разсыпалъ богатые и блестящіе узоры. Умеръ въ 1533.

Едва ли какой нибудь народъ имѣетъ поэта, котораго бы можно было сравнить съ Аріостомъ, относительно богатаго воображенія, никогда неутомляющагося, всегда легкаго и какъ будто шутя производящаго. Какой неистощимый источникъ остроумнѣйшихъ вымысловъ! Какое обиліе сравненій новыхъ и разительныхъ! Какая послѣдовательность сценъ, художнически связанныхъ между собою, гдѣ смѣняются быстро противоположные предметы, чувства и тонъ! Какъ всѣ созданныя имъ существа отличаются особенными, яркими, характеристическими чертами! Врагъ пустыхъ описаній и отвлеченностей, какъ окончательно обрисовывалъ онъ картины свои! Съ какою неподражаемою легкостію измѣняетъ онъ кисть и краски. То возвышенный и простодушный, смѣющійся и ужасный, сладострастный и

нѣжный, онъ вездѣ одинаково совершенъ: описываетъ ли ужасныя бури или сады Альцины, помѣшательство Ангелики или добродѣтельную нѣжность Изабеллы, на плахѣ произносящей имя Зербина. Нѣкоторые замѣчали недостатокъ единства въ этой поэмѣ; замѣчаніе сіе было бы справедливо, если бы строгій порядокъ могъ совмѣститься съ изумительнымъ разнообразіемъ лицъ и дѣйствій, великихъ чертъ и счастливыхъ подробностей; но если въ ней нѣтъ единства, то есть цѣлое; безпорядокъ ея только наружный и скрываетъ глубокое искусство. Поэма такъ неправильна и своенравна, какъ природа, и подобно ей она разнообразна; живописна, неистощима. Аріостъ, поэтъ единственный и едвали, кромѣ Лафонтена, не самый оригинальный, не можетъ быть переданъ съ успѣхомъ на другой языкъ; прелесть теряется, наивность исчезаетъ, гармонія также, на какомъ бы то ни было языкѣ. Кромѣ такой обширной галлереи картинъ, у Аріоста есть также сатиры, которыя могли бы другаго прославить; онъ не Ювеналъ, справедливо негодующій, и разящій порокъ; но тонкій, веселый, учтивый и забавный Горацій, который смѣется надъ ошибками другихъ.

Аріостъ не дожилъ до появленія поэта, который одинъ можетъ оспоривать у него поэтическій вѣнецъ; но можно предполагать, что если бы онъ зналъ его, то эти два великіе мужа соревновали бы другъ другу безъ всякаго соперничества, и каж-

дый изъ нихъ еще болѣе возвышалъ бы себя, отдавая честь дарованіямъ другаго. Тассъ родился 1544.
въ Сорренто, въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Немного столь знаменитыхъ и вмѣстѣ столь несчастныхъ людей, какъ онъ. Удовольствія генія могутъ утѣшать въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ; трудъ, поглощающій всѣ душевныя способности, дѣлаетъ равнодушнымъ или чуждымъ большей части предметовъ, рѣшающихъ благоденствіе людей; потребность славы допускаетъ однѣ естественныя потребности, изгоняя всѣ прочія. Есть однако одно удовольствіе для душъ благородныхъ и гордыхъ: это чувство, что онѣ стоятъ выше своей судьбы. Несчастія Тасса зависѣли отъ его чувствительности; главная причина его бѣдствія заключалась въ душѣ его, а не во внѣшнихъ обстоятельствахъ и событіяхъ; пламенное, дѣятельное, сильное воображеніе, внушавшее ему возвышенныя идеи, вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняло его глубокимъ и продолжительнымъ страстямъ. Извѣстно, что онъ любилъ принцессу Елеонору, сестру герцога Феррарскаго; любовь эта, питаемая въ молчаніи, пламенѣвшая еще болѣе отъ несчастія, повергла Тасса въ мрачную меланхолію, и была причиною жестокаго съ нимъ обращенія. Какая картина! Герцогъ Феррарскій приказываетъ заключить Тасса въ темницу: плѣнникъ уходитъ, блуждаетъ по Италіи, борется съ нищетою, ежеминутно страшится, живетъ въ Туринѣ подъ чужимъ именемъ, не имѣя другаго сокровища, кромѣ сво-

его генія, другаго утѣшенія, кромѣ природы и музъ; потомъ, когда непреодолимая любовь снова приводитъ его въ стѣны Феррары, онъ опять схваченъ и заключенъ въ больницу Св. Анны съ сумасшедшими! Наконецъ, послѣ долгаго времени и въ слѣдствіе многихъ убѣжденій, онъ получаетъ свободу; готовится быть вѣнчаннымъ въ Капитоліи, по ходатайству кардинала Альдо-
1596. брандини; дѣлается жестоко боленъ, умираетъ въ монастырѣ Св. Онуфрія, — и такимъ образомъ мѣняетъ тріумфъ на могилу.

Чтобы разсѣять грустное впечатлѣніе, производимое на душу этою трагическою исторіею, и чтобы утѣшить себя въ бѣдствіяхъ Тасса, скажемъ, что сочиненіе безсмертныхъ созданій вознаграждало его за всѣ страданія, и что онъ, безъ сомнѣнія, зналъ промежутки счастія и упоенія, которое одинъ онъ могъ и созерцать и изображать. Тассъ долженъ былъ сознавать свои силы и свою дѣятельность: и какая сила воображенія, какая дѣятельность ума! Міръ, созданный имъ для себя съ такою легкостію, населенный имъ избранными существами, управляемый имъ такъ искусно, былъ для него убѣжищемъ, въ которомъ онъ освобождался отъ бѣдствій существенности и отъ преслѣдованій людей: производя, онъ наслаждался; наслаждался и послѣ произведенія, по невольному и почти вынужденному чувству достоинства своихъ твореній. Онъ самъ заставляетъ насъ забыть объ Аминтѣ, пріятной пастушеской

поэмѣ, въ которой умѣетъ быть чувствительнымъ съ простотою, трогательнымъ и благороднымъ, не преставая быть естественнымъ. Обширное историческое твореніе: *Освобожденный Іерусалимъ*, затмило этотъ привлекательный пейзажъ.

Слава этой поэмы, какъ бы она велика ни была, можетъ быть, ниже ея существеннаго достоинства: какой правильный, мудрый ходъ! какое изумительное единство; какъ сцѣплены и подчинены всѣ дѣйствія одному главному! какое совершенство въ цѣломъ! При такихъ красотахъ — слѣдствіи вѣрнаго вкуса и размышляющаго ума — какая быстрота въ движеніяхъ! какой огонь въ выраженіяхъ! какая живость и свѣжесть въ колоритѣ! Не смотря на строгое единство, повидимому несообразное съ великою истиною, какое богатство и великолѣпіе въ подробностяхъ, смѣняющихъ другъ друга безъ нарушенія порядка, безъ вреда эффекту цѣлаго! Характеры героевъ поэмы всегда самобытны, никогда не походятъ другъ на друга. Та же страсть, тѣ же качества во многихъ дѣйствующихъ лицахъ образованы различно, и отличаются оттѣнками, замѣтными для внимательнаго наблюдателя. Кипящая храбрость Ринальда, холодное и обдуманное мужество Танкреда, дикая храбрость Арганта, спокойная и благочестивая неустрашимость Годфрида — все это представляется въ отличительныхъ чертахъ, которыя трудно перемѣшать вмѣстѣ. Точно также изображены цѣломудрен-

ная и робкая нѣжность Олинда и Софроніи, пылкія чувства и воображеніе Армиды, меланхолическая любовь кроткой Эрминіи и, наконецъ, любовь благородная и гордая, негодующая сама на себя, какъ на слабость, характеризующая Клоринду. Иногда Аріостъ срываетъ съ лица легкую улыбку, даже въ то время, когда онъ кажется важнымъ и рисуетъ страшные предметы. Тассъ, напротивъ, всегда болѣе склоняетъ къ грусти, нежели къ веселости; это слѣдствіе природной его чувствительности и претерпѣнныхъ бѣдствій. Тассъ, строгій, важный, величественный, предпочитаетъ предметы, гармонирующіе съ состояніемъ его души, и измѣняетъ тайнѣ сердца тогда даже, когда, повидимому, хочетъ дышать удовольствіями и веселіемъ, и описать ихъ. Аріостъ болѣе обиленъ; Тассъ выше его въ расположеніи, и лучше умѣетъ пользоваться своими богатствами. Одинъ превосходно изображаетъ дѣйствія и событія; другой говоритъ языкомъ чувства и страстей. Тассъ, всегда правильный и оконченный, воспитанникъ красоты; Аріостъ питомецъ граціи.

Драматическая поэзія, можетъ быть, изъ всѣхъ родовъ наитруднѣйшая: она требуетъ рѣдкаго соединенія качествъ и еще рѣдчайшей совокупности обстоятельствъ. Она предполагаетъ, что общественность сдѣлала великіе успѣхи у народа, что она образовалась въ населенныхъ и бога-

тыхъ городахъ, гдѣ выгоды произвели страсти, и что она можетъ доставить богатую матерію для наблюдателя человѣческаго сердца; кромѣ сего, родъ этотъ требуетъ величайшей простоты выраженія, соединенной съ энергіею чувствъ: такая простота есть верхъ искусства. Италіянцы во многихъ родахъ достигли совершенства; а драматическая поэзія была еще въ младенчествѣ. Триссино, въ Софонизбѣ, во всемъ подражалъ Грекамъ и все отъ нихъ заимствовалъ; но, какъ рабскій подражатель или, скорѣе, неискусный переписчикъ, онъ не соблюлъ согласія предмета; потому трагедія его, точно также какъ и эпическая поэма: *Италія, освобожденная отъ ига Готѳовъ*, обнаруживаетъ трудъ, но не истинное дарованіе. Пышность выраженій, изобиліе въ картинахъ и вкусъ къ описаніямъ, отличительныя свойства поэтическаго генія Италіянцевъ, объясняющія ихъ успѣхи въ эпической поэзіи, долженствовали замедлить успѣхи ихъ въ трагедіи. Въ комедіи они успѣли лучше. Комедіи Аріоста, Кардинала Бибіены, Макіавели — піэсы, отличающіяся болѣе интригою, нежели характерами, изъ которыхъ первыя легче другихъ; но въ нихъ много прелестныхъ подробностей; разговоръ живой, быстрый, веселость и комическая сила, происходящая отъ противныхъ положеній. Характеръ Тисиѳея, въ Мандрагорѣ, напоминаетъ Тартюфа; жаль только, что свобода иногда выходитъ за

предѣлы приличія, и что при хорошемъ вкусѣ авторъ невсегда уважалъ нравственность.

Вмѣстѣ съ сими поэтами, обогащавшими и совершенствовавшими родное слово, другіе воскресили языкъ Виргилія и Горація и стали подражать имъ на этомъ языкѣ. Многіе съ одинаковою легкостію писали и по-Латинѣ и по-Италіянски. Въ нашъ насмѣшливый вѣкъ, когда презираютъ то, чего вовсе не знаютъ, когда думаютъ знать вещи послѣ поверхностнаго изученія словъ, и когда число ученыхъ, знакомыхъ со всѣми богатствами языковъ Греческаго и Латинскаго, ежедневно уменьшается, въ нашъ вѣкъ говорятъ, что Латинскіе поэты вѣка Льва X не могли писать съ благородствомъ и изяществомъ; утверждаютъ, что Виргилій засмѣялся бы, прочитавши ихъ стихи, и сами скромно улыбаются при этомъ. Въ такихъ мысляхъ конечно есть нѣсколько истинъ, но онѣ слишкомъ преувеличены; впрочемъ, что значатъ всѣ разсужденія, когда говорятъ сами факты? Сочиненіе врача Фраскатора, сильно описывающаго опустошенія губительной болѣзни, Піитика Виды, въ которой въ одно и то же время онъ предлагаетъ примѣры и правила; легкія піесы кардинала Бембо, счастливо подражавшаго Катулу и Проперцію; Латинскія стихотворенія Санназара, едва ли непревосходящія его сочиненій Италіянскихъ, доказываютъ, что совокупное дѣйствіе дарованій и труда могутъ даже на мерт-

вомъ языкѣ производить творенія, въ которыхъ достоинство выраженія соединено съ достоинствомъ мысли и чувства.

Тогда какъ эти знаменитые люди старались воскресить музы Латинскія, Мануци, Содолетто своею изящною и гармоническою прозою напоминали о слогѣ Плинія и Цицерона; иные трудились всю жизнь надъ полезными открытіями; старались спасать отъ кораблекрушенія остатки древности; предавались мучительному изученію, чтобы исправить измѣненный текстъ сихъ сочиненій, дѣлать коментаріи, или приводить въ систему правила языка. Уваженіе, оказываемое въ этомъ вѣкѣ древнимъ, можетъ быть, доходило до идолопоклонства; но такой энтузіасмъ извинителенъ, особенно когда подумаемъ, что памятники сіи, долгое время забытые, воскресли для наученія вѣковъ. Впрочемъ энтузіасмъ не простирался до того, чтобы пренебрегать наблюденіемъ и изображеніемъ природы; напротивъ, изученіе древнихъ показывало, какъ геніи умѣли подражать ей, и конечно такое удивленіе было не такъ опасно, какъ наше холодное равнодушіе.

Краснорѣчіе сего времени не шло на ряду съ Поэзіею: оно требуетъ болѣе идей нежели картинъ, болѣе движенія нежели описаній, болѣе чувствительности нежели воображенія; но въ эту эпоху умы едва ли не имѣли противоположнаго направленія. Писатели хотѣли увѣрять безъ убѣжденія; двигать волею безъ просвѣщенія,

а истинное Краснорѣчіе должно производить то и другое: оно языкъ разума, одушевляемый воображеніемъ и чувствомъ; сжатая, быстрая, увлекательная логика нужнѣе для него фигуръ и украшеній. Краснорѣчіе ученое представляло рѣчи, загроможденныя цитатами и полемическими мудрствованіями. Въ дѣлахъ пустословили; но болѣе размѣренно нежели сильно, болѣе осторожно и благоразумно нежели свободно. Венеціянскій сенаторъ, разсуждая о затруднительныхъ дѣлахъ, и боясь вооружить противъ себя мстительное правительство, принужденъ былъ говорить не такъ смѣло и не съ такою энергіею, какъ Демосѳенъ, открывавшій Аѳинскому народу замыслы Филиппа, или какъ Цицеронъ, гремѣвшій противъ Верреса и Катилины.

Кромѣ того проза не образовалась еще такъ, какъ языкъ поэтическій; и нѣтъ сомнѣнія, что страсть писать по-Латинѣ останавливала успѣхи живыхъ языковъ. Еще за два вѣка Боккачіо, въ своемъ Декамеронѣ, показалъ образецъ слога въ родѣ повѣствовательномъ; его обороты и выраженія, чистыя, изящныя, не устарѣли; но чѣмъ лучше воспользовался онъ тономъ своего рода, тѣмъ менѣе могъ служить образцемъ въ другихъ; ораторскія рѣчи не могли уподоблятьcя шутливымъ и легкимъ разговорамъ. Потому нравственныя рѣчи Спероны и можно только читать еще съ нѣкоторымъ удовольствіемъ; но его фраза тянется, а нейдетъ; образованная по

Латинскому періоду, она развивается медленно, а многія вводныя мысли, которыя Сперона всегда хочетъ соединить съ главною идеею, затемняютъ рѣчь.

Въ томъ же самомъ можно упрекнуть историковъ этого вѣка. Исторія должна быть быстра, сжата, полна, какъ самый ходъ событій, а въ ихъ слогѣ часто нѣтъ быстроты. Впрочемъ Бембо, Макіавели, Гичардини, идя по слѣдамъ Ѳукидида и Тита-Ливія, подражая великимъ образцамъ, сами представили трудные для подражанія образцы. Дѣйствія и событія составляютъ въ ихъ твореніяхъ одну безпрерывную цѣпь, которая ихъ связываетъ и по которой онѣ объясняются другъ другомъ: рядъ фактовъ не всегда одинаково вѣренъ; но гдѣ оставляетъ истина, тамъ историки умѣли воспользоваться вѣроятнымъ; въ ихъ твореніяхъ мало пропусковъ, нѣтъ усиленныхъ переходовъ или неискусныхъ связей. Какъ современники, они могли знать событія, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣли силою холоднаго и вѣрнаго ума удалить отъ себя факты на искуственное разстояніе, конечно по своему желанію, но безъ пристрастія, и потому судятъ объ нихъ безъ всякаго измѣненія. Бывши сами дѣйствующими лицами на сценѣ политическаго свѣта, они удалились съ этой сцены не прежде, какъ проникнувъ въ тайны событій, чтобы передать потомству свои дѣла и наблюденія. Такая практическая жизнь была при-

чиною ихъ вѣрнаго, испытаннаго взгляда; знаніе мѣстныхъ подробностей удержало ихъ отъ страсти смотрѣть на все слишкомъ обще; сношенія съ государственными людьми развили въ нихъ прозорливость, необходимую для историка, по которой онъ отличаетъ предлоги отъ дѣйствій, причины и случаи отъ событій. Тонъ ихъ важенъ безъ нравоученій; размышленія, болѣе вѣрныя нежели особенно замысловатыя, выливаются изъ сущности самаго предмета; они превосходны въ изображеніи подробностей, но не отказываются и отъ общихъ взглядовъ; наконецъ, мало историковъ, которые бы такъ могли замѣнить опытность, судить такъ вѣрно и скоро, что̀ необходимо въ дѣлѣ общественномъ.

Родился въ 1482 г. умеръ въ 1540.

Гичардини писалъ исторію своего времени: это обширная и мрачная картина бѣдствій Италіи и необдуманныхъ предпріятій Франціи. Онъ написалъ свою исторію въ ссылкѣ, въ которой жилъ послѣ полной довѣренности къ нему Льва X, Адріана и Павла III. Здѣсь-то онъ показалъ, что былъ достоинъ почестей, потому что обходился и безъ нихъ, и здѣсь, въ промежуткѣ между жизнію и смертію, занимался своимъ прекраснымъ твореніемъ, чтобы судить хладнокровно о современникахъ и о самомъ себѣ. Видно, что̀ онъ преимущественно изучалъ Тита-Ливія: между ними замѣтно какое-то тайное сходство. Въ сравненіи съ Латинскимъ историкомъ, онъ не такъ блестящъ, но болѣе основателенъ; ходъ его не

такъ быстръ, потому что фразы гораздо длиннѣе. Форма его не драматическая; въ его сочиненіи болѣе политики чѣмъ дѣйствія; но это различіе дѣлается еще разительнѣе между вѣками, которые они описывали. Гичардини не могъ придать своему творенію прелести чудеснаго, носящагося надъ пятью первыми вѣками Рима, и иногда необъясняющаго самыхъ событій, но онъ замѣнилъ его прелестію разсудка, счастливыми развитіями раскрывающаго дѣянія и результаты. Можетъ быть, въ Италіянскомъ историкѣ разговоры слишкомъ часты и лишены ораторскаго движенія; но, преисполненные идей и свѣтлыхъ взглядовъ, они распространяютъ свѣтъ на самыя событія.

Макіавели болѣе сжатъ, кратокъ, убѣдителенъ въ сравненіи съ Гичардини. Немногіе отличались такими практическими свѣдѣніями, такимъ изящнымъ чувствомъ, дарованіями къ дѣламъ и глубокостію въ умозрѣніи. Въ нашъ систематическій вѣкъ, когда обращаютъ все вниманіе не на богатство и число идей, но на методическій порядокъ, въ которомъ ихъ предствляютъ, и иногда разнообразіемъ наблюденій и истиною вещей жертвуютъ страсти все подводить подъ небольшое число свѣдѣній и правилъ, политика Макіавели не пользуется уваженіемъ, потому что его ученіе не расположено систематически. Но до него никогда лучше не разбирали способовъ разныхъ правительствъ, ихъ правилъ и

Родился въ 1469. Умеръ въ 1527.

законовъ, ихъ выгодъ и невыгодъ, и никто лучше не показываетъ всѣхъ препятствій, противополагаемыхъ страстями и предразсудками отвлеченнымъ теоріямъ, и опасности нововведеній. Родившись и взросши посреди народныхъ волненій Флоренціи, самъ долго занимая одно изъ первыхъ государственныхъ мѣстъ, онъ изобразилъ въ исторіи нѣкогда знаменитой республики картину измѣненій, представляемыхъ народными правленіями, и показалъ, что демократія даже въ малыхъ государствахъ не доставляетъ такъ называемой свободы, безопасности и спокойствія. Его сужденія о Титѣ-Ливіѣ могутъ служить руководствомъ для государственныхъ людей; читая ихъ удивляешься, какъ его мысль оплодотворяетъ факты, наименѣе занимательные. Знатоки уважаютъ также его разсужденіе о военномъ искусствѣ. Картины Франціи и Германіи не безъ достоинства; это первые опыты въ такомъ родѣ, которые, независимо отъ заключающихся въ нихъ любопытныхъ свѣдѣній, доказываютъ, что наблюдательный умъ Макіавеля ничѣмъ не пренебрегалъ, и что его философія стояла выше того вѣка.

Вообще Философія не составляетъ блистательной стороны этой эпохи; память и воображеніе развиваются и работаютъ прежде умозрѣнія: таковъ ходъ природы. Человѣкъ имѣлъ чувства и страсти прежде идей; въ остроумныхъ вымыслахъ онъ разсказывалъ о событіяхъ, но

не умѣлъ вопрошать природу и требовать отъ самого себя отчета въ происхожденіи своихъ мыслей. Схоластика владычествовала еще надъ умами. Всѣвозможныя отвлеченныя свѣдѣнія были связываемы безъ изысканія ихъ начала и важности, и никто не замѣчалъ, что это только приуготовительныя средства для приведенія въ порядокъ фактовъ; всѣ, думая быть богатыми, были бѣдны: то былъ лучшій способъ остаться такими. Галилей еще не являлся; Бэконъ, обобщая открытія Галилея, не предписывалъ еще уму человѣческому его хода, и не пролагалъ еще дороги истиннаго. Начали догадываться, что наблюденія и опыты суть единственныя средства для открытія тайнъ природы. Фаллопъ Моденскій, Евстафій, преподававшій въ Падуѣ, Фламандецъ Везаль успѣшно наблюдали органы человѣческаго тѣла. Химія желала производить чудеса, вмѣсто изученія чудесъ природы, и наука всегда будетъ сожалѣть, что такіе дѣятельные и трудолюбивые люди, какъ Парацельсъ и Ванъ- 1493-1541
Гельмонтъ теряли свои силы, имущество и жизнь 1577-1644
на отысканія химеръ. Алгебра, эти новые знаки, заимствованные отъ Аравитянъ и долженствовавшіе повлечь за собою столько открытій или облегчить ихъ, была извѣстна; но къ Математикѣ не умѣли еще примѣнить ее. Коперникъ, 1473-1543
въ глуши Пруссіи, создалъ истинную планетную систему, и то, что у него было одною счастливою идеею, въ послѣдствіи, чрезъ наблюденія и

счисленія, пріобрѣло высшую степень достовѣрности.

Чтобы начертать изображеніе многочисленныхъ произведеній искусства въ вѣкъ Льва X, надобно быть художникомъ; потому что о художникахъ могутъ судить только художники. Замѣтимъ, что ни въ одну эпоху, исключая вѣкъ Перикловъ, геній не произвелъ столько совершенныхъ твореній; количество оргинальныхъ произведеній такъ велико, какъ будто геній производилъ безъ усилій и разсыпалъ свои богатства щедрою рукою. Механическія искусства, трудящіяся для полезнаго или по крайней мѣрѣ подчиняющія ему изящное, умножили въ Италіи средства къ существованію и роскоши, тогда какъ артисты, создающіе одно изящное, прославляли себя своими произведеніями. Образцы давно уже существовали; время пощадило памятники, достойные избѣгнуть разрушенія. Прототипъ истинно изящнаго — природа, была все та же, представляя тысячи разбросанныхъ чертъ, которыя могли довести до идеала; но образцы сіи явились только, повидимому, при пробужденіи геніевъ, бывшихъ въ состояніи изучать ихъ, удивляться имъ и сравнивать. Искусство почти не имѣло младенческаго возраста въ Италіи: науки, дщери времени, идутъ медленно, подвигаясь впередъ соединенными усиліями вѣковъ; но геній искусствъ, какъ геній поэзіи, часто вдругъ возвышается до совершенства и осуществляетъ идеалъ

красоты. Римъ заключалъ въ стѣнахъ своихъ при Юліѣ II, Львѣ X, Климентѣ VII, Павлѣ III, людей, которыхъ скупая природа не слишкомъ расточаетъ, и изъ которыхъ одинъ достаточенъ для славы народа; таковы были Рафаэль Урбино, умершій въ цвѣтѣ лѣтъ, но довольно жившій для безсмертія; Юлій Романо, Іоаннъ Удино, Полидоръ Караваджъ, Іаковъ Санзовинъ и Микель Анджело Буонаротти, заслужившій вѣнокъ зодчаго, живописца и ваятеля. Большая часть сихъ художниковъ работали надъ тою базиликою Св. Петра, огромнымъ и единственнымъ зданіемъ, достойнымъ результатомъ стеченія всѣхъ дарованій, которой первый планъ начерталъ Брамантъ, а кончилъ Микель Анджело. Въ это же время образовались въ Италіи школы генія, которыя всѣ имѣли особенный характеръ, которыхъ одинаковое, хотя и разнообразное достоинство раздѣляетъ судей, и которымъ, можетъ быть, легче удивляться и отличать другъ отъ друга, нежели дѣлать имъ опредѣленіе. По отзывамъ знатоковъ, Рафаэль преимуществуетъ въ правильности, и въ Римской школѣ училъ совершенству рисунка. Джіорджіонъ, Тиціанъ, Тинторето утверждали за Венеціянскою школою первенство колорита. Корреджіо, жившій и умершій въ нищетѣ, трудившійся для куска хлѣба и заслужившій славу, Корреджіо, живописецъ граціи, былъ для Ломбардской школы неподражаемымъ образцемъ. Микель Анджело, возвысивъ куполъ Св. Петра, разрисовалъ

1520 г. 37 лѣтъ.

1475-1564

его тою же рукою, которою написалъ Страшный Судъ, и на мраморѣ изобразилъ Моисея. Геній этого художника, всегда смѣлый, обширный, возвышенный, сообщавшій душѣ чувство безконечнаго, представляя глазамъ окончательныя формы, какъ будто стѣснялся всѣми средствами и всѣми формами, которыми можетъ располагать искусство.

Трудъ и промышленость произвели богатство; счастливыя обстоятельства породили просвѣщеніе и развили дарованія; науки и искусства возвратили труду благодѣянія, ими отъ него полученныя; увеличивая нужды, требованія и дѣятельность, ихъ удовлетворяющую, онѣ умножили богатство и могущество народовъ, и въ то же время положили новую тяжесть на вѣсы политической системы.

Конецъ перваго тома.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ПЕРЕВОРОТОВЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМѢ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

Часть первая. 1492—1618.

Первый періодъ. 1492 — 1515.

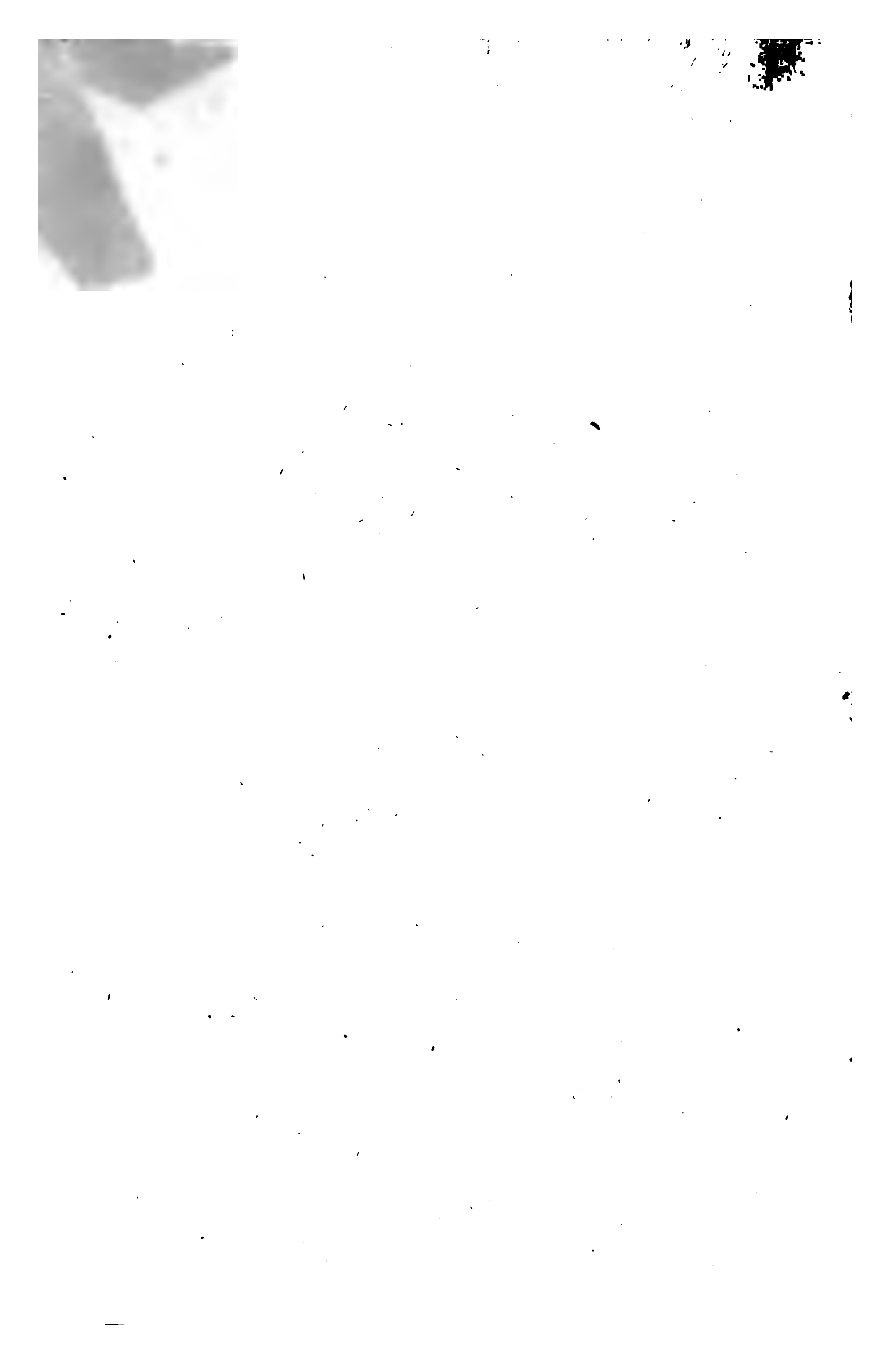
Стран.

Періодъ вторый. 1515—1556.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ И ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
XVI.	19.	сношеній,	сношенія,
XXXI.	6.	протводѣйствовать.	противодѣйствовать.
XXXIII.	2.	подергается	подвергается.
2.	7.	Сентимія	Септимія.
14.	27.	175.	571.
30.	18.	Папы Адріанъ	Папа Адріанъ.
37.	1.	къ единообразію этой болѣзни.	къ единообразію — этой болѣзни.
107.	10.	Васко де Гама	Васко де Гамы.
133.	11.	сестра. Его,	сестра его,
134.	1. снизу	347	1347.
146.	6. —	1328	1382
»	1. —	по не могла	и не могла
153.	11.	Софіи	Софіи (?)

Сверхъ того на стр. 257, строк. 16, къ словамъ: »во время своего съ нимъ свиданія« прибавить: »въ camp de drap d'or между Ардромъ и Гинемъ.«



Stanford University Libraries
3 6105 013 516 005